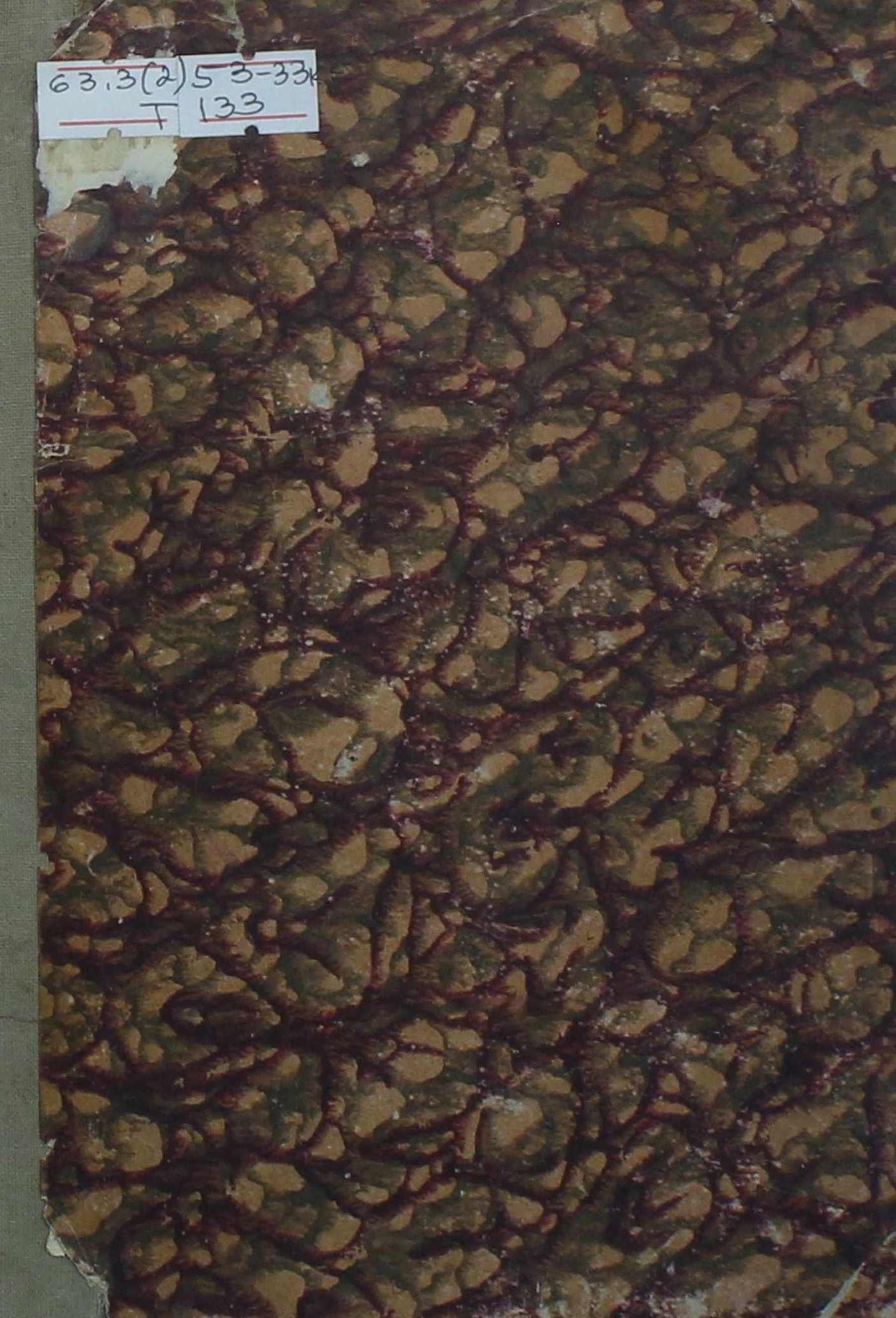
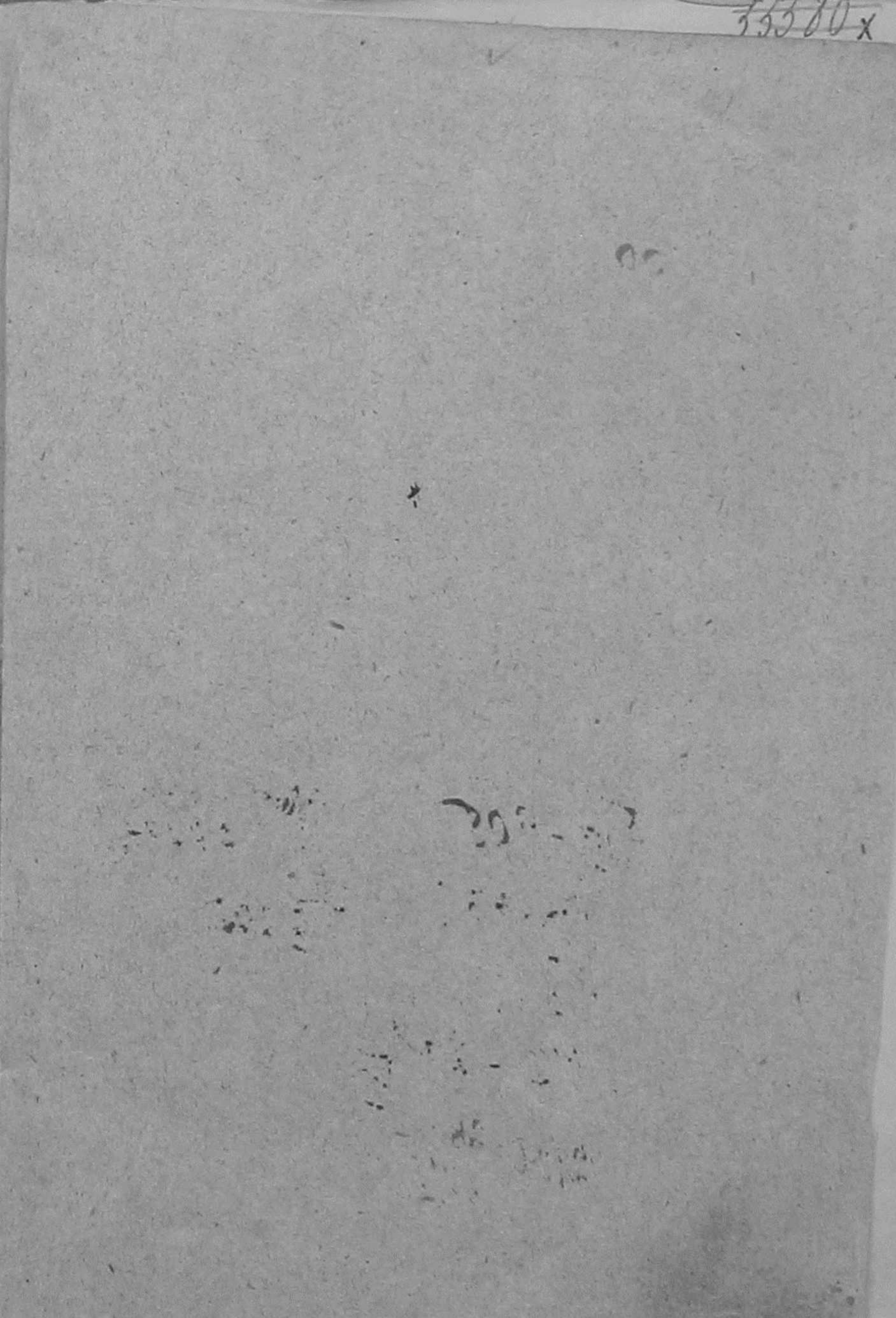

63.3(2)53-33к
Т 133

33580 x

Н. С. ТАГАНЦЕВ.

ПЕРЕЖИТОЕ

Учреждение Государственной Думы в 1905—1906 г.г.

ПЕТРОГРАД.
18-ая Государственная типография. Лештуков пер., 13.
1919.

2001 г.
МАЙ 200

PRO DOMO SUO.

Минувшее проходит предо мною...
Давно-ль оно неслось, событий полно,
Волнуяся, как море-океан.

1. Многократно порывался я писать воспоминания, но меня всегда удерживало одно, может быть, излишне щепетильное соображение. Много перечитал я «мемуаров», «воспоминаний», «страниц прошлого», и почти во всех поражала меня ярко окрашенная личная жилка большинства вспоминателей: невольное, или верней, непроизвольное выдвигание своего Я доминирующим тоном разсказа. Конечно, думал я, нельзя требовать от этого рода литературы стиля хронографа или гоф-фурьерского журнала: нельзя желать, чтобы их писали «не мудрствуя лукаво». Но с другой стороны казалось, не слишком ли много проявляется в них самодовлеющего умиление; ведь только избранным, на челе коих горит негасаемый огонь Прометея, приличествует передавать свое «Былое и Думы» urbi et orbi. А применимо ли это к воспоминаниям пишущих среднего типа, к пишущей толпе? Ведь всетаки почти в каждом воспоминании автор ставит себя не только центром разсказа и описуемых событий, но, может быть невольно, занимает по отношению к другим изображаемым им лицам возвышенное место, уподобляясь, если не городу, то огню, возженному на горе. Нет ли во всем этом большой дозы самолюбования? Как только появлялась эта мысль, я бросал написанные листки. Но годы и леденящее время, очевидно, стерли краснобагровые налеты скромности, я поддался искушению, и начинаю предлагать читателям — „из пережитого“.

2. Я поставил к моим раскопкам прошлого эпиграфом слова Пимена из „Бориса Годунова“ потому, что мню, что есть некоторая аналогия между мною и Пименом: „Зане бо многих лет свидетелем Господь меня поставил и книжному искусству вразумил“. А лет мне действительно много: 19 февраля 1919 года минуло семьдесят шесть лет, и жил я жизнью самостоятельною и в умственном и в материальном отношении с шестнадцати лет, со студенческой скамьи. Как писал я в одной из попыток автобиографии: моя жизнь была богата разнообразным и ценным материалом. Ведь стоит сопоставить пределы мною пережитого! От принадлежности к семье, в которой отцу (моему) нужно было приписаться из мещан в купцы третьей гильдии, что бы избавить сыновей,—собственно говоря, одного меня,—так как старший сын был калека,—от страшной двадцатипятилетней рекрутчины, и до участия в 1905 году в составлении конституции России под личным председательством государя и при весьма благосклонном *тогда* отношении его ко мне,—дистанция огромного размера, крупный взмах жизненного маятника.

В моем выпускном гимназическом свидетельстве 1859 года [1] значится: что мне предоставляется, как

---

[1]) „Казанский Учебный Округъ. Свидетельство. Предъявитель сего, Николай, Степанов сын, Таганцев, из купцов, имеющий ныне от роду шестнадцать лет, обучался в Пензенской Гимназии с 16 Августа 1852 по 12 Июня 1859 года, во все время учения своего был поведения отличного и, окончив полный гимназический курс, в преподаваемых предметах оказал успехи: В Законе Божием, Священной и Церковной Истории — отличные, Русской Грамматике и Словесности — отличные, Математике — отличные, Физике — отличные, Истории — отличные, Географии — отличные. В языках: Латинском—отличные, Французском — отличные, Немецком — хорошие. В рисовании, черчении и чистописании — отличные.

Вследствие того, с утверждения Г. Управляющего Казанским Учебным Округом, от 10 сего Іюля 1859 года за № 2722, он, Таганцев, как окончивший полный гимназический курс с отличными успехами, при отличном поведении, награжден *серебряною медалью* и дозволяется прием его в студенты по Физико-Математическому Факультету Казанского Университета без вступительного экзамена.

В удостоверение чего и дано ему, Таганцеву, сие свидетельство за надлежащим подписом и с приложением печати Пензенской Гимназии с тем, однако, что ему, как происходящему из купеческого звания, не предоставляется тем никаких прав для вступления в гражданскую службу. Пенза. Іюля 14 дня 1859 года. (Подписи). (Печать).

окончившему полный курс с медалью, право поступления в университет, но не предоставляется, как происходящему из купеческого звания, никаких прав для вступления в гражданскую службу

А в 1916 году, в списке гражданских чинов второго класса я уже состоял под номером пятнадцатым, [2] в порядке иерархической престарелости, и если бы я умер при дореволюционном режиме, то в моем официальном некрологе значилось бы, что я имел все знаки отличия до ордена Александра Невского с бриллиантами включительно. [3].

---

[2]) В списке гражданских чинов второго класса за 1919 год я был бы увы. уже *шестым*.

Причем в моем списке значилось бы:

Таганцев Николай Степанович.

(Д. Тайн. Сов.).

Член Госуд. Совета. Почетный Мировой Судья г. Петрограда и Вышневолоцкого уезда; Почетный гражданин г. Вышнего Волочка и г. Пензы; заслуженный профессор; почетный академик; почетный член университетов — Петербургского, Киевского, Казанского, Юрьевского (Дерптского).

На службе с 1863 года.

В 4-м классе с 1876 г.
„ 3-м „ „ 1887 г.
„ 2-м „ „ 1903 г.

Имеет:

Св. Станисл. I степ. 1882 г.
Св. Анны I степ.—1884 г.
Сенатор—1887 г.
Св. Владимира 2 ст. 1891 г.
Белого орла 1895 г.
Св. Александра Невского 1899 г.
Высоч. призн. 1903 г.
Член Гос. Совета 1905 г.
Брил. знаки к орд. Александра Невского при высоч. рескрипте 1913 г.

Имеет:

Знаки отличия безпорочн. службы.
За XL и за L лет.
Медали в память:
Царств. импер. Александра III.
Корон. 1896 г.; в память 300-летия Романовых. Знаки в память 200 л. Прав. Сената и в память 300 ц. д. Романовых и французский officier de l'instruction publique.

[3]) В гербе открываемого мною рода Таганцевых, утвержденном по указу Императора Александра III-го определением Правительствующего Сената от 23 февраля 1893 года, включено много эмблем геральдики, знаменующих главнейшия ступени моего жизнепрохождения, начиная с трех золотых колосьев, взятых из герба города Пензы, моей *родины*, а затем, в лазуревом щите серебряная открытая книга и над нею золотая о шести лучах звезда, удостоверяющая яко-бы, мою просветительную деятельность, как профессора и ученого и мое участие в законотворческой работе важных

Этому обширному протяжению жизни в вертикальном направлении соответствовала еще большая ширина и разнообразие в порядке горизонтальном.

Первая сфера моей деятельности была учено-преподовательская. Она дала мне возможность встать в близкия отношения и ознакомиться с разнообразною ученою, учащею и учащеюся средою, преимущественно в Петербурге.

Вторая—государственно-служебная; в Правительствующем Сенате, в Государственном Совете и в огромном числе самых разнообразных комиссий, включая сюда и комиссию по составлению Уголовного Уложения, взявшую у меня более двадцати лет самой серьезной работы. И в этой сфере мне пришлось встретиться с огромным числом представителей бюрократии и преимущественно высшего порядка, ознакомиться с огромным материалом, объемлющим все стороны государственной жизни России.

Наконец, третья сфера—это литературный фонд, где я работал с 1875 года, то простым членом комитета, то председателем; где пришлось мне соприкасаться и приходить в разнообразныя отношения не только с нуждающимися тружениками пера, но и с светилами русской мысли, знания и таланта.

А все это, вместе взятое, переливается, как многогранный блестящий и искрящийся жизненный калейдоскоп, в котором горят не только самоцветные камни,

---

комиссий и Государственного Совета. В надшлемнике же, как сказано в описании, изображены два ликторских пука, прутья натурального цвета с обвитыми вокруг них черными ремнями, топоры серебряные, *нужные*, будто бы по правилам геральдики для уяснения специального рода моих научных и законодательных трудов в области уголовного права, но, для обыкновенных смертных, напоминающие телесные наказания и смертную казнь; два исчадия и наследия средних веков, с которыми, а в особенности с последней, я неустанно, что называется непокладаючи рук, боролся, в продолжение всей моей долгой научной деятельности, не соответствуют истине. За то девиз, помещенный на вьющейся ленте, в нижней части герба, на коем изображено: „трудом *счастлив*" был выбран и внесен в герб *лично мною*. В этом изречении—весь смысл, вся гордость и утешающий вывод моей многолетней жизни. И отходя, в час предназначенный мне создателем, в вечность, я оставляю его, как *непререкаемый* завет, моим детям и внукам: пусть вспоминают своего труженика отца и деда и его судьбу.

но и драгоценные алмазы и жемчуга русского мыслящего мира.

3. Хотя огромное большинство лиц, с которыми мне приходилось сталкиваться, уже перешли за недосягаемые пределы того берега, но все же осталось много и живущих, и еще более, тесно связанных с отшедшими, близких им лиц, а это, по старым заветам писательской этики, значительно стесняет или по крайней мере ограничивает, область допустимого к оглашению. И это требование я не особенно склонен нарушать в каком либо отношении.

ПЕРЕЖИТОЕ.

I.

Предположение о реформе Государственного строя России в 1905 и 1906 г.г.

Нечто вроде вступления.

Печатая отрывки из пережитого («Былое», 1908 г. № 3), я предпослал им несколько слов [1]) о том, почему я долго не решался присоединить к сыплющимся, как осенний поток падающих звезд, на головы бедных читателей—воспоминаниям всяких типов, и мои блуждающие огоньки, а также и о чем могли бы напомнить мои сказания о минувшем.

В этих отрывках, я останавливался на событиях 1877 года, когда мне пришлось единственный раз появиться на судебной арене в качестве защитника доктора Кадьяна, привлеченного в качестве обвиняемого по политическому процессу 193-х (Народовольцы).

Затем ко мне обратилась редакция одного предпологавшегося издания с пожеланием, чтобы я попытался составить очерк другого, более недавнего эпизода: моего участия в обсуждении проектов переустройства государственного уклада России в 1905—1906 г.г.

Предложение заманчивое; задача крайне соблазнительная, но и не легкая для разрешения.

Прежде всего пришлось озаботиться о подготовке материалов, а это представило затруднение.

В журнале «Былое» за 1917—1918 г.г. были напечатаны, относящиеся к этому событию, весьма важные іпротоколы секретных заседаний под председательством Государя; имелись они и у меня, и притом официозные, отпечатанные в Государственной типографии в весьма ограниченном числе. Сверх того,

---

[1]) перепечатано выше, как предварительная заметка.

я имел в своем распоряжении чрезвычайно важные документы из архива бумаг покойного барона Эммануила Юльевича Нольде, бывшего тогда управляющим делами Комитета Министров, любезно сообщенные мне его сыном, профессором Борисом Эммануиловичем Нольде и кроме того я пользовался материалами из моего собственного архива.

Но остались всетаки значительные пробелы.

Я не мог получить в Архиве Государственного Совета переданные в него из Государственной Канцелярии дела, относящиеся к этим заседаниям; так как по полученным сведениям они были взяты оттуда комиссаром Министерства Юстиции, а в министерстве оказалось. что они свалены в одной из комнат здания Министерства на полу, вместе с другими документами, и розыскать их (если они существуют в этой беспорядочной куче), было невозможно. Что же касается дел бывшего Комитета Министров, то за от'ездом моим летом 1918 г. из Петербурга, *я не мог их и разыскивать.*

В журнале «Былое» напечатавший эти материалы В. В. Водовозов присоединил к ним *краткий* обзор некоторых из них, талантливо написанный, но далеко их не исчерпывающий, так как он стоял совершенно в стороне от описываемых событий.

В этом отношении мое положение было более выгодно. Я мог пользоваться, помимо всего вышеназванного, еще одним, особенно ценным подспорьем: кладовой моей памяти.

Провидению угодно было, допустив меня дожить до глубокой старости, сохранить пока мне и возможность пользоваться накопленными запасами моей жизни, по мере дарованных мне умственных сил и способностей. Это да послужит мне оправданием, что я приступил к предложенной работе почти вслед за только что указанными очерками Водовозова.

Мне, как лицу, участвовавшему в большинстве заседаний, о которых идет речь, известно было многое, недоступное постороннему, а многое представлялось иначе, под иным углом зрения. Во внутренней камер-обскуре моей памяти вырисовываются не только картины прошлого, но и участники событий, и особенно главнейшие из них, в их жизненном облике, с их стремлениями, склонностями и даже способностями, на сколько, конечно, все это доступно моему разумению.

Но и помимо неполноты материалов трудность предложенной задачи заключалась в ея выполнении. Боюсь, что я взялся рубить дубинку не по росту! На моей палитре не положено достаточно сочных и ярких красок для надлежащего изображения описываемого.

Содержание очерка—крупнейшия события новой истории Росии, а мой личный кругозор недостаточно широк; слабее моя способность проникать в глубь переплетающихся исторических

нитей, сопоставлять и оценивать совершившееся и, наконец, думается мне, особенно слабою окажется моя способность облечь это в надлежащую форму.

Все это создавало сильные зацепы! Но на то, ведь, я русский человек: «не мимо идет присказка: назвался груздем, так и полезай в кузов», и пошел груздочек по ельничку!

На какое либо снисходительное ко мне отношение я не претендую; прошу только верить моей искренности.

По моим предположениям, настоящий очерк должен обнять обсуждение в высших сферах реформы, государственного строя России, происходившее в 1905—1906 г.г.

В этот очерк вошли:

1) Петергофское совещание в июле 1906 г. о проекте Государственной Думы;

2) Первое царкосельское совещание по пересмотру избирательного права на основании манифеста 17 октября 1905 г.;

3) комиссия графа Сольского об изменении учреждения Государственного Совета в 1905 году;

4) второе царскосельское совещание по пересмотру высших законодательных учреждений в феврале 1906 года;

5) третье царскосельское совещание по реформе основных законов при графе Витте.

Кроме того мною по данным того же времени сделан дополнительный очерк:

Обзор предположений общественных учреждений и частных лиц, о реформе государственного строя России, представленных в Совет Министров на основании указа 18 февраля 1905 г. Он назван мною: «Голос России 1905 года».

Петергофское совещание.

1) Приглашение на совещание.

Лето 1905 г. я проживал по обыкновению с семьей в моей маленькой мызе «Залучье» Вышневолоцкого уезда Тверской губ. 17 июня я получил от Государственного секретаря барона Юлия Александровича Икскуля фон Гильденбандта телеграмму такого содержания: «по Высочайшему Повелению Ваше Высокопревосходительство призваны в состав совещания под личным Его Императорского Величества председательством. Первое заседание назначено в Петергофе, в большом дворце, во вторник 19 июля». Я был в это время уже членом Государственного Совета.

В тот же день вечером я отправился в Петербург, и так как накануне, 16 июля, я получил телеграмму от бывшего Государственного секретаря А. А. Половцева: «будете в Петербурге, желал бы повидаться с Вами»; то 18 утром я отправился его разыскивать но никаких предположений или особых планов с его стороны мне не было сообщено.

Совещание было образовано на основании Высочайшего повеления от 16 июля для обсуждения предначертаний, указанных в рескрипте 18 февраля 1905 года, из лиц по непосредственному указанию Е. И. В.

Делопроизводство было возложено на Тов. Гос. Секретаря П. А. Харитонова и на статс-секретарей Тимрота, Кобеляцкого и Трепова.

Всех членов совещания по списку было 44, да сверх того в заседаниях участвовали: князь М. С. Волконский, бывший прежде попечителем Петербургского учебного округа, и воспитатель В. Кн. Михаила Александровича—Чарторийский По направлению из ярко консервативных членов совещания были К. П. Победоносцев и контролер Лобко; члены Гос. Совета граф Игнатьев, Д. С. Стишинский; сенаторы А. А. Нарышкин, Ширинский-Шихматов и А. А. Бобринский. Кроме того из участников резко окрашенных тем же цветом были: Ананий Петрович Струков; секретарь вдовствующей императрицы, поэт

граф Голенищев-Кутузов и известный по квантунской истории дворянин Павлов. Большинство прочих участников, в том числе и я, были умеренного образа мыслей; к нашей же группе принадлежал и профессор В. С. Ключевский.

Не знаю, какими основаниями руководился Государь при выборе членов совещания и кто именно указывал или, вернее, подсказывал выборы того или другого сочлена. Относительно меня предполагаю, что это мог сделать кто-нибудь из моих учеников, участвовавших в совете министров [1]), а, может быть, и сам автор первоначального проекта А. С. Булыгин; тем более что обо мне шла речь в сообщенной нам в совещании, в качестве материала, переписке Мин. Внутр. Дел с ст.-секретарем Великого Княжества князем Иваном Михайловичем Оболенским, в которой указывалось, что по проекту Булыгина было предположено включить в состав Думы, для обсуждения некоторых дел, и членов от Финляндского сейма, но что это предположение не было принято в проекте совета министров в виду производящегося под председательством члена Государственного Совета Таганцева пересмотра вопроса о предметах общего в Империи и Финляндии законодательства [1]).

Сообщение о назначении меня членом совещания я получил от барона Икскуля только по прибытии в Петербург; тогда же я получил весьма немногие материалы и в том числе соображения Министра Внутренних Дел Александра Григорьевича Булыгина, положенные в основание составленного им проекта учреждения Думы, внесенного в Совет Министров под председательством графа Сольского 23 мая 1905 года и несколько измененного им. Пересмотренный Советом Министров проект Думы и подлежал рассмотрению Совещания.

Булыгин был моим учеником по училищу Правоведения и даже составителем моих лекций. Воспитанник он был способный, богатый барич, человек несомненно безусловно порядочный, очень спокойного характера. Товарищи его любили, хотя временами и поддразнивали, называя почему-то «бычком». Во время коронации в 1887 году он был московским губернатором и там я весьма дружески встретился с ним, впервые после окончания им курса.

---

[1]) В составе Совета Министров, а потом и в Петергофском Совещании моими учениками были: Танеев, Булыгин, бар. Будберг, Коковцов, бар. Икскуль, Манухин, бар. Нольде; и кроме того, в делопроизводстве — Харитонов, Тимрот и Вунч.

[2]) О содержании этой переписки вспомнили в конце последнего заседания 26 июля, когда в ответ на слова Государя, что он забыл, что в манифесте надо упомянуть о Финляндии, А. Г. Булыгин сказал, что он получил письмо от финляндского генерал-губернатора, который находит, что необходимо упомянуть об участии выборных от Финляндии в Думе; на это Государь сказал: „Да, это непременно надо сделать теперь же“.

Первое заседание Совещания было назначено 19 июля в 2 часа дня в большом Петергофском дворце, в так-называемом купеческом зале. Форма одежды была для нас мундирный фрак при ленте и белый галстух.

При этом гофмаршальская часть сообщила нам, что для всех приглашенных будет дан особый поезд на Балтийской железной дороге в 11 час. утра, а во дворце, по приезде, будет предложен завтрак.

К первому заседанию готовиться серьезно было невозможно; пришлось поверхностно ознакомиться с проектом Государственной Думы, рассмотренном в Совете Министров, и только, так сказать, заглянуть в обширные соображения М. В. Д. о порядке осуществления Высочайших предуказаний, возвещенных в рескрипте 18 февраля, т. е. проще говоря, в об'яснительную записку А. Г. Булыгина к его проекту Госуд. Думы. В таком же положении очевидно находилось и большинство членов Совещания, не участвовавших в заседаниях Совета Министров. Этим и об'ясняется, что в первом заседании 19 июля было пройдено 35 статей проекта, т. е. первые четыре ея раздела из 8 и притом основной раздел: о составе и устройстве Думы [1]).

2) Совещание.

Заседание началось с молебна, отслуженного протопресвитером Янышевым. Открылось оно Государем, сказавшем несколько слов, что «надо начать с принципиального, по его мнению, вопроса: находится ли проектированное в полезном согласии и правильном сочетании с основными законами, о чем он просит высказаться откровенно, ясно и положительно». Первые члены, начавшие суждение Совещания, граф Сольский, который представил меморию Совета Министров Государю, и Фриш,—конечно, высказались в том смысле, что об ограничении власти самодержавной в проекте Учреждения Государственной Думы нет и речи, но—прибавил Сольский,—что с учреждением Думы должны измениться условия деятельности власти и что, конечно разрешением вопросов по непосредственному усмотрению Вашего Величества придется пользоваться особенно осмотрительно, так как несогласие с мнением Думы не будет уже иметь оправдания в недостаточной осведомленности законосовещательных учреждений с истинными потребностями населения. Вслед за первенствующими членами Сове-

[1]) Во второе и половину третьего заседания были пройдены следующие 28 статей, а последний, небольшой раздел проекта, о выборах, занял два с половиною следующих заседания.

щания тотчас же высказались и представители крайне-правых, и прежде всех А. С. Стишинский, который определенно оттенил, что если, как предположено, Государю будет представляться *только* мнение, получившее большинство голосов, а если большинства за проект не будет, проект возвращается министру, то это будет означать, что Дума привлекается не к совещательной, а к законодательной деятельности; это будет нарушением основных законов, а поэтому он присоединился к мнению, высказанному в Совете Министров Государственным Контролером, что статья 50 пректа (бывшая 42) должна быть исключена, и Государю должны представляться для его свободного выбора мнения и большинства и меньшинства. Еще сильнее и резче были развиты те же соображения А. А. Нарышкиным: что этим путем разрушается основное начало нашего образа правления, в силу коего законодательная власть единственно и всецело принадлежит монарху. Более уклончиво, но также против попытки проекта хоть чем либо ограничить самодержавную власть, высказался и граф Игнатьев, но в конце концов эти первые попытки противников даже «Булыгинской» Думы привели к любопытному, чисто канцелярскому прекращению разгоравшегося спора. Защитники проекта Совета Министров указали, что охрану самодержавия они видят в том, что для отклонения законопроекта необходимо двойное большинство, т. е. большинство и в Думе и в Государственном Совете (мнение Манухина и Трепова) указывали даже, что издание закона вопреки мнению такого большинства могло бы лишь поколебать веру в самодержавие; наконец, указывали и на то, что в виду существования ст. I законов основных самое внесение в учреждение Думы такого указания на самодержавное право монарха решать вопреки мнения большинства, было бы даже опасно, так как это только могло бы возбудить сомнение, что постановления основных законов не непреложны. Наконец Государь удовлетворился тем компромиссом, что в ст. I-ой проекта выражение, предположенное Советом, что все законы восходят к Верховной *Императорской* власти, было заменено другим: «к Верховной *самодержавной* власти; хотя очевидно, что оба выражения в понятиях того времени, т. е. по смыслу основных законов, были тождественны.

Сделаны были в то же время той же группой указания на будто бы допущенное в проекте ограничение самодержавия, выразившееся в том, что и в присяге членов Думы не упоминается о присяге самодержавию; и когда было по поводу этого замечено, что в частных присягах, напр., судейской, об этом также не упоминается, то на это Лобко возразил, что упоминание о самодержавии возможно и должно быть во всех присягах. В этом отношении Государю понравилась поправка фор-

мулы присяги, предложенная Стишинским, что члены Думы присягают как «верноподданные самодержавного нашего государя». Однако, в конце первого заседания представитель той же группы правых граф Голенищев-Кутузов высказал неожиданно такое мнение, которое прекращало, казалось бы, все дальнейшие рассуждения: что «проект, по его мнению, отвечает принципу самодержавия только с формальной стороны, по своему же духу он прямо ему противоречит, и что выборы в Думу внесут большую смуту, и вконце концов самый принцип самодержавия будет поколеблен». Но эта вылазка успеха не имела и Совещание, после указания Государя, что он одобряет изложение ст. 1-й, предложенное Э. В. Фришем, что «Г. Д. учреждается для предварительной разработки и обсуждения законодательных предположений, восходящих, по силе основных законов, через Гос. Совет к Верховной Самодержавной Власти», перешли к дальнейшему постатейному рассмотрению в порядке министерского проекта [1]).

Из дальнейших рассуждений упомяну только об одном обстоятельстве, в котором известному тверскому деятелю И. И. Петрункевичу пришлось сыграть роль, хотя и заочно, в создании этой первой, так называемой «куцой конституции». Совещание перешло к рассмотрению ст. 10 и 11 проекта. По ст. 10 в Совете Министров было большое разногласие: 10 членов полагали, что председатель и товарищ председателя Думы избираются Думою на все время ее полномочий и *утверждаются именными указами;* председатель и 6 членов полагали дополнить это правило указанием, что Дума *представляет двух кандидатов*, из которых один утверждается Государем, а 4 члена Совета Министров ограничились простым указанием, что избираются эти лица Думою на один год и что они никем не утверждаются. Точно также по ст. одинадцатой, по мнению председательствующего и 16 членов, председатель Думы имеет всеподданнейший доклад о ходе занятий Думы, а по мнению 4 членов, председатель никакого всеподданнейшего доклада не имеет, а о заседаниях Думы представляет Государю только в тех случаях, когда Государю будет благоугодно его принять. По общему строю нашей бюрократической машины, казалось бы, предпочтение должно было иметь мнение председательствующего и 6 членов, так как эта форма, как и заявил Булыгин,

[1]) К так называемому измененному проекту, который был нам разослан только после первого заседания, комиссия перешла только с следующего заседания (21 июля). Этот измененный проект был составлен канцелярией Совещания на основании Высочайшего повеления 8 июля 1905 г. Государственному Секретарю, причем такая переделка, хотя и не касавшаяся существа проэкта, а только его формы, вызвала несомненно неудовольствие Булыгина и некоторых других членов Совета Министров.

соответствовала нашим историческим началам и порядку дворянских выборов, но очевидно существовали иные соображения: граф Сольский пред началом обсуждения статьи 10-й заявил, что «Ваше Императорское Величество, кажется, уже разрешили это разномыслие в пользу мнения 4-х членов», на что Государь сказал, что «я склоняюсь к мнению 4-х членов», а А. Ф. Трепов вскрыл и причины этого, сказав, что «мнение 4-х членов основано главным образом на том, чтобы Вашему Величеству не приходилось утверждать неугодного Вам кандидата, избрание коего Вам нежелательно», на что и последовал откровенный отклик Государя: «например, Петрункевича». Таким образом одна возможность поставить Государя в необходимость услышать от Думы ненавистное имя тверского либерала, заставила и всех корифеев правых, даже самого Нарышкина и Струкова, оставить без всякой поддержки и защиты старую традицию порядка выборов предводителей дворянства.

Самый основной вопрос Булыгинского проекта Думы о существе представительного строя, как уже предрешенный смыслом рескрипта 18 февраля 1905 года, говорившего о воле Государя привлечь представителей народа к предварительной работе и обсуждению законодательных предположений, и получивший в об'яснительной записке М. В. Д. более лаконическую и ясную формулу: «привлекать членов Думы к законосовещательной деятельности», споров и обмена мнений не возбудил. Записка главным вопросом проекта считала не существо функций Думы, а только форму и порядок участия представителей в обсуждении законодательных предположений. Но руководители правых, как всегда «более монархисты, чем сам монарх», повели, как было указано выше, атаку даже и против этой попытки ограничить самовластие. Они отчетливо понимали, что представление на утверждение Государя только мнения большинства, а не большинства и меньшинства, лишало монарха фактической возможности обратить в закон мнение нескольких или хотя бы одного лица, вопреки воли большинства и даже очень значительного большинства ея членов и притом и служилых лиц в качестве членов Госуд. Совета, и представителей народа в качестве членов Думы. С принятием же мнения Стишинского и других правых, весь вопрос о каком либо *участии в управлении* представителей народа, и значит вся предпринятая в 1905 году реформа, сводилась бы к нулю.

По поводу этого самого жгучего и существенного пункта Булыгинского проекта, я позволю себе сделать два небольшие отступления.

Во-первых, замечу, что и после начала действия Государственной Думы наши правые не отказывались от попыток возвращения к этому средству уничтожить даже это ненавистное им

пережиток.

хотя столь незначительное ограничение самодержавия, и чем сильнее были государственные затруднения, чем выше поднимала голову реакция, тем откровеннее были попытки возвратиться к ничем кроме ретроградной клики неограниченному самодержавию [1]). Так в 1915 и особенно 1916 г. вновь послышались в Гос. Совете те же причитания, что распад государства, вся неурядица происходят оттого, что мнение меньшинства не доходит до престола и потому монарх лишается возможности предпринять то, что как они полагали, необходимо для спасения гибнущей России. Особенно резко проявлялось это в комиссиях, в которых председательствовали крайние правые, например, в комиссии о волостном земстве. Но как при председателе Гос. Сов. Анатолие Николаевиче Куломзине, так и ранее, в последнее время неуклюжих попыток М. Г. Акимова установить самовластие председателя Совета, эти попытки разбивались о сплоченные (хотя и весьмо некрепко) силы прогрессивного блока Государственного Совета т. е. об'единения действий и голосования групп—центра, левых и внепартийного об'единения, который составлял все таки большинство, хотя и не особенно значительное. Тогда, на исходе старого порядка, правые решили, пользуясь благоприятною кон'юнктурою придворных сфер и полною безвольностью тогдашнего премьера Николая Дмитриевича Голицына, совершить на 1 января 1917 г. перетасовку действующих членов Гос. Сов., т. е. перевести значительное число их в неприсутствующие и пополнить состав новыми членами, от которых глава правых Государственного Совета того времени И. Г. Щегловитов заручился обещанием всемерно содействовать или, по крайней мере, не противодействовать их ретроградным стремлениям. Переведены были в этот государственный архив 16 человек, в том числе 2 Андреевских кавалера и такие деятельные члены Гос. Совета, как Кауфман, Гербель, Ивапицкий, Зиновьев; в число отверженных попали: Рооп, Селиванов (взявший Перемышль), Герье, Балашев, Извольский и т. д. Председатель Гос. Совета Куломзин перешел в группу правого центра, а на его место председателем Гос. Совета назначен глава советских правых И. Г. Щегловитов. Товарищ председателя Гос. Совета, высоко честный, безупречно-корректный и чрезвычайно сведущий цивилист Иван Яковлевич Голубев переведен в недействующие члены, а затем ушел в отставку и скончался 18-го (31 по нов. ст.) апреля 1918 г. Вновь назначено было 18 человек, из которых многие имели только одну заслугу, что они обещались быть правыми, а были даже такие, которых правые по убеждениям, но вполне безукоризненные в нравственном и

---

[1]) „und der König absolut wenn Er unseren Willen thut"

политическом отношении, не считали возможным признавать сотоварищами и даже не решались оказывать им принятые в обществе знаки товарищества.

На сколько эта политическая махинация, проделанная под ширмами к тому времени совершенно безвольного государя и, кажется, при благосклонном содействии властвовавшей и властолюбивой Александры Феодоровны, уже тогда приблизившей к себе одного из главных, по моему убеждению, виновников падения династии Романовых в феврале 1917 года, Ивана Григорьевича Щегловитова, повлияла на состав Государственного Совета и, следовательно, могла бы влиять на будущую его деятельность, если бы она продолжалась, можно судить по следующим данным.

Из официальных таблиц распределения членов Государственного Совета по группам видно, что таких групп имелось 7. Отбрасывая две, не представлявшие баллотировочных листков и баллотировавшие только вместе с другими, получались две основные группы: 1) так называемый блок (группы левых, центр и кружок внепартийного об'единения, и 2) правое единение, т. е. правые и правый центр (министров я считаю отдельно, так как не знаю вполне точно как каждый из них в отдельности голосовал). Оне давали для всего состава Гос. Совета такие сравнительные цифры:

1) При премьере *Штюрмере* 17 мая 1916 г. блок — 93; правые — 81; министры — 15 (предположительно-правых 10, блок 4), всего 189.

2) При премьере *Трепове* 28 ноября 1916 г. блок — 101; правые — 83; министры — 9 (пр. 7, бл. 2) всего 193.

3) При премьере *Голицыне* 22 февр. 1917 г. (т. е. после Щегловитовской перетасовки) блок 89; правых 97; министров 9 (пр. 7, бл. 2) всего 195.

Но значение этой подтасовки Государственного Совета станет яснее, если мы рассмотрим цифры состава отдельно для выборных и для назначенных.

1) Выборные: 1 декабря 1916 г.: 1) блок 66, 2) правые 30 (из них правых 13 и правого центра 17), всего выборных 96; 22 февраля 1917 г.: блок 67, правых 30 (12+18), всего выборных 97, т. е. распределение почти без изменения.

2) Назначенные: 1 декабря 1916 г.: блок 37; правые 58; 22 февраля 1917 г.: блок 24; правые 74.

Всего сильнее из членов по назначению был разгромлен центр, считавший когда-то до 25 назначенных (большинство всегда были правые), а теперь сохранивший только 9 членов.

Моя личная судьба была такова. Уже при Акимове возбуждался два раза вопрос об исключении меня из действующих сочленов за мой якобы либеральный образ мыслей; один раз,

по сказанным мне словам М. Г. Акимова, государь уже поднял перо, чтобы меня вычеркнуть, а другой раз это будто бы не совершилось по предварительному вмешательству бывшего председателя группы центра, князя Трубецкого. Но однако и в этот раз, т. е. 1 января 1917 года, я почему то был оставлен Щегловитовым, хотя еще в конце ноября я умолял Государственный Совет, как один из старейших его членов, с трибуны, быть верным своим традициям и представить Державной власти о невозможности оставлять управление государством в том виде, как оно шло; о невозможности долее терпеть Змея Горыныча (тогда Распутин был еще жив) и о необходимости всем не только помнить, но и твердо заявить монарху, что «отечество в опасности».

Перехожу ко второму отступлению, также связанному с вопросом о большинстве и о меньшинстве, затронутым в Петергофском Совещании.

Что может значить представление Высочайшей власти мнений большинства и меньшинства пришлось испытать всей России в деле огромной государственной важности—вопросе о немедленном введении в действие в 1903 году уголовного уложения; вопросе угнетающе затронувшем в частности и меня, как одного из авторов уложения, принимавшего деятельное участие не только в его составлении, но и в его рассмотрении, как в соединенных департаментах Государственного Совета, так и в Общем Собрании. Уголовное уложение было утверждено государем 3 марта 1903 года и, казалось, его многолетнее страдание в стадии приготовления окончилось; оставалось только провести закон о введении его в действие и определить дату введения.

Я в это время получил, как раз за работы по составлению уголовного уложения, Высочайшую признательность, и по этому поводу представлялся государю в царскосельском Александровском дворце, сколько помню, еще в начале марта, скоро после утверждения уложения. Государь принял меня очень милостиво, сказал несколько слов о больших трудах по составлению уложения и прибавил, что «вероятно Вы будете очень довольны, когда очень скоро новый закон начнетъ действовать». Я, с своей стороны, ответил: «Конечно, Ваше Величество, теперь необходимо еще провести закон о введении в действие и ввести в действие», на что государь сказал: «но это дело нескольких недель».

Действительно, 15 марта 1903 года бывший тогда министром юстиции С. С. Манухин внес в Гос. Совет закон о «введении в действие угол. уложения»; он рассматривался, как и уложение, сначала в Соединенных Департаментах Законов и Дел гражданских, где, по рассмотрении, проект закона был принят большинством 32 особ против 3-х; П. П. Дурново (бывший московский генерал-губернатор, потом гласный С. Петербургской Гор. Думы), кн. Александр Дмитриевич Оболе

ский и С. В. Рухлов, так что большинство было подавляющее. Затем в Общем Собрании Гос. Совета большинство составилось из 66 особ, а меньшинство из 10, причем среди последних никого из выдающихся юристов не было, а в большинстве были не только все председатели департаментов, но и такие влиятельные члены и известные юристы, как Фриш, А. А. Сабуров, Н. Н. Герард, И. Я. Голубев, Д. Г. фон Дервиз.

Повидимому успех дела, независимо даже от приведенных выше слов государя, был обеспечен, а между тем государь при подписи указа согласился с мнением меньшинства, единственный *явный* мотив которого представлялся юридически весьма сомнительной ценности,—отложить введение впредь до окончания предполагавшегося *пересмотра процессуальных законов*, а скрытый, как передавали тогда, происки консервативной придворной партии, заявлявшей, что отказ от престарелого уложения о наказаниях и затеянная новизна—это уступка крамольным новым течениям. Это предположение подтверждалось и тем, что и гораздо позднее, когда уже состоялся и пересмотр судебных уставов, уголовное уложение, в эпоху министерства Щегловитова, продолжало считаться по прежнему запретным плодом, и так, не введенное в действие, перешло и в наследство республике.

Возвращаюсь к прерванному раскау о Петергофском Совещании.

В заседании 19 июля правые сочлены все-таки не добились того главного изменения проекта Совета Министров, на котором они настаивали, т.е. права представлять Верховной власти и мнение меньшинства, как бы ничтожно по численности оно не было. Они упорно боролись даже против самых ничтожных попыток ограничения самодержавия; даже против смягчения рабского языка усвоенного нашим законом и официальными сферами. Так К. П. Победоносцев сделал по ст. 25 даже редакционное замечание, что в проекте сказано, что министры *обязаны* давать раз'яснения, если Дума *признает* таковые *необходимыми*, а надо заменить это выражением—если они *пожелают*, то министры могут и т. д.; граф Игнатьев усиленно защищал то начало, что канцелярия Думы должна быть по назначению от правительства, против чего возражал даже О. Б. Рихтер.

Особенно пугало правых (Победоносцева, Стишинского), что канцелярия Думы уподобится канцеляриям земских управ, где, как говорил Победоносцев, находят свой приют сосланные под надзор полиции и тому подобные люди. Такие же старания ограничить во всем права нарождающегося учреждения были проявлены по вопросу о компетенции Думы, в частности о праве ее рассматривать вопросы железнодорожного строительства. По этому поводу возник спор между В. В. Верховским, поддержанным Н. Н. Герардом, желающим подчинить Думе и

железнодорожное строительство частных дорог, как скоро эти предприятия требуют правительственных гарантий, так как такие постройки большею частью влекут приплаты из казны, и В. Н. Коковцовым, поддерживавшим предположение Совета Министров, по которому дела этого рода были из'яты из ведения Думы. Основою мнения Коковцова была необходимость возможного расширения частного железнодорожного строительства. Спор разрешился государем тем соображением, что и при прежнем порядке, дела о даровании гарантий не подлежали рассмотрению Государственного Совета, а потому нет основания включать его в ведение Думы. В особенности горячо шли правые против предоставления Думе инициативы по всем законодательным предположениям, заключающим усиление налоговых тяжестей; но в этом отношении и государь признал, что все попытки ограничить инициативу Думы представляются не убедительными и вызывают против себя веские возражения, и статья 33 сохранилась в изложении проекта Совета Министров.

Как я уже упомянул, вопрос о главном изменении прежнего порядка представления на утверждение Государя законодательных предположений, о котором возникли споры при начале обсуждения Булыгинского проекта, с особенною силою разгорелся опять при рассмотрении 47 и 50 статей по нумерации, измененного Госуд. Канцелярией проекта. Начало этим специальным прениям открыл опять А. С. Стишинский. Сущность его мнения, воспроизводившего то, что он сказал в первое заседание, сводилась к тому, что-де в проекте Думы, составленном Советом Министров, принят Западно-Европейский порядок, не соответствующий принципу самодержавия; принять его значило бы поставить, по его словам, наше законодательство на новый, чуждый нам путь! Дума будет отклонять законопроекты не только потому, что они нуждаются в дополнительной разработке, но и когда по существу она с ними не согласна, и тогда такие проекты, *отвергнутые тоже и Государственным Советом,* не дойдут до государя. Это наиболее важный вопрос и согласиться с предлагаемою Советом Министров постановкою нельзя. Действующий закон существует с 1810 г. «В течение четырех царствований Государи нередко соглашались с мнением меньшинства членов Совета а теперь их голосу хотят преградить путь к престолу». На этой почве пошли прения и этим соображением исчерпывались, собственно говоря, все доводы защитников старого порядка. Из защитников проекта и прав большинства, проф. В. О. Ключевский высказал: «Наблюдение над настроением народных представителей отражающих душу народную, создаст прочную почву для законодательства. Но как ее узнать, если власти решающей будут представляться разные мнения, мнение большинства и меньшинства?

Какому отдать предпочтение это всегда будет острой дилеммой. Надо, чтобы до Верховной власти всегда доходило одно только господствующее чувство. Только тогда взаимная работа будет производительной и спокойной». Я, со своей стороны, между прочим, вслед за Ключевским сказал: «надо, чтобы закон соответствовал запросам действительности, а для этого он должен быть почерпнут не из головы, а из жизни. Закон—это распорядок житейский. Были законы, казалось, глубоко продуманные, однако, они гибли, потому что не нашли себе сочувствия в народе. Знающие жизнь народные представители скажут свое жизненное слово, а умудренный опытом Государственный Совет поделится с ними своими познаниями. В Думе будет одно *большое* мнение, а потом разброд мнений, которому нельзя придавать действительного значения. Нельзя же все эти отдельные мнения нести к подножию престола; их невозможно будет рассмотреть! Значение должен иметь только голос большинства». Даже О. Б. Рихтер прибавил, что если Дума отклонит предложение министра по одним соображениям, а Гос. Совет по другим, то придется представлять государю четыре мнения, а это чрезвычайно затруднит вопрос. Затем сам Шванебах как будто поддержал сторонников проекта оригинальным соображением», что он убежден, что 50 ст. будет ограничивать самодержавные права, но это будет самоограничением, упрочивающим священную Вашу власть». Ведь и сам Господь Бог подчиняется законам, которыми Его премудрость управляет вселенною».

К концу прений граф А. А. Бобринский, повидимому, внезапно, без надлежащего соглашения с прочими, сделал предложение, что для *решающего* большинства как в Совете, так и в Думе должно быть большинство $2/3$ голосов; и очевидно истомленный долгими прениями государь, заявил, что он мог бы согласиться с правилом (ст. 50) с предложенною графом Бобринским поправкою. На этом он и окончил заседание.

В следующем заседании предположение о решающем большинстве $2/3$ считалось уже принятым Государем и существовавший в учреждении Государственного Совета порядок представления в мемории мнения и большинства и меньшинства утратившим силу. Но правые раскаялись в сделанной ими, хотя и ничтожной, уступки и представили письменное возражение против предложенной гр. Бобринским поправки ст. 50. Это возражение было подано не в обычном порядке через канцелярию, а непосредственно государю и оставалось неизвестным членам Совещания до самого заседания, и даже оглашено было самим государем. Оно было подписано графом Игнатьевым, Стишинским, Нарышкиным, князем Ширинским-Шихматовым и самим гр. Бобринским, вероятно, получившим надлежащие укоризны правых, и содержало такое дополнение к мнению графа Бо-

бринского, *считавшегося принятым государем*, что не принятый большинством $^{2}/_{3}$ законопроект возвращается министру, *если не последует особого Высочайшего указания по этому предмету* [1]). Эта, позволю сказать, наглая насмешка над всем проектом, оглашенная очевидно не уразумевшим ее сущности председателем и поддержанная всеми столпами правых: Лобко, Победоносцевым, Струковым, вызвала возражения ряда представителей противного мнения и даже резкую отповедь такого уравновешенного человека, как Э. В. Фриш: «это несогласно со всем построением проекта и совершенно недопустимо, чтобы в делах законодательных что либо решалось по всеподданнейшим докладам министров», и в конце концов государь согласился оставить ст. 50 в принятой в прошлом заседании редакции с требованием для отклонения законопроекта $^{2}/_{3}$ голосов общего собрания Думы и Совета, но с дополнением, предложенным В. Н. Коковцовым, что внесение вновь отклоненного в этом порядке законопроекта может быть сделано только если на то последует Высочайшее соизволение. Хотя не могу не прибавить, что основа этого нового пополнения ст. 50-ой была совершенно противоположна принятой ранее поправке гр. Бобринского. Не могу не указать, что при самом конце этого заседания, когда уже было намечено перейти к рассмотрению последнего отдела о выборах, барон Икскуль указал, что государственным контролером (Лобко) в Совете Министров заявлено было особое мнение по редакции ст. ст. 47 и 52, содержащее, однако, и указание на то, что в мемориях помещаются мнения и большинства и меньшинства, и даже отдельных членов, а государь неожиданно заявил, что с мнением Гос. Контролера согласился и он, и только по раз'яснению данному Сольским, что тут недоразумение и противоречие с принятым уже решением, состоялось уже последнее, новое разрешение спора, допускавшее *различие в порядке составления журналов* Гос. Совета и Гос. Думы.

Что касается формы участия избранных населением лиц в обсуждении законодательных предположений, то Булыгин останавливался в своих соображениях на двух возможностях: или включить выборных в состав существующего Государственного Совета и притом, как его департаментов, так и общего собрания, или же образовать из выборных самостоятельное учреждение, отдельное от Совета. Но так как проект Булыгина предполагал, что в Думе будет представительство от всех частей

---

*) По этому поводу в следующем заседании наиболее непримиримый А. А. Нарышкин говорил: „утверждают, что это ограничение самодержавия полезно. Полезности ограничений самодержавия не может быть; всякое из них противоречит историческим началам России и против него я считаю долгом бороться до последней крайности".

империи, то ожидаемое число таких выборных членов оказывалось очень значительным, и образование такого единого смешанного состава Государственного Совета, оказалось чрезмерно громоздким. В самом деле, предполагая, что члены Думы будут выбираться в расчете 1 на 250.000 жителей, общий контингент всех членов Думы составил бы 500 человек. При таких условиях назначенные члены Совета растворялись бы в подавляющем числе избранных депутатов, а часть выборных, раздробившись по партиям, разрушила бы единство государственного направления деятельности Совета. Если же разбить выборных между департаментами и общим собранием, без всякого их об'единения между собою, то все учреждение становилось случайным, и о каком либо представительстве нужд населения не могло быть и речи. Как говорилось в об'яснительной записке А. Г. Булыгина (стр. 21), «при условии включения избранных в самый состав Совета, не оказалось бы ни Государственного Совета, ни собрания представителей земли в чистом их виде, что противоречило бы коренной задаче всего преобразования—поставить Верховную власть в непосредственное отношение к народу».

Такой совместной деятельности назначенных и выборных членов конечно, не предполагал и Совет Министров. По этому и в Петергофском Совещании по этому вопросу никаких споров не происходило.

В этой постановке предположенная проектами Булыгина и Совета Министров схема государственных законодательных учреждений напоминала, да простят мне несколько кощунственное уподобление, обычную обрядную форму пасхального хлеба, из двух лепешек: нижней большой—Государственной Думы и верхней поменьше—Государственного Совета, и этот кулич возглавлялся, вместо хлебного креста, *самодержавною* шапкою Мономаха; причем, как часто бывает в общежитии, от тяжести возглавия и невполне удачной выпечки, кулич давал именно в нижней части боковые вспухания и трещины.

Главные споры возникли в особенности по третьему, последнему вопросу о составе представительства, т. е. о выборах и порядке их производства. Отдел этот был в проекте Булыгина и Совета Министров включен в общее учреждение Думы, занимая там последний отдел, и только впоследствии, в переработке государственной канцелярии, выделился в особое узаконение: положение о выборах в Государственную Думу.

Законопроект Булыгина исходил из того основного положения, что рескрипт 18 февраля не содержал никаких предуказаний относительно местностей, от которых следует пригласить членов законосовещательной Думы, и не содержал равным образом никаких в этом отношении ограничений. Поэтому Бу-

лыгин полагал, что выборы должны быть произведены от всех местностей империи, где развитие гражданственности и наличность зрелых общественных сил открывает к тому возможность, и в этом отношении из'ятие было сделано только для кочевых и бродячих инородцев окраин, которые в виду их недостаточного гражданского развития не могли избирать представителей; при этом министр внутренних дел относительно таких инородцев полагал, что в случаях, когда Дума стала бы рассматривать законы, до них относящиеся, то она могла бы приглашать в заседания, для об'яснений, отдельных от них уполномоченных.

Затем действительные из'ятия по проекту А. Г. Булыгина были допущены для жителей Финляндских губерний, представительство коих по отношению к законам, имеющим действовать и в империи, и в великом княжестве финляндском, должно было быть регулировано согласно манифесту 3 февраля 1899 г.; и затем относительно евреев. Для последних министр внутренних дел полагал сохранить то же ограничение, какое было принято по вопросам земского и городского самоуправления, т. е. не предоставлять им избирательных прав до общего пересмотра законодательства об евреях.

Совет Министров, разделяя по отношению к инородцам и финляндцам мнение Булыгина, относительно евреев стал на противоположную точку зрения, т. е. предполагал евреям цензовикам предоставить общие избирательные права; так как Совет полагал, что предоставление им права прямого участия уничтожит более опасное закулисное влияние их на выборы.

Относительно самого принципа выборов М. В. Д., разбирая различную возможную постановку вопроса, пришел к тому выводу, что положить в основу выборной Думы исторический принцип сословных выборов не представляется возможным по двум главным соображениям: во-первых, по экономическим, в силу которого первенствующее сословие, дворянское, обнищало или, по крайней мере, лишилось в огромном числе своих членов возможности иметь достаточный для прожитка доход от имений и смешавшись в своей общественно-экономической деятельности с промышленными и торговыми классами, утеряло прежнюю родовитость и, кроме того, существенно растворилось и видоизменилось постоянно вливающимся в него выслужившимся чиновничеством, и во 2-х, потому что при полном уравнении выборных прав всех сословий, количественное пропорциональное отношение крестьян и дворянства создало бы Думу, в которой численно огромное представительство крестьян подавляло бы представительство других сословий и придало бы Думе однобокий характер[1]), или потребовало бы каких нибудь

---

[1]) А. Г. Булыгин говорил в своей об'яснительной записке (стр. 80), что нельзя упускать из виду, что на 96 миллионов лиц сельского состояния

искуственных мер соответственного уравнения представителей.

Точно также Булыгин, принимая всесословность выборов, представлял себе крайне трудным ввести производство этих выборов по типу всеобщего, равного прямого голосования; он находил, что к тому существуют два препятствия: во 1-х, разбросанность населения, так как он полагал, что считая одного члена Думы на 250.000 жителей, каждый избирательный округ составит в среднем 38.000 квадр. верст, а в густо населенной Европейской России округ в 12000 верст, что, при наших путях сообщения, исключило бы возможность для громадного большинства населения принять действительное участие в выборах; во 2-х, для этого типа выборов, по его мнению препятствием служила бы безграмотность значительной части населения, лишающая ее возможности принять участие в выборах по запискам. Поэтому М. В. Д. положил в основу избирательного права цензовое начало и признал главным основанием ценз имущественный: земельный, промышленный и торговый, приблизительно на тех же основаниях, на которых у нас было построено земское и городское самоуправление.

Совет Министров принял также основные начала выборов, которые были приняты в проекте Министра Внутренних Дел. Совет признал правильным устранение чиновников гражданского ведомства от участия в деятельности Думы, но с сохранением за ними права участия в выборах членов Думы; такое же начало было принято и относительно офицеров, но нижние чины были от выборов совершенно устранены. Граф Витте и Трепов в Совете высказывались, впрочем, за полное устранение всех военных от участия в думских выборах. Относительно других лиц Совет принял в общем то же цензовое начало, но с расширением права выборов на некоторые новые категории плательщиков промыслового и квартирного налогов, с предоставлением женщинам, имеющим ценз, права участвовать в выборах чрез представителей—мужей и сыновей. Кроме того, в среде Совета графом Витте был возбужден вопрос о привлечении к выборам в Думу представителей довольно многочисленного класса фабрично-заводских рабочих; но за от'ездом графа Витте в Америку, это предложение в Совете практических последствий не имело, и по проекту Совета Министров, рабочие могли пользоваться выборным правом только как члены сельского общества. Наконец, относительно размера и условий

в империи насчитывается лишь 1,200,000 потомственных дворян (включая и всех дослужившихся). Следовательно, при строгом применении начала сословности, пришлось бы ввести в Гос. Думу на одного члена из дворян восемьдесять членов из крестьян или совершенно произвольно сократить представительство от крестьян в пользу представительства дворянского.

имущественных цензов Совет Министров, как и Булыгин, предполагал возвратиться к системе, принятой земским положением 1864 г., а не принял системы 1890 года.

На этой подкладке начались споры и в нашем совещании о праве на участие в выборах. Главную оппозицию проекту проявили те же представители правых, и первым из них явился А. С. Стишинский, который самоуверенно заявил, что вопреки мнению М. В. Д. и Совета Министров, он является убежденным сторонником выборов по сословным началам; что у нас имеются только два жизнеспособных, имеющих будущее, сословия — дворянство и крестьянство; остальные утратили свою сплоченность под влиянием экономической эволюции. Он категорически, хотя и голословно, разошелся с мнением Булыгина, что разорение и эволюция коснулись главным образом дворянства хотя жизнь, как тогда, в 1905 г. так, еще более позднее, указала, что прогноз правых был поверхностный и беспочвенный.

Еще менее дальновидным пророком оказался второй представитель правых, Струков, хотя он и хвастался тем, что близко знает местные условия жизни; он чуть не клятвенно уверял, что народ наш истинный приверженец исторических начал и не ищет новизны; что по системе проекта попадут в Думу люди земского типа, которые не дорожат исконными русскими началами. Граф Бобринский добавил это мнение указанием на необходимость привлечь в Думу духовенство, как разумную силу, а Нарышкин, поддерживая всецело начало сословности выборов, горячо напал на предложенное С. Ю. Витте право участия в Думе цензовых евреев и, в особенности, на попытку его (не попавшую в проект) даровать избирательное право фабрично-заводским рабочим, а равно и на допущение к выборам квартиронанимателей. Противная сторона, между прочим я с своей стороны указала, «что по самому существу предположенной реформы законосовещательных учреждений, речь идет во все не о расширении или сокращении чьих либо прав участвовать в управлении государством; что каковы бы ни были исторические заслуги того или другого сословия,—обязанность граждан содействовать всемерно правильному течению и развитию государственной жизни, одинаковы, а для этого необходимо, чтобы в представительстве нашли свое выражение все важнейшие интересы страны, а что в этом отношении главное значение имеет не сословное значение дворянства, а землевладельческий интерес, им представляемый, и с этой точки зрения дворяне с полным основанием могут быть об'единены в общий с'езд с другими владельцами земельной собственности. Я опасаюсь, прибавил я, что сословная система приведет выборную Думу к последствиям, прямо противоположным тем, во имя коих она предлагалась. Дворянская по преимуществу Дума не

в состоянии сделаться выразительницею пожеланий всего населения. В частности по вопросу о представительстве фабричных рабочих, поднятом в Совете С. Ю. Витте и страстно оспоренном Нарышкиным, я, как значится в сохранившихся у меня письменных заметках, указывал на серьезность этого вопроса и, ссылаясь на данные, относящиеся к фабричным условиям жизни в городе В. Волочке, сказал, что фабричная жизнь настолько отрывает рабочих от интересов сельских, что крестьянское представительство фабричного представительства не заменит, и что такое самостоятельное представительство живой силы фабрики, рядом с представительством технической силы, вполне возможно.

Подробнее говорил на ту же тему проф. Ключевский. Наиболее убедительным, по его мнению, доводом против сословности выборов является неоспоримое положение, что интересы населения получили бы крайне неодинаковое по разным местностям, весьма неравномерное в отношении отдельных членов, выражение. Если принят будет принцип сословности, то в среде землевладельцев явится раздвоение и будут особые с'езды для землевладельцев из дворян и для собственников земли, к этому сословию не принадлежащих. Это раздвоение скажется и в Думе... Здесь были произнесены страшные слова: узаконение смешанных выборов будет похоранами дворянства. Не думаю, чтобы так скоро пришлось служить по нем панихиду... Хотя дворянский земельный фонд и тает довольно быстро, тем не менее и в руках дворян имеется достаточное количество земли, чтобы сохранить и в Думе преобладающее число лиц. А затем культурное превосходство этого сословия? Оно не исчезнет и будет давать лишнее преимущество дворянам на выборах, облегчит ему борьбу на выборах...

Профессор закончил так: «Какое впечатление произведет сословность выборов на народ? Я не хочу быть зловещим пророком. Но оно может быть истолковано в смысле создания Государственной Думы для защиты сословных интересов дворянства. Тогда востанет в сознании народа мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий».

В защиту проекта Совета Министров и бессословности выборов говорил также князь А. Д. Оболенский 1-й: он возражал также и против привлечения в Думу представителей духовенства: «кто, говорил он, из хороших священников, дорожащих своею паствою и превыше всего ставящих свое духовное призвание, бросит приход на долгое время сессии. Разве Гапоны?..» Против сословной системы высказался и А. А. Половцев и даже Великие Князья. Половцев указывал на то что чрезвычайные собрания дворян—Ярославского и Новгородского—высказались за всесословность, а Великие Князья и, в особенности, Влади-

мир Александрович, указывали на крамольность столь многих представителей дворянского рода, как Долгорукие, Трубецкие, Шаховские, Кузьмины-Караваевы, и опять не обошлось без указания на Петрункевичей; но, думаю я, именно эта резкость увлекшихся спорщиков способствовала тому, что Государь в заседании 25 июля, наконец, сказал, что выслушав все сказанное и взвесив отдельные мнения, он решил утвердить статью 3 в редакции Совета Министров. Только все военные, солдаты и офицеры были устранены от участия в Думе. Но допущение цензовых евреев к участию в Думе, несмотря на возражения правых и в особенности А. А. Нарышкина, осталось. Государь, утверждая статью 3-ю, только сделал оговорку, что при дальнейшем рассмотрении проекта мы обсудим вопрос о раздельности выборов в губернском собрании.

Выборы как по системе А. Г. Булыгина, так и по проекту Совета Министров, не были не только всеобщими, равными, но не были и прямыми. Выборы членов Думы происходили в губернских или соответствующих им собраниях выборщиков от трех первоначальных с'ездов: а) уездных землевладельцев, б) городских избирателей и в) уполномоченных от волостей. Таким образом крестьяне уже в этой первоначальной стадии, в отличие от других сословий, являлись в виде уже *выборных* от волостей по одному от каждой волости (в Совещании это было заменено, по моему предложению, несколько большим числом по два, чтобы избежать исключительного преобладания в составе выборных волостных старшин), а в волости выбирали уже все крестьяне, входящие в состав волости и явившиеся на выборы.

На этой почве *не прямого* представительства произошло последнее столкновение сторонников сословных и всеобщих выборов.

Уже в Совете Министров два члена (Лобко и Глазов) предложили принять так называемую «сквозную» систему, т. е. сохранять за каждою группою выборщиков право на выбор представителя в Думу от своей группы отдельно от каждой. Два члена выставляли на первый план те соображения, что только этим путем можно сохранить в Думе представительство от каждого из сословий и, следовательно, получить в ней и крестьян, которые иначе будут затеснены при общих выборах более развитыми и бойкими представителями других сословий. Но умысел был тут иной! Этим приемом сохранялось сословное представительство для дворянства, так как группа цензовых землевладельцев была все-таки дворянская и ей обеспечивалось значительное число мест, независимо даже от того, что представители дворян могли бы пройдти даже при сквозных выборах и по группам городской или торгово-промышленной. Но так как Государь заявил, что вопрос о порядке выборов еще будет подлежать рас-

смотрению, то в защиту «сквозной» системы в последнем заседании 26 июля вновь выступил Глазов; главными оппонентами ему были: И. Я. Голубев и В. Н. Коковцов. Последний указал на вопиющую несправедливость этой системы в отдельных случаях. Так для примера он взял Вятскую губернию, от которой предполагалось посылать в Думу 13 депутатов; приходилось бы по сквозной системе на каждую основную группу по три депутата и один общий для всех. Между тем число выборщиков в этой губернии было: крестьянских—148, городских—34 и от землевладельцев—18; поэтому получалось в крестьянской—один депутат на 49; в городской—1 на 11 и в землевладельческой—1 на 6, и сверх того один общий для всех групп. По подсчету, приведенному Голубевым, такая же несоразмерность оказывалась и для всей Европейской России, где, по его исчислению, значительный прирост получало только городское население, приобретавшее 33 представителя вместо 24, и притом даже без дарования представительства заводским и фабричным рабочим.

Но возражения против сквозной системы также распадались на два оттенка: одни высказывались безусловно за советскую систему; другие предлагали в дополнение к ней прибавить по каждому избирательному округу еще одного члена Думы от крестьян, с тем, однако, чтобы крестьяне могли бы выбирать своего дополнительного представителя из всех местных выборщиков в совокупности [1]). При этом предполагалось, что в тех округах, от коих полагалось иметь только одного представителя в Думе, нужно будет добавить еще одного от крестьян. Этим приемом к общему числу членов Думы прибавлялся 21 член. Было еще предложение Э. В. Фриша, промежуточное, чтобы дополнительные выборы одного члена делались бы всем собранием, но *непременно* из крестьян, и В. Н. Коковцова—чтобы дополнительный член выбирался *только* крестьянскими уполномоченными и только из крестьян. С предложением В. Н. Коковцова согласился и Государь.

В окончательной форме (проект положения о выборах, рассмотренный в заседаниях: 3, 25 и 26 июля) это положение было редактировано так: Ст. 49. В каждом губернском избирательном собрании *прежде всего* выборщики от волостного с'езда уполномоченных от волостей избирают из *своей среды* одного члена Государственной Думы, а затем собрание избирает надлежащее

---

[1]) Эта добавка в интересах сохранения в *крестьянской России* в Думе особого представителя крестьянских интересов была сделана в Совещании мною. Я только поддерживал крестьянское представительство в более широких размерах, чем оно было принято в „Булыгинской" Думе. Я полагал, что членов Думы, выбранных специально от крестьян, должно быть в таком расчете: где 20 крестьянских выборщиков, 1, где 40 — 2, где 80 — 3.

число членов (ст. 51) из намеченных предварительной баллотировкой, посредством записок, кандидатов.

На этом Петергофское Совещание и окончилось.

3) *Дополнительныя воспоминания.*

Я позволю дополнить этот мой сухой пересказ маленьким бытовым воспоминанием.

Как мне уже приходилось говорить, это было то время моей жизни, когда я пользовался благосклонным вниманием некоторых лиц из царской семьи, а именно семьи Ольденбургских.

И вот, 25 июля, когда я по приезде в Петергоф на заседание, находился в отведенном для нас помещении большого дворца, туда приехал принц Петр Александрович Ольденбургский и передал мне, что принцесса Евгения Максимилиановна и принц Александр Петрович просят приехать в тот день к ним обедать в их петергофский летний дворец, прибавив, что будет у них и Государыня-мать, императрица Мария Феодоровна. Я сказал, что я крайне признателен за столь лестное приглашение, но что я могу выйдти из дворца только после того, как Государю будет угодно закрыть заседание; следовательно, я могу опоздать к обеденному часу, и что я могу быть только в той форме, в которой мы бываем в заседании. Принц сказал мне, что матушка просит приехать прямо из заседания и что я могу быть одетым так, как мы бываем во дворце в комиссии. Так я и сделал; после заседания, которое окончилось в половине восьмого, я поехал прямо в Старый Петергоф, где был дворец Ольденбургских, и явился к принцессе. Оказалось, что кроме вдовствующей императрицы, там были обе сестры Государя: Ксения Александровна с мужем Александром Михаиловичем, Ольга Александровна, тогда еще незамужняя, В. Кн. Михаил Александрович, бывший тогда наследником престола, Александр Петрович и Петр Александрович Ольденбургские и кто-то еще из молодых Великих Князей,—теперь уже не упомню кто именно, а затем обычный штат Ольденбургских и человека два приглашенных. Обед, как всегда у Ольденбургских, был очень вкусный и гастрономический. Евгения Максимилиановна любила и умела поесть. Я сидел рядом с нею, вблизи Императрицы. Разговор шел все время на русском языке, и очень оживленно и интересно; говорили преимущественно на злобу дня, об ожиданиях общества, которые были соединены с настоящими заседаниями в Петергофе, об адресах и петициях, поступавших к Государю; вспоминали, впрочем, и о беспорядках, но мало. Обед окончился около 10 часов. После кофе Евгения Максимилиановна сказала мне, что вдовствующая Государыня желает, чтобы я сообщил

им о заседаниях. Это подтвердила и Государыня Мария Феодоровна, к которой я подошел. Я почтительно ответил, что наши заседания не гласныя, и что Государь говорил нам, чтобы мы строго хранили тайну Совещания. На это Императрица сказала, что она это знает, и вполне одобряет указание Государя; что она сознает, что болтливость очень много вредит успешному ходу Совещания и успокоению России, но что при моем сообщении будут только она и Евгения Максимилиановна и, может быть, принц Александр Петрович, и что она, во всяком случае, передаст Государю, что я сделал сообщение по ея желанию, и что, конечно, если я что-либо признаю совершенно не подлежащим оглашению или даже сомневаюсь в возможности сообщения, то я об этом могу ничего не говорить. Я сказал, что я глубоко польщен тем, что мне придется рассказывать мои скромные наблюдения при таких условиях, и мы пошли в маленькую гостиную, где действительно были только Императрица, Евгения Максимилиановна, я и—сколько я помню—кто-то еще из Великих Князей, но кто именно вспомнить не могу. Во всяком случае этот присутствующий никакого участия в беседе не принимал. Вопросы мне предлагали только Государыня и Евгения Максимилиановна. Я передал по порядку все главные моменты наших бывших заседаний, о чем я вспоминаю выше в отчете о заседаниях. Не скрою, что соответственно с моими тогдашними настроениями, я не особенно стеснялся в оценке предложений и мнений наших крайне-правых сочленов Совещания. Мои слушательницы, как Императрица, так и в особенности Евгения Максимилиановна, которая не скрывала свой либеральный образ мыслей, шли гораздо дальше меня в оценке этих людей, сгущали мои краски. Особенно резко нападали оне на попытки правых распространить правила Государственного Совета о представлении Государю в мемориях мнений, как большинства, так и отдельных лиц. Резко выразилась по этому поводу Государыня, заметив, что удержание в этом отношении старого порядка погубит Россию. Евгения Максимилиановна очень критически относилась к Стишинскому, в искренность которого она не верила и о котором она, повидимому, имела надлежащее представление.

Мое сообщение затянулось довольно долго и я боялся, что я опоздаю на последний петергофский поезд, который уходил, помню, около 12 с ¼ ночи, и я посмотрел на часы. Тогда Государыня сказала, чтобы я не боялся, что я скоро доеду до станции в ея автомобиле и что будет сделано распоряжение, чтобы на станции Старый Петергоф меня поезд взял.

Государыня очень поблагодарила меня за интересное, по ея словам, сообщение и я, действительно, на ея автомобиле поехал до станции, где поезд уже остановился и меня поджидали.

Я думаю, что эта моя памятка не лишена общего интереса. Прибавлю, что Императрица Мария Феодоровна вспомнила обо мне еще раз позднее, в день приема Государем первой Думы и Государственного Совета в Тронной Зале Зимняго дворца 27-го апреля.

Вот уже двенадцать лет протекло после этого незабвенного в истории России дня, а облитая золотым сиянием апрельскаго солнца картина, ярко и отчетливо воспроизводится в моей памяти. Не скрою с радостным чувством стоял я тогда в первых рядах членов Государственного Совета; учащенно билось сердце под напором могучих ожиданий начинающагося нового строя государственной жизни. Думалось, что повернулась страница бытописания родины, что увенчались алмазным венцом мечты и чаяния представителей минувших поколений, принесших кровавыя гекатомбы—жизни, здоровья, свободы за дорогое счастье родной земли. Все было окрашено розовыми цветами надежды; все было согрето теплыми животворными лучами веры; все было охвачено и воскрылено струями всепрощающей и всепроникающей любви. Думалось ли, что придется дожить и во-очию увидеть эту родину разоренною, искалеченною, униженною, отброшенною на много столетий назад. Ведь при виде гниющаго, покрытого струпьями тела ея, только верная заветам Спасителя церковь может еще молитвенно возносить к престолу благого Вседержителя: «Отче, прости им, не ведят бо, что творят», а мы леденеющими устами можем разве повторять слова поэта Тютчева: «может быть, не все потеряно, но все изломано, перепорчено, подорвано в своей силе надолго. Разум подавленный, как ты мстишь за себя!»

Но возвращусь в царство грез и миражей прошлого.

Мы стояли на правой стороне от трона, Дума—на левой. Среди думцев ближе к трону были правые и ка-деты, впрочем, без всякой партийной группировки, а затем по середине и до конца думской группы—октябристы и немного социалистов впереди их. Мы были, конечно, в парадных мундирах, а выборные члены Государственного Совета во фраках. На нашей стороне на краю, ближе к трону, были выбранные в Совет члены от духовенства и в числе их два митрополита, петербургский и московский, в роскошных цветных мантиях; два усопших иерарха, резко противоположных друг другу. Антоний петербургский был в моих глазах истинным, желанным типом святителя церкви Христовой—глубоко верующий, проникновенный, простой, согревающий сердечным участием каждого приносящего к нему свои сомнения и печали, как было лично и со мною; Владимир, тогда московский, после киевский митрополит, погибший насильственною смертью, типа чуждых нам по духу кардиналов церкви Запада: суровый, властолюбивый, жестко взыскательный к под-

чиненному духовенству и бессердечный по отношению к пастве. Таков был внешний распорядок нашей стороны в тронной зале. Напротив того, на думской стороне только меньшая половина была во фраках, прочие—частью в сюртуках и в национальных костюмах; крестьяне были в поддевках, а относительно немногие представители социал-демократов и скрытые социал-революционеры (анархисты тогда еще не зародились) в косоворотках, и притом с очевидною целью демонстрации, ситцевых, нечистых; брюки, конечно, в сапоги; одним словом, нарочито в таком одеянии, в каком ни один рабочий или мастеровой не пойдет (да и тогда бы не пошел) в праздник в гости.

Около трона с нашей стороны находились члены царствующего дома; впереди *стояли* обе императрицы. На стороне Думы около трона стояли министры и чины свиты и двора.

По приходе Государя в залу начался краткий молебен. Потом государь поднялся на трон, принял от Министра Двора какую то бумагу (очевидно, речь), и сойдя со ступенек несколько шагов вперед, обратясь к нам, несколько в сторону Думы, стал говорить. Был он видимо взволнован, но глядел ясно и открыто перед собою; говорил он, преимущественно относясь к Государственной Думе; голос сначала дрожал, но скоро он овладел собою и окончил свое короткое приветствие вполне отчетливо с надлежащею интонациею.

Ему отвечали: от нас председатель Государственного Совета граф Сольский и от Государственной Думы—первый ее представитель Сергей Андреевич Муромцев.

Помню, что по окончании заседания еще во дворце ко мне подошел П. А. Ольденбургский и сказал мне, что вдовствующая Государыня просит меня откровенно сказать, как, по моему мнению, говорил Государь и какое его речь произвела впечатление? Я ответил *и вполне искренно*, что он говорил очень хорошо и впечатление на нас произвел самое благоприятное [1]).

---

[1]) Несколько иначе описывает этот момент В. П. Обнинский („Голос минувшего" за 1917 г., № 4 стр. 39): „По окончании службы (молебна) царь взошел по ступенькам на трон, присел на оставшийся непокрытым мантией кусочек его сиденья, потом встал и взяв у Фредерикса, министра Двора, лист бумаги, прочел громко и внятно свою речь, доселе остающуюся единственным непосредственным обращением царя к депутатам парламента". Далее он продолжает: „Не сговариваясь, не думая о последствиях, депутаты ответили Николаю хмурым (?) молчанием. С высоты трона оно было особенно заметно, и ни усердие клики на хорах, ни офицерские глотки, кричавшия ура по обязанности, ни старческое шамканье членов Совета не могли скрасить или скрыть неожиданного скандала. На царской трибуне лица словно одеревенели, фигуры застыли. Рот царицы сжался в еле заметную линию. Николай сошел с возвышения".

Я в тексте описал обращение Николая к нам и к членам Думы так как я его помню.

Прибавлю, что хотя я в вступлении к „Пережитому" и упомянул, что

4) Составление манифеста 6 Августа.

Заседание Совещания окончилось 26 июля, но для обнародования учреждения Государственной Думы надо было еще изготовить торжественный манифест.

27 июля я получил от Министра Императорского Двора письмо, в котором он извещал меня, что Государь повелел рассмотреть проекты манифеста об учреждении Думы в особом совещании под председательством обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, из членов Государственного Совета—графа Сольского, Голубева и Таганцева, министров—Коковцова, Булыгина и Манухина, государственного секретаря бар. Икскуля фон Гильденбандта, секретаря вдовствующей Императрицы

я решился писать потому, что „года и леденящее время очевидно стерли краснобагровые налеты моей скромности", но всетаки я твердо памятую известное изречение греческого мудреца: „одно не дано бессмертным богам — бывшее сделать не бывшим", а потому, как не маловажны те обстоятельства, в которых мы расходимся со статьей „Последний самодержец", но не могу не высказать сомнения в полной достоверности рассказа этого будто-бы очевидца неожиданного скандала—приведшего в смущение государя и оцепеневшую государыню. Основания моих сомнений в достоверности следующия: Во 1-х, Варшавский, бывший несомненно на открытии в Тронной зале, говорит (Воспоминания о первой Думе, М. 1917 г., стр. 8): „Тронная речь была встречена громовым ура". Во 2-х, никакой клики на хорах не могло быть, потому что не только по утверждению многих свидетелей открытия опрошенных мною, хоры были почти пусты, но и по удостоверению того же Варшавского бывшие там *в одном углу* корреспонденты попадали туда с большим трудом, по пред'явлении не только удостоверений, но и фотографий, и думается мне, едва ли они дозволили бы себе кричать. В 3-х, кричавшие офицерския глотки — также несомненно плод заранее намеченной фантазии автора, так как в зале мог быть только взвод от „кавалергардов", который несомненно не позволил бы себе кричать в тронной зале, в ответ на слова, не к нему обращенныя. В 4-х „старческое шамканье" членов Совета? Ведь это более чем гипербола, пригодная только для обывателей провинции, или для будущих граждан России, которые не были ни разу в заседаниях Г. С. или и не могли там бывать. А те, кто были на наших прениях, разве не удивятся, прочтя эти строки Обнинского. А наши стенографистки? Ведь это не немые, мертвые а живые свидетели". Да притом же „ура" в Гос. Совете кричали и в „дворянском собрании", и в „Мариинском дворце" при открытии и закрытии сессии, да и при других обстоятельствах и всю *мифичность* этого сказания о шамкающих старцах Совета могут удостоверить тысячи свидетелей, бывавших на заседаниях.

Не могу воздержаться, чтобы не сопоставить таковые воспоминания с рассказом архидобросовестного Николая Александровича Морозова во 2-м томе его „Повести моей жизни", глава X: о том, как иногда фабриковались достоверные сообщения в редакции женевского „Работника" 1875 г., где воспроизведена целая речь подсудимого Малиновского, в действительности *ничего не говорившего*, и даже его диалог с первоприсутствующим! Все это заставило Клеменца, сообщившего о процессе в редакцию, спросить у редакторов; не овладели ли ими припадки одновременного острого помещатель-

графа Голенищева-Кутузова, проф. Ключевского и не участвовавшего в Петергофском Совещании начальника походной канцелярии Е. В. графа Гейдена,—т. е. всего в этом совещании было председатель и 10 членов.

Вместе с тем в письме министра было сказано, чтобы в проекте манифеста были помещены слова, сказанные Государем при приеме депутации 21 июня (напечатаны в «Правит. Вест.» 25 июня 1905 г., № 136) о том, что Государь оставляет за собою законодательный почин в дальнейшем усовершенствовании Государственной Думы и что Его Величество укажет те изменения, которые необходимо будет сделать в учреждении Думы, чтобы закон вполне отвечал потребностям времени, жизни государственной и благу народному; 2) что бы было в манифесте также упомянуто, что указ Сенату от 18 февраля о направлении в

ства? Бедные будущие историки, которым придется пользоваться такими „летописцами — футуристами" или импрессионистами.

Теперь появилась и третья версия описания того же приема. Она приведена в *дневнике Минцлова.* Голос минувшего за 1918 г. Ноябрь и Декабрь. Свидетель высоко достоверный, но в данном сообщении пользовался рассказами третьих лиц, *яко-бы свидетелей.*

В 10 ч. вечера *от бывших на приеме во дворце* слышал: тронную речь свою, состоящую всего из трех. четырех фраз; царь читал по бумажке. *Мария Федоровна выглядела презлющей; молодая императрица сидела вся пунцовая и они не досидев до конца, удалились.*

И эта небылица может какими нибудь будущими историками выдаваться за показания очевидцев, и из этих яко бы свидетельств будут делаться выводы! (Таганц.).

Богатая, хотя не подновленная обстановка на депутатов — крестьян впечатления не произвела!

Вообще все выборные были очень сдержаны и скорее угрюмы; значит, чувствуют какая ответственность лежит на них. Один крестьянин глядел на раззолоченный мундир какого-то придворного и сказал вполголоса: „ежели бы у него с одного зада золото снять — две деревни целый год прокормить хватило бы".

Вспоминая о приеме первоизбранников народа Государем, я позволю себе привести из того же дневника Минцлова рассказ о приезде членов Государственной Думы в таврический дворец после их приема царем. Сам я в Думе не был, а это драгоценное показание действительного очевидца (голос минувшего 1918 г. №№ 11 — 12 дневник стр. 76).

„27 апреля в 6 ч. вечера.

„К 4 ч члены Думы с'ехались в Таврический дворец. Войска и полиции было нагнано к нему вдвое больше, чем публики, тем не менее толпа стояла все же порядочная: преобладали студенты, курсистки и интеллигенция. Чувствовали себя все чрезвычайно свободно и вскоре начали задирать войска; раздались свистки и крики „долой" и „прочь", — словом, начался было скандал и только появление полицеймейстера, обещавшего удалить войска, успокоило толпу. Войска действительно сейчас же ушли и публика взялась под руки, устроила цепи и успокоилась. Какой-то министр хотел под'ехать к самому дворцу в карете: раздался вой, лошадей ухватили под уздцы и заставили его высадиться и шествовать пешим манером. Члены Думы пробирались гуськом, кланялись, жали тянувшиеся к ним руки; их встречали и провожали аплодисментами и криками „амнистия", „амнистия". Большинство оваций выпало на долю Родичева.

Совет Министров всяких проектов об усовершенствовании управления, составленных частными лицами и учреждениями, отменяется.

Как и под каким влиянием был образован состав комиссии, я с точностью не знаю, но в этом отношении любопытно то, что в этот состав не попал *ни один* из лидеров и наиболее выдающихся членов правой партии Совещания! Правда, был председателем архи-правый Победоносцев, но он, кроме заслуженной репутации российского Торквемадо или Великого Инквизитора, был все-таки прежде профессором московского университета, был несомненно известный ученый цивилист, а, главное из под его пера вышли почти все торжественные акты реакционной эпохи Александра III и первой половины царствования Николая II, и он пользовался репутациею наиболее выдающегося официального стилиста. Другим представителем правых был граф Голенищев-Кутузов, но он был поэт и притом не без дарования. Все прочие сочлены комиссии принадлежали к участникам относительно либеральной группы, поддерживавшей в Совещании начала, положенные в основу предположений Совета Министров об учреждении Думы. Только граф Гейден вовсе не участвовал в работах Совещания, торжественное вступление к результатам работ коего он был призван возглавить составлением манифеста. Очевидно, он был представителем какой-то партии, обсуждавшей отдельно предположения Совещания; по слухам,—представителем придворно-военной сферы.

29 июля я получил приглашение на заседание совещания, назначенное на 30 число, в 2¼ ч. дня, в Мариинском дворце, в залах Государственного Совета. Заседание совещания было всего одно и, сколько я припоминаю, продолжалось не особенно долго. Были оглашены представленные проекты манифеста и после ознакомления с ними было постановлено поручить Государственной канцелярии на основании этих проектов и заслушанных суждений выработать текст манифеста [1]).

Всех проектов было представлено шесть, которые могут быть разбиты, по их содержанию, на 4 группы: 1) самые краткие и так сказать самые формальные были проекты, составленные го-

---

[1]) Конечно в этом заседании канцелярия Государственного Совета вела обязательный журнал, при помощи которого я и хотел, совместно с моими личными обрывками памяти, восполнить настоящия заметки. Но оказалось, что эти журналы были сданы в Государственный Архив. Розыск их был безрезультатным. По сведениям, мне сообщенным, эти документы были взяты по требованию кого то из перемежающихся коммисаров Министерства Юстиции. При розысках в Министерстве заявили, что все эти дела, вместе с какими то другими, свалены в одной комнате в хаотическом беспорядке. Может быть, они и сохранились, но розыскать их пока не представляется возможным.

сударственной канцелярией и Государственным Секретарем проекты № 1 и 2); 2) сходного типа, но с указанием некоторых существенных пунктов новой реформы были проекты № 3 управляющего делами Комитета Министров барона Нольде, и № 5; 3) проект графа Гейдена и 4) проект, составленный мною (№ 4). Окончательный текст манифеста был составлен механически, из слияния двух проектов: моего (абзацы 1, 2, 3, 7 и 8), гр. Гейдена (абзацы начало 1-го, 4, 5, 6), так что труд редактирования манифеста заключался только в весьма искусном спаянии этих проектов. Не могу не заметить что великий протостилист Победоносцев, хотя и подписал заключение комиссии, как председатель, но от себя не внес ничего. Очевидно, что все предприятие и его исполнение представлялось ему чем-то богомерзким.

Я позволю себе сделать эту работу, представляющую несомненный интерес для понимающих любителей так называемой дипломатики, т. е. творчества государственных актов.

Прежде всего я представлю текст манифеста 6 августа полностью с указанием и отметкою, по отделам, его источников.

Текст манифеста 6 августа.

Об'являем всем нашим верным подданным.

Государство Российское созидалось и крепло неразрывным единением царя с народом (проект гр. Гейдена) и народа с царем./ Согласие и единение царя и народа великая нравственная сила, создавшая Россию, в течение веков, отстоявшая ее от всяких бед и напастей и является доныне залогом ее единства, независимости и целости, материального благосостояния и развития духовного в настоящем и будущем (проект Таганцева).

В манифесте нашем, данным 26 февраля 1903 г., призывали мы к тесному единению всех верных сынов отечества для усовершенствования государственного порядка установлением прочного строя местной жизни. И тогда озабочивала нас мысль о согласовании выборных общественных учреждений с правительственными властями и об искоренении разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении общей государственной жизни. О сем не переставали мыслить самодержавные цари, наши предшественники. (Таг.).

Ныне настало время, следуя благим начинаниям их, призвать выборных людей от всей Земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление (Таг.), коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных

предположений и обсуждение росписи государственных доходов и расходов.

В сих видах, сохраняя неприкосновенным основной закон Российской империи о существе самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили положение о выборах в Думу, распространив силу сих законов на все пространство империи с теми лишь изменениями, которые будут признаны нужными для некоторых, находящихся в особых условиях, ее окраин (проект № 1, гос. канц. и проект графа Гейдена).

О порядке участия в Государственной Думе выборных от В. К. Финляндского по вопросам общим для империи и сего края узаконений будет нами указано особо.

Вместе с сим повелели мы М. В. Д. безотлагательно представить нам к утверждению правила о приведении в действие положения о выборах в Государственную Думу (пр. гр. Гейдена) с таким рассчетом, чтобы члены от 50 губерний и Области Войска Донского могли явиться в Думу не позднее половины января 1906 г.

Мы сохраняем всецело за собою заботу о дальнейшем усовершенствовании учреждения Гос. Думы, и когда жизнь сама укажет необходимость тех изменений в ее учреждении, кои удовлетворили бы вполне потребностям времени и благу государственному, не преминем дать по сему предмету соответственные в свое время указания (гр. Гейден).

Питаем уверенность, что избранные доверием всего населения люди, призываемые ныне к совместной законодательной работе с правительством, покажут себя перед всей Россиею достойными того царского доверия, коим они призваны к сему великому делу, и в полном согласии с прочими государственными установлениями и с властями, от нас поставленными, окажут нам полезное и ревностное содействие в трудах наших на благо общей нашей матери России, к утверждению единства, безопасности и величия государства и народного порядка и благоденствия (Таг.).

Призывая благословение Господне на труды учреждаемого нами государственного установления, мы с непоколебимою верою в помощь Божию и в непреложность великих исторических судеб, предопределенных божественным промыслом дорогому нашему отечеству, твердо уповаем, что с помощью Всемогущего Бога и единодушными усилиями всех своих сынов, Россия выйдет с торжеством из постигших ныне ее тяжких испытаний и возродится в запечатленных тысячелетнею ее историею могуществе, величии и славе. (Таг.).

Дан в Петергофе в 6 день августа в лето от Рождества Христова 1905, царствия же нашего в одиннадцатое.

Приведя текст манифеста, я думаю, что не только интересно, но и необходимо познакомиться и с текстом тех проектов, которые послужили манифесту главнейшими источниками. Причем те места в них, которые были перенесены в манифест и в нем выше были отмечены, я печатаю курсивом. Первым я помещаю проект графа Гейдена, написанный под язык старых грамот лицом не достаточно опытным и поверхностно знакомым с существом и даже формою этих грамот и других актов. Вторым помещаю мой проект, о достоинствах которого судить не могу, а относительно недостатков могу сказать, что он излишне книжен, схематичен, длинен, говоря одним словом, не ядрен. В нем нет надлежащей государственной и актовой экономики.

Проект флигель-адъютанта графа Гейдена.

Об'являем всем верным НАШИМ подданным:

Государство Российской созидалось, росло и крепло неразрывным единением Царя и народа[1]) и благословением Святителей Российских.

В сем единении и в самые трудные дни минувшей жизни своей не склонялась Русская Держава ни перед силою вражьей, ни перед смутою народною, являя мощь несокрушимую.

На зов Государей своих всегда, как один человек, вставала наша земля.

И когда потребность была, держали Государи Русские совет с Землею Своею о Государевых и земских делах и об устроении Державы Своей.

Сей обычай заветный, с расширением пределов государства, с увеличением его населения и с осложнением потребностей государственных утратил постепенно свое бытие и правдивому слову народа о нуждах его стал затруднен доступ к Государю.

Ныне же, внемля обращенному к НАМ голосу земли и городов Державы Русской и памятуя заветы и примеры Венценосных предков НАШИХ, МЫ признали за благо: дабы слышать НАМ, как встарь, голос народа по делам законодательства и управления и дабы голос сей мог служить истинным выражением нужд и желаний народных,—доверив всему населению обширной Державы НАШЕЙ выбирать достойнейших из своей среды людей, учредить из них особое в государстве установление для разработки и обсуждения законодательных предположений, а равно и рассмотрения государственной денежной рос-

[1]) Курсивом напечатано то, что взято в манифест.

писи, восходящих через Государственный Совет к решению и утверждению Государеву.

В сих видах, сохранив неприкосновенным основной закон Российской Империи о существе Самодержавной Власти, Мы учредили Государственную Думу и утвердили положение о выборах в Думу, распространив силу сих законов на все пространство Империи.

Об участии в Государственной Думе выборных от губерний Великого Княжества Финляндского нами будет указано особо.

Вместе с сим поручили мы Министру Внутренних Дел безотлагательно представить нам к утверждению правила о приведении в действие положения о выборах в Государственную Думу, а также принять меры к обеспечению населению возможности спокойно и самостоятельно произвести выборы.

Сроком выборов в Думу в сем 1915 году объявляем.

Мы сохраняем всецело за Собою заботу о дальнейшем усовершенствовании Государственной Думы, когда жизнь сама укажет Нам необходимость тех изменений в ее учреждении, кои удовлетворяли бы вполне потребностям времени и благу государственному и народному.

Установив, учреждением Государственной Думы свободный к НАМ доступ заявлениям о нуждах народа через его избранников, повелеваем: действие указа НАШЕГО, Правительствующему Сенату 18-го февраля сего года данного, о порядке обращения к Верховной Власти частных учреждений и лиц по вопросам усовершенствования государственного устройства и улучшения народного благосостояния, — отменить.

Уповаем, что благословение Всевышнего соединит лучших людей всей земли Русской в учреждаемой НАМИ Государственной Думе.

Сильная доверием НАШИМ, преданностью непоколебимою Престолу и любовью самоотверженною к Отечеству, да послужит Дума достойно ко благу родной земли и да облегчит НАМ тяжелый Царственный труд НАШ.

Внемля горячим молитвам НАШИМ и благочестивого Русского народа, исстари преданного своим Государям, да ниспошлет Господь Бог свое благословение на заботы НАШИ по устроению и возвеличению Державной Земли Русской, Провидением НАМ врученной.

Проект сенатора Николая Таганцева.

Об'являем всем верным НАШИМ подданным.

В торжественный час вступления НАШЕГО на Прародительский Престол, МЫ, пред лицем Сердцеведца-Бога, принесли священный обет посвятить всю жизнь служению народу НАШЕМУ, имея единою целью преуспеяние, могущество и славу России и счастье всех НАШИХ верноподданных.

К мирному развитию и постепенному усовершенствованию государственного порядка и строя, в духе преемственных заветов исторической жизни России и в соответствие с современными ее потребностями, были, в продолжение десяти лет, направлены НАШИ попечения и заботы, когда внезапно разразилась роковая и кровопролитная война на отдаленном Востоке, потребовавшая крайнего напряжения и сосредоточения всех вещественных и нравственных сил государства, а одновременно внутренняя смута, долго таившаяся под пеплом, кровавым пожаром вспыхнув в разных концах Империи, разобщила и ослабила эти силы и отвлёкла значительную их часть от борьбы с сильным и упорным внешним противником.

В виду грозной опасности, надвигающейся на Россию извне и внутри, призвав Бога на помощь и собирая все силы земли для отражения дерзких посягательств врагов на ее внутренний уклад и внешнюю безопасность, МЫ чувствуем живейшую потребность опереться на любезно-верный НАМ русский народ и, сплотив его вокруг НАШЕГО Престола, утвердить на незыблемой основе то единение Царя с подданными, на котором искони зиждется сила и крепость Святой Руси.

В разные эпохи многовекового прошлого России, русские Самодержцы не раз призывали Землю на совет в лице избранных ее представителей. В XVI и XVII столетиях созывали они Земские Соборы для совещания по законодательным делам и вопросам. В XVIII столетии Императрица Екатерина II воскресила это древнее учреждение Московской Руси, собрав из выборных от всех сословий комиссию для составления нового уложения. В течение всего XIX века сведущие люди, заслужившие доверие населения, нередко приглашались к обсуждению проектов важных законов, предварительно внесения их в Государственный Совет.

Еще более широкая доля была отведена Российскими Государями выборному началу в местном управлении. Волею Великой Екатерины создан институт губернских и уездных предводителей дворянства и выборным от сословий предоставлено замещение должностей не только в губернском, уездном и городском управлении, но и в судебных учреждениях того

времени. Блаженной памяти Августейший Дед Наш, Император Александр II явил высокое доверие населению, вверив всесословному Земству и его избранникам попечение о хозяйственных нуждах и пользах в 34 губерниях и тем положив начало местному самоуправлению. Наконец, в Бозе почивающего Незабвенного Нашего Родителя, во все продолжение Его кратковременного Царствования, *озабочивала мысль о согласовании деятельности выборных общественных учреждений с правительственными властями по назначению, и об искоренении тех розни и разлада между ними, которые столь пагубно отражаются на правильном течении государственной жизни Нашего Отечества.*

Ныне настало время осуществить благия начинания в этом направлении ряда Самодержавных Наших Предшественников и привлечь выборных людей от всей Земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных установлений особое законосовещательное учреждение.

В настоящий памятный для России и дорогой для Родительского сердца НАШЕГО, день первой годовщины рождения НАШЕГО Первородного Сына и Наследника Всероссийского Престола, МЫ признали за благо утвердить рассмотренные в Совете Министров и в чрезвычайном Совещании под Собственным НАШИМ председательством, Учреждение Государственной Думы и правила о выборах в нее и повелели Правительствующему Сенату привести их немедленно в исполнение на нижеследующих главных основаниях.

Составленная из членов, свободно избираемых населением Российской Империи, Государственная Дума участвует в предварительной разработке и обсуждении всех законодательных предположений, восходящих чрез Государственный Совет к Верховной Власти.

Выборы в Государственную Думу производятся населением чрез особые избирательные с‘езды по уездам и собрания по губерниям, областям и городам, закрытой подачей голосов, с таким рассчетом, чтобы один член Государственной Думы приходился на 250.000 жителей Империи.

Государственной Думе даруется право возбуждать предположения об отмене и изменении действующих и издании новых заковов, с тем, что предположения эти ни в каком случае, не будут касаться начал государственного устройства, установленного в основных законах Империи.

Государственной Думе предоставляется заявлять Министрам и Главноуправляющим отдельными частями о сообщении сведений и раз‘яснений по поводу тех действий, как их самих, так и подведомственных им лиц и учреждений, коими, по

мнению Думы нарушаются существующия законоположения и повеления, от Высочайшей Власти последовавшия.

Члены Государственной Думы пользуются полною свободою суждений и мнений в делах, подлежащих ее рассмотрению, и не могут быть подвергаемы лишению или ограничению свободы, как только по распоряжению судебной власти.

Законодательные предположения Государственной Думы вносятся на рассмотрение Государственного Совета, но получают силу закона не иначе, как по принятии их Государственным Советом и по утверждении Высочайшею Властью.

Даруя избранникам народа столь важные права и отводя им такую широкую долю участия в законодательной работе, Мы уверены, что они, в сознании великой лежащей на них нравственной ответственности пред Богом, Престолом и Родиною, *оправдают Наше доверие и в полном согласии с прочими государственными установлениями и с исполнительными властями, от Нас поставленными, окажут Нам полезное и ревностное содействие в трудах Наших на благо общей нашей матери России, к утверждению единства, безопасности и величия Государства Российского, благоденствия и счастия русского народа.*

Державные НАШИ Предки собирали русскую землю и в тесном общении с народом, спаяв ее разрозненные части, воздвигли величественное здание Державы Российской, обнимающее шестую часть вселенной. В историческом развитии судеб России на НАС, волею Всевышнего, пал счастливый жребий собрать воедино все помыслы и чувства русских людей, все живые силы Богом НАМ врученного народа и в стройном согласии направить их к одной заветной общей цели: благу Отечества.

В великой, тесно сплоченной вокруг НАС, русской семье нет и не должно быть средостения между Царем-Отцом и верными Его сынами-подданными. Отныне голос земли чрез ее выборных, излюбленных, лучших людей будет свободно и беспрепятственно восходить к Царскому Престолу, Обнимая отеческою НАШЕЮ любовью всех НАШИХ верноподданных, к какому бы племени, званию и состоянию они ни принадлежали, МЫ верим и надеемся, что оживленная НАШИМ доверием народная мысль с новою силою воспрянет на служение НАМ и Отечеству и в дело государственного строительства внесет верность исконным основным устоям исторического склада России и с нею бытовую мудрость, почерпнутую в жизненном опыте; решающая же воля Самодержавного Царя озарится светлою собирательною мыслью Русского народа.

В согласии и единении Царя и народа великая нравственная сила, создавшая Россию, в течение веков отстоявшая ее от всяких

бед и напастей и являющаяся залогом ее единства, независимости и целости, материального благосостояния и развития духовного, в настоящем и будущем. Призывая благословение Господне на труды учреждаемого Нами государственного установления, долженствующего утвердить новым ручательством эту вековую спасительную связь, Мы с непоколебимою верою в милость Божию и в непреложность великих исторических судеб, предопределенных Божественным Промыслом дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаем, что с помощью Всемогущего Бога и единодушными усилиями всех своих сынов, Россия выйдет с торжеством из постигших ее ныне тяжких испытаний и снова возродится в запечатленных тысячелетнею ее историею могуществе, величии и славе.

Первое Царскосельское совещание.

1. Работы верховной бюрократии после 6 августа 1905 г.

Манифестом 6 августа 1905 года закончился первый акт творения конституционной жизни России. Конечно, никто не думал в тот момент, что новорожденное дитя мертворожденно, но чувствовалось и думалось, что оно едва ли жизнеспособно: слишком оно было чахло. Но всетаки с этого момента начался новый фазис жизни России, при чем сама эта жизнь как бы раздвоилась.

Жизнь верхов, или верховной бюрократии пошла по пути административно-законодательного творчества, а жизнь — так сказать — низов России, относя, однако, сюда и всю средину, т. е. общественную интеллигенцию, пошла по линии расширения запросов, ожидаемых и требуемых реформ и углубления беспорядков, волнений и забастовок всякого рода.

Начну с обозрения, насколько я это помню, жизни верхов. Я, лично после окончания составления манифеста 6 августа, о котором я писал в наброске воспоминаний о петергофском совещании, уѣхал опять к себе в имение, в Залучье, но оставался там очень недолго. Уже 16 августа 1905 года я получил телеграмму Харитонова, что совещание о выработке дополнительных к учреждению о Государственной Думе узаконений, под председательством графа Сольского, назначено на 19 августа. Это совещание было очень громоздкое, в него входили, кроме председателя, 12 членов Государственного Совета, которые участвовали и в июльском петергофском совещании, затем 19 министров и главноуправляющих с товарищами, причем от некоторых ведомств их было по двое и даже по трое, так что всего было около 70 человек участников.

В настоящих моих воспоминаниях о Царскосельском совещании под председательством Государя, я не предполагаю подробно излагать ход и характер всех дополнительных про-

межуточных совещаний [1]), в которых мне пришлось участвовать, тем более, что очень подробное изложение хода их и в главных чертах исчерпывающее содержание заключений этих комиссий дано в обстоятельной статье В. В. Водовозова: „Царскосельския совещания" („Былое", 1917 г., № 3, сентябрь, стр. 230—234); но для связи и уразумения последующего, я сделаю общий их абрис, и прежде всего совещаний под председательством графа Сольского.

По содержанию они распадались на три совершенно различные группы: Первая, которая и началась 19 августа (Мемория 19, 20 и 22 августа 1905 г.), была посвящена рассмотрению предположений М. В. Д. Булыгина о введении в действие и применении учреждения Государственной Думы и положения о выборах; вторая имела в виду распространение учреждения Думы на окраины — Польшу, Сибирь и Кавказ, а третья была посвящена выработке закона об об'единении правительственной деятельности.

Первая группа заседаний была наиболее интересна и затронула три вопроса: 1) об условиях, обеспечивающих или даже делающих возможным реальное создание Думы: правильность и закономерность производства выборов; 2) создание учреждения для руководства осуществлением всех предположений об устройстве Думы и для разрешения могущих возникнуть недоразумений и 3) выработка временных правил, соблюдение коих могло дать возможность пустить новую и своеобразную машину в ход, приспособить для успешной работы отдельныя ее части, так сказать, смазать ее и устранить шероховатости работы: в частности подготовить и оборудовать помещение Думы, как для общих собраний, так и для фракционных; наконец, озаботиться о своевременном доставлении ей надлежащих средств; — обеспечить ее, так сказать, продовольствием.

Наиболее важным представлялся первый вопрос: как обеспечить правильность и свободу выборов при условиях нашей государственной действительности? В этом отношении некоторыми членами совещания было указано на необходимость установить прежде всего принцип неприкосновенности личности как для тех, кто будет являться в собрания для избрания выборщиков, и членов Думы, так, в особенности, для

---

[1]) Когда я, уже *приступив* к печатанию воспоминаний, пересмотрел написанное, я усмотрел *крупный* промах: разногласие между этими строчками и тем, что я внес в круг моих очерков, отдел о комиссии графа Сольского по поводу реформы Государственного Совета, но пополнить было уже поздно. Каюсь!

Если Господь продлит мою жизнь, то постараюсь пополнить этот промах. Осуждение за него принимаю без всякого огорчения.

тех, кто будет намечен и избран в члены Думы. Неразрывно с этим являлся такой же жгучий вопрос, как обеспечить необходимую свободу предвыборных собраний, свободу слова и, наконец, свободу печати, а, в частности, каким образом дать возможность существовать агитационной и выборной печати? дать возможность высказываться за и против того или другого кандидата, дать возможность оценки его предполагаемой в будущем деятельности?

Конечно, наибольшее препятствие к правильному устройству закономерного представительства представляли наши положения об усиленной и чрезвычайной охране, при действии которых уничтожалась всякая возможность сколько нибудь свободной общественной жизни, задерживалось свободное общественное дыхание, даже, — выражаясь фигурально, — останавливался самый пульс жизни общества. А между тем действие этих чрезвычайных мер росло и ширилось и охватывало почти всю территорию государства; поэтому единственною радикальною мерою была бы приостановка их действия на все время выборов. Но такой решимости от комиссии бюрократических верхов ожидать было нельзя. Поэтому совещание графа Сольского пошло по пути компромиссов, и притом самых примитивных.

Совещание признало желательным, чтобы вырабатываемый в то время в Министерстве Внутренних Дел закон о частных собраниях был распространен и на избирательные собрания. Но так как казалось вероятным, что утверждение такого закона не может последовать своевременно, т. е. к предстоящему созыву первой Думы, то комиссия предположила ограничиться тем, что права, которые по положению о выборах были предоставлены выборным собраниям больших городов (ст. 38 полож. о выб.), распространить на *всю Россию*, т. е. на все выборные собрания землевладельцев, горожан и даже выборщиков от избирательных с‘ездов. Но однако и это предположение было принято не единогласно, так как Министр Внутренних Дел и, в особенности, Товарищ Министра, заведующий полициею (П. Н. Дурново), доказывали, что такое расширение свободы собраний представляется опасным; они полагали возможным допустить свободные предвыборные собрания только в городских поселениях, но никаким образом ни вне городов, где полицейского надзора недостаточно, и весьма настаивали на этом.

По вопросу о создании особой коллегии для руководства выборами было предложено три системы: Булыгин в своем проекте предполагал образовать для этого вневедомственную коллегию; Трепов, без мотивировки, предполагал возложить это на Государственного Секретаря и, наконец, комиссия оста-

навливалась на предоставлении этого руководства М. В. Д., так как считала это наиболее целесообразным, в виду прямого подчинения ему местных органов.

Наконец, совещанием были урегулированы некоторые правила, определяющие первые шаги Думы, а также предположения о предоставлении или Министру Внутренних Дел или Государственному Секретарю права испросить кредиты на приспособление помещения Таврического Дворца для пленарных заседаний и всяких других собраний Думы и ее фракций, а равно составление сметы расходов Государственной Думы на 1906 год.

Вторая группа заседаний была посвящена рассмотрению условий выборов в члены Думы, в Царстве Польском (заседания 26 августа и 5 сентября), в Сибири (заседание 17 сентября) и на Кавказе (заседание 30 сентября); в последних заседаниях приняли участие семь особо приглашенных представителей кавказского дворянства.

Таким образом, работы комиссии графа Сольского дотянулись до самых октябрьских дней. Начало октября в административных верховных кругах ознаменовалось возвращением, после заключения Портсмутского мира, с Японией, Сергея Юлиевича Витте, пожалованного в графы, и вступлением его в должность председателя Комитета Министров. С этого момента Витте в государственном оркестре России заиграл первую скрипку.

Все же комиссия Сольского продолжала действовать и по приезде Витте, и приступила к обсуждению третьей группы подготовительных к открытию Думы вопросов—к изменению учреждения Совета Министров, в видах согласования действия отдельных министров, как в их законодательной деятельности, так и в деле управления, или как выражался именной указ от 19 октября, чтобы все министры и главные управления составляли единое управление, и чтобы ни одно из них не могло отделяться от другого ни в видах управления, ни в общей их цели. В заседаниях 3, 4 и 12 октября споров было много, но изложение их лежит вне настоящего моего очерка; только укажу, что общая ориентация этих предположений вызвала отдельное мнение двух членов (графа Н. Игнатьева и А. С. Стишинского) против всех остальных (председатель граф Сольский и 27 членов). Отщепенцы и здесь продолжали ту же политику, как и в петергофском совещании: не допустить никакого умаления личного усмотрения Государя, а следовательно, и прекращения возможности правой клике действовать прежними путями и порядками.

Поэтому два члена полагали необходимым 1) допустить не об'единение всех министров, а лишь образование в Совете

особого постоянного присутствия с возложением обязанности председателя Совета на особое лицо, а не на кого либо из министров; в особенности возражали они против предположения предоставить министру председателю право представлять Государю кандидатов для замещения должностей министра. Хотя нельзя не сказать, что и мнение большинства относительно этого наиболее важного пункта, было изложено в самой чиновничьей форме, даже по стилю: В соответствующем пункте мемории было сказано: „предоставить Вашему Императорсктму Величеству *не благоугодно ли будет* Вашему Величеству отнести к обязанностям Председателя Совета министров представление Вашему Величеству кандидатов для замещения должностей министров и главноуправляющих, *кроме* Министров Военного, Морского и Императорского Двора и Уделов".

Очевидно, надо было или совсем не знать, или притворяться незнающим, образ мыслей и все направление державной воли Николая II, чтобы ему *оказалось благоугодным*, такое, конечно, чреватое по последствиям, ограничение безграничного самодержавия.

Впрочем, в интересах истины не могу не прибавить, что в разосланных нам различных предположениях по вопросу об об'единении министерств, было одно мнение—Министра Двора; Оттона Борисовича Рихтера—от 17 сентября 1905 г., в котором был помещен пункт 6-ой: „представление кандидатов на посты министров (*всех*, без исключения) *входит в круг обязанностей* председателя Совета Министров".

В позднейшем указе об об'единении действий министров, хотя не заключалось прямого постановления о порядке назначения министров, но отсутствие в нем каких либо указаний о праве председателя Совета представлять кандидатов на таковые, вместе с точным смыслом ст. 15, с наглядностью свидетельствовало, что монарху не представлялось благоугодным такое самоограничение [1]).

Самое председательствование в Совете по ст. 3 закона

---

[1]) Не могу не указать, что позднее, при пересмотре наших основных законов, снова возникла мысль о предоставлении председателю Совета Министров права представлять Государю кандидатов в министры. В проекте основных законов, составленном Государственною Канцеляриею, в главе шестой, существовала статья 60: к кругу обязанностей председателя Совета Министров относится представление Государю Императору кандидатов для замещения должностей министров, кроме министров военного, морского, Императорского двора и уделов! Но это предположение не вошло даже в тот проэкт, который по Высочайшему повелению был внесен на рассмотрение Совета министров. В предсмертный час монархии это требование явилось уже в несравненно более широкой конституционной форме: требовать ответственного министерства.

могло быть возложено или на кого либо из министров, или на особо призванное для сего лицо.

Но натиск общественной тревоги и бурлящих волнений не давали возможности царственному рулевому успокоиться, и почти одновременно с указом об об'единении министерств, последовал, вырванный мятежем, манифест 17 октября. В нем Верховная власть прямо заявляла, что „Великий обет царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядков, безчинств и насилий, мы признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства и вместе с тем:

1) даровать населению незыблемые основы гражданской свободы па началах действительной свободы совести, слова, собраний и союзов;

2) не останавливая предположенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе... те классы населения, которые ныне совершенно лишены избирательных прав, предоставив затем дальнейшее развитие *начал общего избирательного права* вновь установленному законодательному порядку и

3) установить как *незыблемое начало*, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Такова была сущность свобод, дарованных манифестом 17 октября; не могу только не обратить внимание на одну небольшую, но не лишенную интереса подробность. В рассуждениях комиссии Сольского а затем еще яснее в известном всеподданейшем докладе графа Витте, представленном Государю одновременно с проектом манифеста 17 октября, на котором было начертано „принять к руководству“, говорилось „черным по белому“, в числе необходимых гарантий свобод, и о *„свободе печати“*, а в манифесте это выражение заменено другим: „свобода слова“, что, конечно, не одно и то же! Не могу, впрочем не прибавить, что доклад возбуждал одно еще более важное недоразумение. Манифест, как видно из его содержания, вовсе не упоминает о государственном совете, как факторе законодательства, но в докладе не содержится не только указаний, на необходимость пересмотра учреждения государственного совета, но не приведено даже никаких соображений, по которым граф Витте считал бы его необходимым фактором государственного законодательства страны; а между тем сущность

этого доклада послужила основанием работ комиссии графа Сольского о пересмотре учреждения Государственного Совета!

С изданием манифеста 17 октября и с назначением графа Витте председателем об'единенного Совета Министров, деятельность комиссии Сольского пе прекратилась. Она продолжалась и в 1906 году, даже и в апреле этого года, т. е. почти до открытия первой Думы; но жизненный пульс был уже не в ней. Она преимущественно рассуждала о применении положения о выборах к отдельным местностям, хотя даже часть ее прямой компетенции перешла уже фактически в об'единенный Совет, так как в нем рассматривалась напр. записка К. Ф. Головина (писатель Орловский) о неприменимости в России всеобщей подачи голосов. Также отдельно от комиссии графа Сольского шли совещания о порядке исполнения предначертаний октябрьского манифеста, в частности его второго пункта, заключающего в себе и осуществление предположений Витте о предоставлении избирательного права некоторым группам рабочих, о которых я уже говорил в воспоминаниях о петергофском совещании. Независимо от совещаний графа Сольского последовали и некоторые облегчительные законы для крестьянского землепользования от 3 ноября 1905 года.

2. Рост и потуги общественных сил.

Гораздо любопытнее была общественная эволюция за время, отделяющее петергофское от царскосельского совещания, июль и декабрь 1905 года. Первоначально при первом наброске моих воспоминаний о пережитом, останавливаясь на времени подготовления к обсуждению предположений о преобразований государственного строя в период 1905—1906 г. г., я не предполагал касаться движения общественных сил, и наростания общественных желаний, а потом и требований, проявившихся в то время в стране, по двум соображениям: Во 1-х, потому, что эти порывистые и страстные потуги просыпающейся России, как сказочного царевича в сказке Пушкина о сыне богатыре царя Салтана, брошенном в море в бочке по навету ткачихи, с поварихою, вместе с бабою Бобарихою, не входило, как думалось мне в основную мою задачу изложить ход обсуждения этих реформ при моем участии и под председательством Николая II-го, а во 2-х, потому, что я непосредственным свидетелем этих событий не был; в особенности, не был очевидцем многоизвестного трагического шествия рабочих к Зимнему Дворцу под руководительством священника Гапона, которого двуликая деятельность агитатора и правительственного шпиона (если он таковым уже был в то время?)

мне тоже была terra incognita, а я хотел излагать только то, что имело за собою ясные свидетельства действительной достоверности. Но в настоящее время после появлений „в голосе минувшего за 1918 г. № 11—12 дневника Минцлова, касающегося как раз 9 января 1905 года, а затем и событий последующих месяцев, включая и октябрьские дни“, т. е. эпохи возвращения графа Сергея Юльевича Витте из Портсмута и вступления его в роль главного заправителя судеб России, в качестве председателя совета министров обстоятельства переменились и я позволил себе сделать из этого дневника позаимствование тех страниц, где автор излагает все непосредственно им виденное и слышанное в эти любопытнейшие дни новой истории России. Я позволил себе все эти позаимствования еще и потому, что они существенно дополняют и поясняют то, что было пережито мною лично.

Я излагаю эти данные в том же последовательном порядке движения событий в каком они приведены и автором дневника.

„9 января 1905 года шествие ко дворцу под предводительством священника Гапона, впоследствии повешенного социал-демократами, как шпиона. Взял извощика и велел ехать по Невскому к Адмиралтейству; народу в этом направлении шло много, но оборванцев и пьяных видно не было; фабричные все принаряженные и выглядевшие очень прилично, попадались на каждом шагу, иные, по двое, ехали на извощиках. У Морской я отпустил извощика и отправился на Дворцовую площадь. Криков и особенного шума не было; толпа вела себя чинно. Втиснулся в самую гущу под аркой и увидал, что площадь пуста; близь дворца спешенные стояли какие-то войска, но ни со стороны Миллионной, ни из под арки никого на площадь не пропускали; выезды из улиц охраняли эскадроны конногвардейцев. Простояв несколько минут и видя, что все более чем мирно, я решился зайти со стороны Миллионной: оттуда, рассказывали, раздавались крики, и один из эскадронов, обнажив палаши, поскакал туда. Только что успел я завернуть за угол Невского, вдруг позади раздались вопли; опрометью понеслись с Морской, хлеща лошадей, извощики, собственные экипажи, люди; я прижался к выемке стены в табачном магазине Елисеева и пропустил мимо ошалевшую толпу; были в ней и студенты, и простонародье, и барышни, сующиеся везде, где им не следует быть...

Постоял в толпе минут десять, послушал озлобленный говор толпы и направился к Марсову полю; за мной раздались вой и крики; оглянулся и вижу, что кавалерия, блестя палашами, летит на мост, и толпа бежит в рассыпную. Противоположная сторона Мойки, сплошь залитая народом, всколыхнулась, загудела: „убийцы, убийцы“, „подлецы, палачи“,

неистово орали сотни голосов, а конногвардейцы, во главе с сытыми толсторожими офицерами, уже следовали под этот концерт по противоположному берегу, окончательно очищая его от публики.

У придворно-конюшенных зданий и на Марсовом поле начали обгонять меня извозчики с ранеными; стрельба, как и показалось мне, была настоящая. Беспомощно прислонившеся к сопровождавшим, фигуры в черном пальто с кровавыми пятнами, то спереди, то сбоку,—производили тяжкое впечатление; рабочие, кучками стоявшие по дороге к Цепному мосту и видевшие их, возбужденно грозили по направлению дворца кулаками. Одна женщина разрыдалась и, крича: „что же делают с нами. Жить не дают, да и бьют еще", разразилась проклятиями. Много их наслушался за сегодняшний день. Один извозчик, весший бесчувственно раненого, сам, видимо, взволнованный, громко пояснял останавливавшимся встречным: „раненого везу, пулей вдарило, у Александровского сада палили". Извозчиков с такими поклажами проехало мимо меня четверо; полиция вела себя удивительно галантно и ни во что не вмешивалась: сегодня обычную ее роль исполняли военные...

10 января „у дома графа Строганова у Полицейского моста группы прохожих рассматривали стены; последние выкрашены в темный цвет и на них ярко белеют многочисленные выщербины—следы от пуль. На Дворцовую площадь пропускали совершенно свободно; войск на ней не было видно, хотя на многих дворах Невского я заметил скрытых там казаков. *Весь угловой полукруг панели у Александровского сада и камни под оградой залиты кровью*; дворники посыпали эти места песком, но тем не менее кровь ярко проступала всюду; ближайшие деревья в саду носили следы от пуль. Много народа внимательно рассматривало это место вчерашней казни... Николаевский мост охраняла пехота, мирно сидевшая на досках, по линиям раз'езжали патрули уланов. Было людно, но спокойно. На 4 линии дома почти не пострадали; выбиты в нескольких дрянных лавченках стекла и только; жестокая бойня и расстреливание происходили на ней у Среднего проспекта. На Малом проспекте дело было еще серьезнее; стекол перебито порядочно, спилено и повалено несколько телеграфных столбов; рассказывали, что там была устроена баррикада, но я ее уже не видел.

Большой проспект на Петербургской Стороне пострадал сильно; магазинов на нем уйма и все крупные; стекла почти во всех выбиты; винный погреб Шитта разбит и разграблен; такому же разгрому и грабежу подверглись и другие магазины; напр., с готовым платьем и колбасные: торговля почти

везде прекращена; большинство дверей и окон забиты наглухо белыми досками или закрыты щитами и заперты"...

В вышедшем сегодня клочке „Правительственного Вестника" сообщается, что убито 76 и ранено 233 человека; цифры эти лживы, так как за одной Нарвской заставой уложено больше путиловцев. Путиловцы двинулись с своего завода с образами и крестным ходом, имея во главе облеченного в ризы священника Гапона, и расположенный у заставы Павловский полк встретил их залпом, причем по одним версиям перебито и переранено 1000 человек, а по другим 800; свящ. Гапон будто бы убит: пули попали и в образа. Так встретил царь отец депутацию детей, отправляющеюся к нему. Больницы в городе переполнены действительно; у двух, мимо которых проезжал, стояли толпы женщин, отыскивавших своих пропавших мужей и братьев; в ворота их почему-то не впускали.

Озлобленная дикой и незаслуженной расправой толпа отплатила за это на Морской нескольким офицерам; избит, между прочим, какой-то генерал и кавалерийский полковник.

Между убитыми есть и дети. Находившиеся у Александровского сада очевидцы рассказывают, что толпа стояла там мирно и на площадь пройти не порывалась. Несмотря на это, офицер, командовавший в том месте пехотой, вздумал орать и приказывать разойтись. Его не послушались. Тогда он заявил, что будет стрелять; не подействовало и это; тогда грянули два, слышанные мною, залпа и уложили многих, в том числе и нескольких детей, взобравшихся на садовую решетку; судя по тому, что я лично видел, я вполне верю, тем более, что слышал одно и то же от разных лиц.

Возмущение всеобщее, особенно против гвардейских офицеров, из числа которых многие с увлечением разыгрывали роль самых последних, самых зазнавшихся и наглых околоточных; настоящие околоточные совершенно не вмешивались во вчерашнюю историю.

Если бы царь так позорно не ускакал из города и принял бы депутацию рабочих, если бы хотя сколько-нибудь сердечно отнесся к положению их — какой бы громадный козырь получил бы он в руки. Эх, вспоминаются слова Грозного: „пономарем бы тебе родиться, Федя, а не царевичем".

Стр. 14 „11 января вторник. Водопровод действует и на улицах спокойно. На Суворовском проспекте магазины торгуют. На углах Невского по прежнему стоят войсковые охраны, но уже сильно уменьшенные. Конки по Невскому не идут, очевидно, по распоряжению полиции, так как по другим улицам они пущены. Движение на Невском несколько усиленное, публика преобладает главным образом любопытствующая; от Знаменья

и вплоть до Аничкова моста в магазинах за ночь перебита масса стекол, между прочим разбито громаднейшее стекло у Соловьева на углу Литейной — стоило оно несколько десятков тысяч. Газетные киоски, за исключением одного у Казанской улицы, разнесены, а некоторые и сожжены. За Аничковым мостом погромов магазинов, кроме одного Бормановского, не было. Выбоины от пуль на доме Строгановых уже заштукатурены и закрашены, но тем не менее очень заметны. Дом, т. е. половина его, ближайшая к мосту, положительно точно была вспрыснута пулями; некоторые пробили рамы, и если никто в нижнем этаже не убит и не ранен, то это положительно чудо.

Из под песка на панели видны сплошные темнокрасные пятна крови; людей расстреливали там почти в упор и пули пронизывали по несколько человек. В Гостинном дворе, со стороны Невского, повреждений мало, главный разгром был, говорят со стороны Садовой, но туда я не сворачивал. Торговля в Гостином и на Невском почти прекращена; на Невском спешно пилят доски и прилаживают к окнам крытые ставни и приколачивают их гвоздями; вид города такой, будто он осажден неприятелем и ожидается вторжение; в немногих торгующих магазинах приоткрыты только двери; окна сплошь забиты или закрыты.

Из газет вышел опять только полулист „Правительственного Вестника“ и „Ведомости Градоначальства“ с перепечатками вчерашних сообщений. Какой-то уродливый, но сметливый карлик примостился на тумбе около разбитого киоска у Гостиного двора и продавал московские газеты по гривеннику; публика расхватывала их у него чуть не с боя.

Стр. 16. 12 января... „В обществе страшное возмущение стрельбою; по рукам ходят литографированные копии с письма священника Гапона к князю Святополк-Мирскому. Привожу его дословно.

„Ваше Высокопревосходительство.

Рабочие и жители С.-Петербурга желают и должны видеть Царя. 9 января 1905 г., в 2 ч. дня на Дворцовой площади они желали собраться для того, чтобы выразить ему непосредственно нужды русского народа. Царю нечего бояться; я, как представитель союза фабричных рабочих, и мои сотрудники, товарищи и рабочие, даже все т.-наз. группы разных направлений, гарантируем неприкосновенность его личности. Пусть он выйдет, как истинный царь, с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию. Этого требует благо его, благо обывателей Петербурга и благо нашей родины.

Иначе может произойти конец той нравственной связи, которая до сих пор еще существует между русским царем и русским народом. Ваш долг, великий нравственный долг перед царем и всем русским народом, немедленно, сегодня же, довести до сведения его императорского величества, как все вышеизложенное, так и прилагаемую здесь петицию.

Скажите царю, что я, рабочие и многие тысячи народа мирно и с верою в него бесповоротно решили идти к Зимнему дворцу. Пусть же он с доверием отнесется на деле, а не в манифесте к нам".

Подписи.

Затем более мелко:

Копия с сего, как оправдательный документ нравственного характера, снята и будет доведена до сведения всего русского народа".

Прими только царь депутацию, поговори с ней, и какой-бы эффект, какую бы популярность сразу создал бы он себе. Но вместо этого на встречу мирно шедшим людям были пущены штыки и пули... Да, кто идет ко дну с камнем на поясе, тому не вынырнуть. Говорят, что Святополк-Мирский настаивал на приеме депутации и царь уже собирался ехать в Петербургъ, как вдруг отменил поездку".

Стр. 19. „Да, 9 января были моменты, когда Николай II мог разом повернуть курс истории в свою пользу; риска с его стороны не было, даже если бы и был—момент требовал и стоил его. Прими он эту депутацию, и именно на площади, обставь прием нарочно возможно торжественнее, и призрак революции, которого так боится он, разом бы померк и отошел в даль. Одним ударом приобрел бы он популярность и любовь в стране,—а он этого не сделал, не схватил чутьем того, что висело в воздухе, чувствовалось всеми. Царизм проиграл сражение, это несомненно. Скольких сторонников он разом сделал врагами себе"..

Стр. 20. „14 января высланы заграницу два корреспондента-француза за распространение сведений, несогласных с данными „Правительственного Вестника". В последнем появилась сегодня телеграмма, произведшая на многих гнусное впечатление: будто все движение рабочих было устроено на деньги англо-японского союза, приславшего для этой цели в Россию 18 миллионов... От врачей, лично принимавших у себя на квартире раненых во время беспорядков, слышал, что раны многих, несмотря на малый калибр пуль, были ужасны; никелевая оболочка на пулях прескверная, и надрываясь еще в сгибах ружья, действовала, как пресловутые „дум-дум". Война отошла совсем на задний план и даже еще дальше. Что там творится—никто ничего не знает, да и не хочет знать...

На улицах продаются, кроме оффициальных, московские газеты и еще какое-то неизвестно откуда вынырнувшее на свет Божий „Военное время".

15 января. Вышли почти все газеты, писать что-либо о беспорядках им запрещено и „Новое Время" прямо заявило, что кроме перепечатки из „Правительственного Вестника", ничего сообщить не может. „Слово" и „Русь", несмотря на это, поместили дельные передовые статьи и, надо думать, попадут на цугундер.

Завтра ожидаются студенческие беспорядки.

16 января. В редакциях газет „Наши Дни" и „Наша Жизнь" и у сотрудников их произведены были усиленные обыски; проф. Ходского, редактора второй, раздели чуть ли не до рубашки. Газеты эти не выходили до сих пор, так как забраны все статьи и все материалы из редакций. Вероятно, Трепов прослышал, что названные газеты решили пойти на закрытие; собирались подробно описывать события этих дней, несмотря на запрещение, и напечатать притом в огромном количестве экземпляров для возможно широкого оповещения России.

17 января. Никаких студенческих демонстраций вчера не было. Студенты спешно запасаются штатским платьем, так как со всех сторон доносятся слухи о случаях избиения их рабочими.

Знаменитая телеграмма о 18 миллионах оказалась фабрикацией некоего Череп-Спиридовича. Вел. Кн. Сергей расклеил ее в тысячах экземплярах по Москве и только тогда, так сказать, с полу-высочайшей санкцией, ее напечатали в Петербурге правительственные газеты. Английский посол заявил протест, и справедливо: в глупости обвинять англичан нельзя!

18 января. Идут усиленные аресты. Арестованы Максим Горький, Богучарский, Анненков, Пименова, Кареев, Мякотин и т. д., целый ряд литераторов.

Утром не прибыла почта из Варшавы. Почтальоны, приехавшие оттуда, передают, что Варшава горит. Все возможно. Наступают словно последние времена государства Русского. „За что ни ухватись, — все ползет по швам".

. . . . . . (Стр. 22). „Среди мрачных историй нашего времени приходится отмечать иногда и перлы великого юмора. Так святейший (?) синод" по Указу Его Императорского Величества" приказал опубликовать и вставить в церковные ектении следующие два прошения:

1) о еже не помянути грехов и беззаконий наших и *истребить от нас вся неистовые крамолы супостатов*, Господу помолимся;

2) о еже утвердити в земле нашей безмятежие, мир и благочестие Господу помолимся.

Господа Бога тревожат — Он, де, все выслушает, — а на собственный хвост оглянуться нужным не нахотят. В средних веках мы живем или в XX веке?"

(Стр. 24). „К приему депутации в городе относятся подозрительно; как выясняется, депутация просто „ход" перед Западом, общественное мнение которого надо было чем-нибудь умаслить. Собрана она была по распоряжению полиции, явилась во дворец, в виде толпы безгласных баранов, для выслушания заранее написанной речи и только... Судя по газетам, пародия эта за границей, кажется, имела успех. Впрочем, разве можно в наше время узнать правду из газет??

22 января министр юстиции Муравьев совершил новый ловкий ход: получил назначение в итальянские послы.

На достопамятном собрании министров, обсуждавших с Государем вопрос о конституции (об этом собрании министров, также как и о посылке депутатов к Государю, упомянутом выше, в дневнике Минцлова, никаких более точных или подробных указаний не приведено), Муравьев отличился наиболее консервативной речью, вместе с бессмертным Кащеем Победоносцовым; они доказывали, что государь (это самодержавный то монарх) не имеет права ограничивать власть свою!

(Стр. 25). „Сегодня уже в правительственном сообщении число убитых 9 января (перечислены по фамилии) возросло до 130. Эта цифра тоже неверна, так как в нее включено, напр., только тринадцать неопознанных трупов, между тем в действительности не опознанными осталось не мало, да иначе и быть не могло, при той спешке с похоронами и многочисленности места, где были разбросаны мертвые.

23 января уволена артистка Императорских театров Куза. 9 января она проезжала в своей карете мимо стоявшего отряда Преображенского полка и, высунувшись из окна, крикнула офицерам: „поздравляю вас с первой победой". Ей пустили вслед ругательства, а затем донесли по начальству, и в результате было предложено оставить столицу.

Привожу также стихотворение, распространенное тогда в Петербурге и приведенное Минцловым (стр. 26):

Как у нас в городке,
На Неве на реке
Ника

Из себя вышел вон,
Ножкой топает он
Дико.

И кричит: ей-же-ей,
Им не дам, хоть убей,
Воли.

Будет все, как и встарь,
Аль я больше не царь,
Что-ли?

Я повластвую власть
И не сделаю власть
Мою купой.

Прикажу все смести,
Но не дам завести
Конституций.

Мне сказала „ma mere“.
Чтобы брал я пример
С папы.

И задам я трезвон
Всем, кто тянет на трон
Лапы.

Ведь по дудке моей,
Пляшет много людей
Очень.

Хоть и молвит молва,
Что моя голова
Кочень.

Земцам будет беда:
Вишь, полезли куда
Шутки.

Им парламент Да нос
Еще ваш не дорос...
Дудки.

Мне же нос, господа,
Я клянусь, никогда
Не утрете!

И скажу напрямки:
„Пошли вон, дураки“,
И пойдете.

Ох ты, царь Николай.
Ты на земцев не лай,
Ишь задорник!

Ты-б их слушал совет,
А ругня не ответ, —
Ты не дворник!

Лучше земцам внемли,
Они люди земли
Нашей.

А не то путь иной:
К немцам с сыном, с женой
И с мамашей!

(Стр. 29) „5 февраля Сергея ухлопали основательно: его разорвало на куски. Кинул бомбу суб'ект в рабочем костюме, лет 35, говорит с иностранным акцентом. Работа заграничная, чистая, что говорить. И тут нам, видно, „немец потребовался“. (Минцлов весьма ошибся, мы теперь хорошо знаем, что это был „Каляев“. Таг.). Петербуржцы не только радуются, но и поздравляют друг друга с этим убийством. Славную репутацию заслужил покойник.

Выпущен Высочайший манифест, по обычаю высокопарно надутый и приглашающий всех соединиться в молитвах за упокой души Сергея, и высказывающий уверенность, что вся Россия разделяет скорбь царствующего Дома,—словом, обычная белиберда в этом роде. Даром, можно сказать, погубил пятачек на покупку „вечерней газеты“, выпустившей манифест часов в 12 дня. Прочитал его и кинул по дороге. Люди радуются, а их скорбеть зовут“.

Стр. 31. „Напомнили мне сегодня очень давно слышанный мною рассказ об разговоре Николая I с известным монахом Авелем (?). Николай велел его позвать к себе и спросил: кто будет царствовать после его сына, Александра II-го.

— Александр, — отвечал Авель.

— Как Александр, — изумился император. — Старшего сына зовут Николай (в то время последний был жив и здоров еще).

— А будет царствовать Александр — повторил Авель.

— А после него?

— После него Николай.

— А потом?

Монах молчал. Царь повторил вопрос.

— Не смею сказать, государь, — ответил тот.

— Говори.

— Потом будет мужик с топором, — сказал Авель.

Рассказ этот я слышал еще мальчиком в царствование Александра II-го [1]).

2 октября 1905 года похороны ректора московского университета князя Сергея Николаевича Трубецкого, скончавшегося в клинике Елены Павловны и перевоз тела усопшего на Николаевский вокзал, а затем в Москву, вызвавший огромную процессию с венками, с образцовым порядком и без полиции но сопровождавшийся большою паникою, вызванною сначала одним жандармом, хотевшим выехать из процессии, а потом движением конных жандармов, перестроившихся на Знаменской площади у „северной гостинницы.

Процессия пела „Со святыми упокой“ и революционные песни к соблазну толпы.

Октябрьские дни. (Стр. 37 и сл.) 11 октября разростается железнодорожная забастовка.

12 октября Питер отрезан от всей России; все железные дороги, кроме отказавшейся примкнуть к движению Финляндской ж. дороги, забастовали. На Николаевской дороге, около фарфоровского полустанка разобран путь и по городу распространяется паника; уверяют, что сегодня вечером прикроются и забастуют все магазины и достать чего либо будет немыслимо. Колбасные, булочные, бакалейные и т. п. осаждаются покупателями, которые делают запасы провизии; цена на мясо шагнула с 16 на 23 коп. за фунт.

(Каково это читать теперь нам? Ведь это что-то как будто из волшебной сказки! Неужели такие цены были когдато в городе, который именуется Петроградом или Петербургом? (Таг.).

14 октября. Окна магазинов заколочены досками и щитами. Электричество сегодня не действует. Внутри магазины тускло освещены или парою свечек или какою нибудь грошевой лампочкой; всё имеет такой вид, что при первой тревоге остается только захлопнуть дверь, задуть огонек и получится нечто вроде крепостцы.

15 октября. В Питер подходят войска из окрестностей; говорят, пришла пехота из Пскова и гвардейская кавалерия из Царского, На улицах то и дело проезжают кавалерийские раз‘езды; ворота домов заперты; за железными решетками их видны стоящие в косматых шубах дворники.

Газет сегодня нет. Это вторичная забастовка их в этом месяце: в первый раз они трехдневным прекращением

---

[1]) Считаю интересным прибавить, что Минцлов писал эти воспоминания о словах Авеля еще в 1905 году, а подходят предсказания Авеля и к нашим временам.

работы выражали свою солидарность с московскими типографиями.

Николай находится в Петергофе и там же стоит под парами контрольная (?) яхта „Полярная Звезда“ готовая принять его и отплыть в Данию. Место зловещее! Вспомнил бы он Петра III и попытку его уйти в море?

На углах улиц еще вчера были вывешены об‘явления Трепова, успокаивающие население, причем добавлено, что всякая попытка к беспорядку будет немедленно подавлена: войск достаточно и им приказано *холостых залпов не давать и патронов не жалеть.*

17 октября (стр. 38). Тревожное настроение усиливается. В редакции „Всходов“ слышал, что было совещание газетных представителей Петербурга и все, кроме князя Ухтомского (редактора „Спб. Ведомостей“) и еще какой-то маленькой газеты решили следующее: газетам завтра выйти, причем с цензурными правилами более не сообразовываться и устроить между собою круговую поруку и поддержку на случай закрытия газет со стороны правительства. Союз союзов разогнан. Политехникум Трепов приказал очистить от студентов (там огромное общежитие) в 24 часа и пригрозил в случае сопротивления штыками. Все высшие учебные заведения заняты войсками и пулеметами; уверяют, будто Николай и слышать нехочет ни о каких уступках и в верхних кругах твердо решили залить революцию кровью.

18 октября (стр. 40). Ура. Мы свободные люди.

Вчера был в гостях у Сиверса, вдруг за ужином раздается звонок; хозяин вышел посмотреть, кто пожаловал и быстро возвратился с листком в руке.

Манифест.

Дважды прочли его и от души чокнулись за новую Россию. Нашлись и в нашем кружке скептики, но в общем шаг вперед сделан и большая тяжесть свалилась с души.

Ночью возвращался от Сиверса по Невскому; везде горело электричество; по тротуарам и за проезжающими бегали мальчишки, размахивавшие листами бумаги и выкрикивавшие „манифест. Высочайший манифест“.

Сегодня на улицах вывешены флаги; на углах у расклеенных манифестов толпятся кучки прохожих. День серый и тусклый.

Говорят, что сегодня Николай приезжает из Петергофа в Зимний Дворец, и что манифест этот дело рук Витте, который читал несчастному ублюдку чуть ли не целые сутки историю французской революции с российскими комментариями.

18-го (стр. 46) „на Невском, у дома Елисеева разыгралась кровавая свалка между огромными толпами националистов и краснофлажцев. Пущены были в ход револьверы, были пострадавшие; подобные же свалки с выстрелами и такая же беспричинная паника, от которой, как в хаосе, неслись, как безумные, в общем потоке, давя и сшибая все на пути своем, извозчики, пешеходы, и самые манифестанты, происходила во многих местах; сильнейшая, повторяю, беспричинная паника была у Полицейского моста, на углу Загородного и Лештукова пер. Это показывает, в каком состоянии теперь нервы у массы“.

6 часов вечера 18-го октября (стр. 47) „митинги. 18-го постановили, между прочими пунктами требовать освобождения политических заключенных и удаления Трепова. О нем говорят чуть не с скрежетом зубов; говорят, что 18-го войска получали приказания то от Витте, то от Трепова; от первого — не сметь пускать в дело оружие, от второго — стрелять.

Скудоумный Николай, подпадающий под влияние того, кто говорил с ним последний, вероятно, вчера поговорил с Треповым, и благодаря этому повеселились казаки, и уже прежней свободы собираться на улицах сегодня нет.

Далее у Минцлова находится также любопытное свидетельство очевидца о том, какая неразбериха шла тогда в Питере. (Таг.).

На Невском, на углу Суворовского, мы встретили толпы рабочих. Впереди шли дети; было много простых, но чисто одетых женщин; мужчины производили опрятное, хорошее впечатление. У всех на левой стороне груди алели красные банты из лент. Над процессией развевались два небольших красных флага.

Теснившиеся на тротуарах прохожие махали шапками и кричали ура Шествие отвечало тем же. Как то странно и радостно было видеть эти красные флаги, банты, — еще вчера бывшие под жесточайшим запретом, а сегодня мирно и беспрепятственно двигающимися по городу“.

Стр. 43. „Окружавшие нас говорили, что у Казанского собора происходит митинг, на который навалилась черная сотня, что там идет побоище, и присылали просить помощи.

Мы с женою направились туда. Сквозь колоннаду собора увидали двигающиеся по Невскому флаги; их было семь: два белых с черными надписями: „да здравствует свобода и царь“ и пять обычных трех торговых цветов. За флагами валила толпа любопытных; митингов и драк не было и следа. Мы вмешались в толпу и последовали за процессией; флаги свернули на Морскую и к Зимнему дворцу и остановились перед средними воротами. Раздалось пение: „Спаси, Господи, люди

Твоя“ затем ура; в воздух полетели шапки; замахали руки, платки. Толпа протиснулась к самым воротам, за запертыми решетчатыми створами которых виднелись черные шапки гренадер. Толпа, занимавшая все пространство между дворцом и колонной, состояла почти сплошь из простого люда, рабочих, лавочников и т. п. Один полный бородатый старик пел и плакал, пел от души. Пели гимн, потом опять „Спаси Господи“, ревели ура, — царь не показывался. Большой он враг себе царь Николай!

Стр. 44. „Пишу эти строки в 5 час. вечера, скоро отправлюсь на Невский; нужно видеть самому, чтобы иметь право судить о происходящем. Переживаем величайший миг истории.

В 6 час. вечера на углу Суворовской и 2 Рождественской показалось множество красных фонарей и флагов на высоких палках; на улицах полутьма; электрические фонари горят через два в третий. Громадная толпа, сопровождавшая эти флаги, остановилась против больницы, и кто-то из нее начал держать речь. Казалось, будто кровавое зарево встает над толпою.

Речь то и дело прерывалась громкими ура; в окнах соседних домов показались люди и вдруг освещенные квартиры одна за другой стали погружаться в мрак. Гасили огни из боязни разгрома со стороны толпы; приказчики спешно бросились закрывать щитами окна и двери магазинов. Толпа с революционными песнями двинулась дальше по Суворовскому; на обе стороны в большом количестве разбрасывались прокламации.

„Товарищи за нами. — Кричали проходившие, — разгромим тюрьмы, выпустим всех“.

Буйств и безобразий никаких не происходило.

Невский проспект сравнительно с утром — пустынен, магазины сплошь заперты и закрыты щитами и досками. На перекрестках чернеют обсуждающие что-то кучки людей; больше всего их около Гостиного двора и Казанского собора. Экипажное движение почти отсутствует — извозчиков можно перечислить по пальцам. На обратном пути от Морской около Троицкой встретили новое шествие с красным фонарем и флагами. Толпа сопровождала их многолюдная; но состояла, главным образом, из подростков и мальчишек простонародья; бородатые лица выделялись лишь изредка.

Ни городовых, ни войск не видно — и к лучшему. Тем не менее все на готове и в любом месте быстро могут появиться и заговорить пулеметы и артиллерия.

В центре города день прошел мирно“.

(Стр. 46) „18-го на Невском, у дома Елисеева разыгралась кровавая свалка между огромными толпами националистов и

краснофлажцев, пущены были в ход револьверы, и та же беспричинная паника, от которой в панике неслись, как безумные, в общем потоке, давя и сшибая все на пути своем: извозчики, пешеходы, дамы и сами манифестанты; паника происходила во многих местах; сильнейшая, повторяю, беспричинная паника была у Полицейского моста и на углу Загородного и Лештукова пер. Это показывает в каком теперь состоянии нервы у массы!

Стачечный комитет (петербургский) об'явил продолжение забастовки и вчера опять стали начавшие работать железныя дороги; московский,—наоборот, об'явил о начале работ.

Представители периодической прессы собрались у Витте и указали ему, что манифестом дарована свобода слова, но не печати? Витте ответил, что в настоящее время она еще невозможна, благодаря анархии; тогда ему заявили, что газеты не будут выходить совершенно. . Нет их и сегодня.

Что это за дичь, как может существовать в свободном государстве не свободная печать, как мог Витте говорить и устраивать подобную штуку — понять нельзя. Недаром, видно, недавно на одном из митингов какой-то оратор сказал: „Витте не либерал, Витте не консерватор, он просто каналья". Добавлю преумная.

Стр. 50. „Вышли все газеты и раскупаются на расхват. Первые действительно свободные №№.

Трепову, принцу Ольденбургскому и им подобным достается очень жестоко. Есть описание стрельбы на Гороховой и в других местах. Напечатаны, между прочим, и треповские приказы. Все это, конечно, еще не так страшно. Надо помнить, что мы еще не привыкли к свободе, а гг. Треповы не привыкли еще к узде. Собака на цепи всегда сперва мечется. Теперь так и придержащая власть в большинстве городов Руси. Это в порядке вещей. Образуется, как говорят мужики.

В городе как будто ничего и не происходило: звонят конки, торгуют, идут и едут люди.

Завтра готовится нечто грандиозное. Во всех газетах помещено извещение, вернее, опубликовано нечто в роде распоряжения разных комитетов, чтобы тела всех борцов, павших за свободу, в 12 час. дня были доставлены к Казанскому собору, причем каждой части города назначен особого цвета значек, затем вся процессия должна двинуться оттуда по Невскому просп. на Волково кладбище.

Забастовку решили прервать на три месяца, т. е. дали срок правительству сдержать обещание и проявить себя. По городу идет запись на получение от рабочего комитета револьверов Браунингов; каждый револьвер, стоящий в магазине по 12 рублей, будет выдан по 10 рублей; цель вооружить в

течение этих трех месяцев граждан для возможной революции.

Ходит упорный слух, будто к Петербургу идут английская и германская эскадры, каждая для охраны своих посольств.

(Стр. 52). „Прочел сегодня о диком назначении Дурново. Этот заведомый палач, в полном смысле этого слова, попал вдруг в министры внутренних дел.

Он—друг Витте и Витте ему многим обязан, тем не менее такое назначение уже более чем чорт знает что.

А обязан ему Витте вот чем: Плеве был на ножах с последним и, наконец, Плеве удалось, при помощи шпионов и документов, установить несомненные связи Витте с революционной партией. В присутствии Дурново Витте имел неосторожность высказать, что песенька Витте спета и теперь осталось немного: арестовать его и засадить в Петропавловку. Дурново сейчас же сообщил это Витте, а на другой день Плеве был убит; Дурново, в качестве товарища министра внутр. дел тотчас же явился на его квартиру, опечатал кабинет с бумагами и выкрал дело о Витте со всеми документами".

(Стр. 57). „Гучков, один из отказавшихся от министерского кресла, сказал, что отказ их вызван тем, что Витте хотел сделать из них ширму, из-за которой намеревался управлять сам. Недурен мотив.

Всю ночь ездили и ходили патрули. „Русь" сегодня уверяет, будто почти всякое движение в городе к вечеру замерло; в 8 час. вечера я по Суворовскому вышел на Невский, народу везде была гибель, пожалуй, даже больше обыкновенного. Магазины и рестораны, правда, позакрывали щитами окна, но торговали. Врут вообще теперь газеты всех лагерей и жестоко, и беззастенчиво.

Стр. 61. „А. Я. Острогорский, директор Тенишевского училища, рассказывал такой курьез. Являются к нему третьеклассники и просят разрешения собраться.

— Да, ведь, вы уже собрались, — отвечает он, прикидываясь непонимающим, в чем дело.

— Нет, это не то: мы хотим устроить митинг.

— Какой митинг, о чем?

— Поговорить хотим.

— Да о чем?

— О необходимости у нас демократической республики...

А. Я. разсмеялся и прогнал их [1]).

На другой день приходит в класс и на столе, под тет-

---

[1]) Разве это не картинка из очень недавнего прошлого: история повторяется! (Таг.).

радью, находит лист бумаги, а на нем надпись: Александр Яковлевич — второй Трепов".

19 ноября (стр. 63) „почтовая забастовка продолжается. Она всполошила даже иностранные посольства. За этот год, можно сказать, мы прошли через огонь и воду и медные трубы и испытали как жилось людям в XV веке, в городах без фонарей, как они обходились без продуктов во время осады, видели войны на улицах, наконец, узнали, как жилось без дорог, без почты и телеграфа. Разорение принесла и несет постоянная забастовка — страшное. Рента сегодня 78. Такого курса не бывало и после Цусимы. Дисконт поднят до 8%. Золотая валюта висит на волоске. Все кто имеет малейшую возможность, берут свои деньги и уезжают заграницу. За какой нибудь месяц переведены туда десятки миллионов (в том числе и великими князьями)".

20 ноября. „Крестьянское движение растет. Разорение и истребление всего идет бессмысленное и беспощадное: у одного помещика, например, вырезали весь конский завод; у одного перерезали и бросили в овраг 5000 баранов, и т. д., и т. д. Все бежит в города. Здесь проживающие помещики спешно уезжают в свои имения распоряжаться, — т. е. продавать все живое и всю движимость, чтобы не совсем даром пропало оно.

В министерстве земледелия получаются шифрованные сообщения о движении этих аграрных беспорядков, и впечатление от этих такое: ростет девятый вал".

(Стр. 67). „1 декабря 1905 г. Государь, оказывается, здоров и весел. Цветет, по выражению видевших его лиц. Толки о стрельбе в него и ране оказываются вздором.

2 декабря. „После полудня сегодня у газетчиков конфисковали 8 газет, в коих помещен „манифест" Совета рабочих депутатов „социал-демократов" и т. д. Манифест предписывает бойкот государственных бумаг, бумажных денег, обратное истребование вкладов....

На Невском проспекте нет прохода от всякого возраста суб'ектов, выкрикивающих и предлагающих каждый день все новые и новые юмористические журналы и газеты, плодят их, как грибы".

За 1916 г. дневник Минцлова очень краток, так как первые три с половиною месяца он его не вел, а возобновил его к открытию Думы. Приведу несколько отрывков, относящихся к 1 мая 1906 г.

(Стр. 77). „К 1 мая заготовляется войск больше, чем их действовало в Лайоне у Куропаткина. На войне пулеметы у нас отсутствовали, а теперь чуть ли не на каждого жителя у нас по пулемету найдется. Кстати на Троицкий мост и Набережную Петербургской Стороны наведены со стены Петропавловки

два вновь ввезенных орудия. Отечески пекутся у нас о спокойствии народа".

2. Мая. „1 мая прошло мирно. Заводы, конечно, не работали. В городе процессий не было, а только огромная толпа рабочих в красных рубахах и с красными флагами прошли из за Невской заставы на Преображенское кладбище к могилам жертв 9 января".

20 июня (стр. 79). „Беседовал с Д. М. Бодиско [1]), только что вернувшимся из своей Тульской губернии. Он, еще недавно уверявший меня в глубоком монархизме русских крестьян, теперь рассказывает, что слово царь теперь мертвый звук для народа. Мертвый потому, что народ прежде рассчитывал, что царь и никто другой даст ему землю, теперь уже все упования свои перенес на Думу. Потрунил я над ним. Царь то у нас, как некрасовский барин, которого все нет, который все не едет...."

3) Последний царственный руководитель России.

Но для того, чтобы понять описываемое мною движение и оценить неудержимый рост общественных октябрьских требований, надо хоть вскользь заглянуть в недавнее прошлое его царствования и пройти по главным политическим моментам первой эпохи, т. е. начала царствования Николая II. Едвали я ошибусь, если скажу, что основной тон, так сказать, лейт-мотив прозвучал уже в первом обращении молодого царя к представителям народа 17 января 1895 года, почти вслед за восшествием на престол: „Пусть все знают, что я буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель". И были ли эти выражения подсказаны ему придворными „Полониями" разного рода или они были отражением собственного склада мышления и прорицанием будущего царственного распорядка державною вотчиною — я не знаю, но не мог же он к 1905 году забыть это неприязненное чувство ко всякого рода „бессмысленным мечтаниям" известных групп, которые, однако, все выше и сильнее поднимали головы при дальнейшем неустойчивом, спотыкающемся шествии коронованного неудачника, „незадачливого царя" — по народному выражению. А путь его был, действительно, точно зачумлен. Начался этот путь с коронационной Ходынки, потрясающие картины которой в описании очевидца француз-

[1]) Родственник Мищлова известный консерватор, который вместе с Полторацким стоял во главе монархических организаций. (См. Дневник стр. 55).

ского корреспондента Пьера д'Альгейма („Голос минувшего" 1917 г. № 4 „Ходынский ужас") могут заставить побледнеть ужасающие картины Дантова ада, и продолжался среди массы жертв, следовавших друг за другом, то от крамольных рук боевых држин революционных организаций, то от руки слепо но неустанно разящего Провидения. Просмотрите этот список жертв преступлений. Все что соприкасалось с царем, возвлекалось в его злополучную орбиту, гибло, уничтожалось. Сипягин, Боголепов, Плеве, Мезенцев, В. Кн. Сергей, Генер. губернатор Сахаров, фон-дер Лауниц, Богданович, воен прок. Павлов, Посьет и пр., и пр. Ведь этот синодик не претендует быть исчерпывающим! Вспомните при этом, что он наполнен вовсе не при помощи одних беспощадных врагов государственного порядка; напротив того, участниками в этих истреблениях приблеженных к царю были собственные же слуги самодержца. Много этих убийств совершилось не только благодаря попустительству „охранки", но большой их процент создался при участии ее агентов, а иногда даже по их подстрекательству. Каляеева считали убийцею Вел. Кн. Сергея, но ведь это убийство, как и убийство Плеве, было несомненно совершено при участии „Азефа". А „Азеф" это ведь собирательное имя целой группы слуг старого режима охранников-провокаторов, продукт системы управления. [1])

Кто из мыслящих людей не приходил в невольный ужас и трепет, присутствуя при хорошем исполнении „Ричарда III-го" или „Смерти Ивана Грозного" в те минуты, когда пред вашими взвинченными нервами проходят кровавые грезы этих давно усопших властителей, бичевание их душ гарпиями судьбы!

А перенеситесь мысленно в грядущия времена, когда резец какого нибудь художника мысли и слова воспроизведет пред будущими зрителями в драматической форме события минувшего царствования. Воспроизведет кровавыя гекатомбы из жертв рук человеческих и неумолимых Евменид, в роде „Ходынки", „Пресни"; воспроизведет пляску смерти, устроенную карательными экспедициями 1906—1909 гг. в Остзейском крае, в Сибири, под Москвою, с тысячами их безымянных жертв! А „смертники" с 1906—1912 г.? Когда в России, долго не знавшей смертной казни, приговоренных к разстрелу и повешению стали считать не сотнями, а тысячами. Заставьте вашу больную фантазию нарисовать контуры этой

---

[1]) Азеф. это эпическое имя, как „Змей-Горыначь". „Малюта Скуратов". Но ведь в том же со'звезди и блистали и другие светила и притом той же величины по яркости, напр. Гакельман — Ландезен. Особые амфибии, или протеи, менявшие окраску, красную и черную, оставаясь едиными в существе.

трагедии смерти! В вашем представлении главная персона этой трагедии обрисуется в типе одного из „всадников смерти" Беклинга, в виде крупного кровавого злодея, с резкими жесткими чертами, а между тем исполнитель этой роли в трагедии должен будет загримироваться—миниатюрным, хрупким, женственным, с кротко-голубым взглядом!

Я думаю, что основною чертою характера нашего последнего самодержца была полная слабовольность, и ее выражением—переменчивость, а производными качествами—неискренность и двуличность. Вернее сказать, это не были черты характера, а черты его безхарактерности.

Потому то человек, входивший в соприкосновение с ним, упорством и настойчивостью, быстротою натиска и твердостью требований мог добиться согласия и обещания и даже неожиданно достигнуть того, чего и сам не надеялся; но он не мог быть убежден, что это достигнуто твердо и надолго. Стоит ему отойти с глаз, а не то что „на три года в даль уехать", и все пошло по иному; стоит придворному ветру дунуть еще раз и „полюбится Тарас". Оттого-то столько неожиданностей, разочарований. Уходя, сановник думал, что „дело в шляпе", а приходя домой, находил, что сам без шляпы [1]). Властитель судеб России дружелюбно говорил о дальнейших ведомственных предположениях с теми министрами, преемники коим уже были назначены.

Тем не менее в этой чехарде не только лиц, мнений, но даже направлений, всетаки звучала одна доминирующая струна. Звук замирал и терялся под напором грозных событий и рас-

---

[1]) Когда уже были написаны эти строки, вышел 12-ый № „Былое" (1918 г.), где напечатано (стр. 145) несколько резолюций Николая II-го, указывающих на отношения его к министрам, так сказать, своим помощникам по кабинету Витте. Относительно несомненно сведующего, стойкого, политически честного юриста—С. С. Манухина он пишет 23 ноября 1905 г.: сегодня при докладе Мин. Юстиции *я убедился окончательно* в том, что он не соответствует своему месту... Я слышал хорошие отзывы о председателе Киевской Судебной Палаты—Лопухине (человеке не глупом, светском; никогда не бывшим юристом и очень мало сведущим) (Таг.). Но не знаю его. Думаю, что человек со стороны был бы более желателен, чем лицо судебного ведомства. Манухина можно назначить в Сенат".... а 19 декабря Николай II-й пишет тому же Витте: „Видел сегодня сенатора Акимова. Долго говорил с ним, понравился. *Ясные, твердые взгляды*—именно, что нужно в судебном ведомстве. Останавливаюсь на нем, как на министре юстиции. Манухина назначу в Государственный Совет".

М. Г. Акимова я знал еще по Пензе, он был в третьем классе гимназии, когда я оканчивал курс, а потом—по Сенату, когда я был первоприсутствующим, а он сенатором в Уголовн. Кассац. Департаменте. Человек весьма ограниченный; как юрист мало сведущий, но за то убежденно правый; выдвигал его П. Н. Дурново, его шурин. Деятельность Акимова—неуклюже-сумбурная, в качестве председателя Госуд. Совета—достаточно известна всему Петербургу, интересовавшемуся деятельностью высших сфер.

катов грома, но стоило замолкнуть устрашающим перекатам, создаться успокаивающей атмосфере, и он снова звучал откуда-то, звучал сначала издалека, слабо, а потом выплывал все ближе и сильнее.

Психологическую картину этого неудержимо возростающего мотива неограниченности самодержца дал сам Николай II при рассмотрении проекта изменения основных законов в заседании 9 апреля 1906 года, при обсуждении статьи 4-ой— о сущности самодержавной власти. Он говорил: „Я не переставал думать об этом вопросе с тех пор, как проект пересмотра основных законов был в первый раз перед моими глазами... Все это время меня мучает чувство, имею ли я перед моими предками право изменить пределы власти, которую я от них получил. Борьба во мне продолжается. Я еще не пришел к окончательному выводу. Месяц тому назад мне казалось легче решить этот вопрос, чем теперь, после долгих размышлений, когда настает время его решить... Искренно говорю вам, верьте, что если бы я был убежден, что Россия желает, чтобы я отрекся от самодержавных прав, я бы для блага ее сделал это с радостью. Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение Верховной власти, существующее в статье 1-ой законов основных уже 109 лет“. Бедное уподобление самодержца — Гамлету; он может быть, был вполне искренен в тот момент, но ведь он трепетал безотчетно, так как изменение статьи 4-ой было буквенное и само по себе ничего не меняло, а большое количество заявлений с разных концов Русской земли о неприкосновенности прав самодержца, о которых он говорил, были те же березки и другия декорации, которыми обставлял Потемкин прогулку Екатерины по степям Украины и Новороссии.

Я уже упоминал о грозном оклике безумных мечтателей 1895 г. с устранением при приеме представителей земств тверских крамольников—80-ти-летняго Головачева и пламенного Родичева; не забыл он об этом, конечно, и через 10 лет, особенно во второй половине 1904 года, когда под влиянием Японских неудач и всего ведения непопулярной с самого начала войны, и в печати, и в собраниях особенно земских, стали раздаваться громкие голоса о государственном позоре.

А потом темп меняющихся царских настроений пошел еще быстрее. 15 июля 1904 г. убийство Сазоновым Плеве, а 12 августа милостивый манифест по поводу рождения наследника с значительными облегчениями участи даже для государственных преступников. За ним последовало назначение Святополк-Мирского министром внутренних дел с правами

почти диктатора, уподобление приснопамятной диктатуре сердца. Но ход событий был не тот, да и Святополк-Мирский не Лорис-Меликов. Это ослабление правящих удил, благодаря своей полумерности, не успокоило ни кого а создало новую группу недовольных, ярых реакционеров, послуживших зародышем „союза русского народа“, главарями которых стало много „достойных людей“ в ковычках, коих славное прошлое значилось в „справках судимости“ министерства юстиции, а патриотичность исчерпывалась непомерным потреблением „казенки“. Нельзя кстати не вспомнить, что даже позднее, когда началось создание членами „союза русского народа“ покушений на графа Витте, после убийств Иоллоса и Герценштейна, после того, как А. И. Гучков в Думе клеймил названием „убийц“ и „погромщиков“ членов этого союза, царь спрашивал П. А. Столыпина, почему он не запишется в члены союза русского народа?

4) Ход общественного движения с конца 1904 года.

Почти одновременно 11 ноября 1904 года состоялся съезд представителей земств и городов в Петербурге и банкеты 20 ноября в обоих столицах по поводу 40-летия судебных уставов с тостами и речами о необходимости созвания народного представительства, и вслед затем демонстрация в Петербурге 28 ноября, закончившаяся неожиданно манифестом о реформах 12 декабря, диалектической попыткою Витте сочетать *самодержавие с законностью*. В этом проспекте свободы сказалась тщета надежды согласить не согласимое, и не мудрено, что первый его пункт вызвал невероятно обширные рассуждения Комитета Министров, причем некоторые даты обсуждения этого проспекта „magna charta“ не лишены, по моему мнению, интереса. Заседания Комитета происходили 21 и 24 декабря и 4 января 1905 г. Спешность была такова, что даже рождественский сочельник был трудовым днем. Почти одновременно последовала путиловская стачка, охватившая до 15000 рабочих, а за нею описанное выше приснопамятное шествие безоружного народа к Зимнему дворцу, под предводительством Гапона, с крестами, с царскими портретами, с хоругвями, и затем расстрел из засады рабочих их жен и детей. Также мрачно и с такими же судорогами действий власти прошел и 1905 год до петергофского июльского совещания.

Леденящая вспышка крови Вел. Кн. Сергея 4 февраля 1905 г., а затем через *две* недели указ 18 февраля Правит. Сенату о разрешении всем подданным представлять сообра-

жения об улучшении государственного порядка и рескрипт М. В. Д. с широковещательными, хотя и крайне неопределенными обещаниями, а еще далее — несомненно чреватый благим содержанием указ о веротерпимости 17 апреля 1905 г.

Даже та обстановка, при которой произошел прием депутации московского земства, почти совпадающий с началом работ Петергофского совещания, опять выдавала ту же двойственность, лежавшую как бы в организме императора. Приняв и выслушав содержательную, хотя и бурную речь князя Сергея Трубецкого, Николай II, казалось, был растроган, а между тем, Сергей Трубецкой говорил прямо о необходимости призвать представителей *всего народа*, без различия сословий, веры и национальности к участию в народном представительстве, а вслед затем не только на Петергофском совещании, о котором я уже вспоминал, не было и речи о законотворческой деятельности Думы, но там даже шел горячий спор и о тех ничтожных крупицах ограничения самодержавия, которые были в проекте Булыгина. В официально сообщенном желании Государя, изложенном в письме Министра Двора к лицам, участвовавшим в составлении манифеста 6 августа, возвещавшем волю царя о том, *что* нужно иметь в виду при составлении манифеста, — говорилось только о словах, которыми отвечал Государь Трубецкому, но не было и намека на то, что говорили представители земства царю.

Наконец, для полноты оценки той сгущенной, насыщенной мятежным паром атмосферы, для которой манифест 17 октября должен был служить разрежателем, нельзя забывать ни мятежной завирухи черноморского флота с обстрелом „Потемкиным" Севастополя и Одессы, ни беспорядков, бывших в балтийском флоте и, в особенности, в Кронштадте.

Надо помнить, что все это время шла мобилизация общественных сил, организовывались политические партии и не только умеренно-либеральные, но и зародыши крайних революционных организаций [1]).

[1]) О выдающихся фактах этого момента борьбы (октябрь—декабрь 1905 г.) дают подробные указания Обнинский в. с. т. 2, стр. 229 и сл. К декабрю 1905 г достаточно конструировались и начали действовать партии трех главных оттенков—республиканского, конституционно-монархического и монархически-абсолютического. На обуздание и регулирование этих партий и был направлен закон об обществах, собраниях и союзах 4 марта 1906 г., на который, как я уже упоминал, возлагало такие надежды совещание Сольского. Он давал в руки правительству необходимую силу не только в борьбе с крамольными, но и с *немилыми* ему настроениями общества. Достаточно сказать, что *ни одна* партия *левее 17 октября*, не была легализирована. Впрочем, для равновесия, не получили законного признания и об'единения разных оттенков черной сотни. Как свидетельствует Обнинский о росте черно-погромного движения, „по городам и местечкам с гамом и воплями носились толпы мелких лавочников, не пристроенных

С начала октября (с 4 по 19) мало по малу устроилась всеобщая политическая забастовка, к которой примкнули 163 местные организации забастовок.

Всеобщая стачка разгорелась 16 октября и как раз к тому времени, когда Витте с князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским вырабатывали манифест 17 октября, город был уже в темноте, электричество не горело, трамваи не ходили, железные дороги остановились. Самое появление манифеста свободы произвело самое различное впечатление, как видно из многочисленных отзывов современников. П. Обнинский, Новый строй, 1909 г., говорит: „Ни одна из тогдашних политических партий не была удовлетворена манифестом. В резолюции с'езда конституционно-демократической партии, забастовочного железнодорожного комитета, центрального бюро союза союзов, забастовочного бюро союза чиновников, академического союза, правления Пироговского общества врачей—везде звучит нотка недоверия, всюду выражается требование учредительного собрания, как непременное условие осуществления манифеста. С другой стороны, городские и земские управы, нѣкоторые университеты и другие учреждения спешат выразить свою радость и готовность содействовать правительству. Наконец, настроение масс, приподнятое и оживленное, чуждое опасливости политических бюро, определенно указывало на популярность тезисов манифеста и веру в их исполнение". Я, впрочем, в качестве современника событий, не могу не

рабочих, мастеровых и просто хулиганов разного рода; непрерывно шествовали манифестации, неся во главе монархические эмблемы и портреты". Из этой хаотической погромной массы стали уже сгущаться и образовываться организованные группы более осмысленные и приличные, так сказать, „чистые", как „союз землевладельцев", „общество добровольной охраны", или, позднее, „Союз Михаила Архангела", и более низменные, переходящие в простые шайки, или банды погромщиков или просто уголовных преступников. К этим категориям близко, например, стояли „союз русского народа", так называемая „монархическая партия" и т. п.

Многие из этих сгущений в конце ноября и начале декабря успели уже добиться монаршего лицезрения и ласково-одобрительных слов. Тот же монарх, который выслушивал, хотя и нетерпеливо, мнения людей Совета о лучших условиях представительства, одновременно принимал и представителей различных монархических организаций. Сочувственно и милостиво улыбался их выкрикам, не разбирая кого они представляют, что они мыслят и чего, в сущности, хотят.

Но царь не только упивался рабьими речами погромщиков, у которых руки не обсохли от погромной крови, но и действовал всею полнотою власти в том же направлении и притом и в последующий год. Как свидетельствует тот же Обнинский (стр. 392) из 1075 осужденных за погромные убийства, грабежи и разорения, были помилованы царским усмотрением 426 человек, т. е. 39%, а ведь *потерпевших* от погромов было свыше 125 тыс. человек; убито было 740 и ранено 908; убытков от разгрома имущества приблизительно насчитывалось на 23 миллиона рублей.

возразить, что последнее указание Обнинского на настроение масс не вполне точно. Много было и в толпе, *выражавшей* свое мнение по поводу манифеста, *сомневающихся*, изверившихся в правду воли монаршей. Я бы сказал, — толпа или безмолвствовала или продолжала мрачно бурлить, выкрикивая по временам прежние страшные слова на летучих митингах. Да и сам же Обнинский, говоря далее о продолжавшихся (о происходивших 17—19 октября) кровавых действиях войск— обстрел Технологического института, атака конногвардейцами толпы на Загородном,—указывает напр. и на то, что Совет рабочих депутатов отказался участвовать в демонстративных похоронах убитых в дни манифеста, не сомневаясь в грандиозном расстреле процессии; говорит о призыве и начале погромных беспорядков, о призыве к вооружению и самообороне со стороны общественных заправил и т. д.

А что было в провинции, начиная с Москвы! Об этом повествует подробно тот же Обнинский. Да и само правительство Витте официально сообщало: „люди, утомленные стачками и отсутствием порядка и безопасности, не наступившим и после издания манифеста 17 октября, проявляют свое недовольство в тех реских и тяжелых формах, в которых обыкновенно совершаются народные движения“.

5) Некоторые дополнительные впечатления того времени.

Весьма своеобразно и утрированно описано влияние манифеста 17 октября на дворцовые сферы К. Н. Успенским („Голос минувшего“, 1918 год, № 4, стр. 21): „Манифест, говорит он, был подписан Николаем, который ни жив, ни мертв отсиживался в Петергофе. После подписания манифеста, во дворце произошла *бурная* сцена: великие князья напали на Николая чуть не с кулаками, женская половина истерически рыдала“.

Думаю, что картина, нарисованная Успенским, не только монархистам, но вообще и всем немножко знакомым с реальной обстановкой дворцовой жизни, покажется по меньшей мере сомнительной правдивости, а скорее плодом, не вполне удачным, воображения автора. Привожу же я это описание только потому, что оно совсем не сходится с записанном мною в воспоминаниях о петергофском совещании докладе моем о ходе работ совещания Императрице-матери. Кроме того описание Успенским о впечатлениях манифеста 17 октября представляется мне не достаточно вероятным и по следующим основаниям.

Во 1-х, действующие лица „Великие Князья“. Но ведь

это собирательное наименование, об'единяющее разнообразные категории лиц! Кто эти князья? Престарелые дяди Государя еще бывшие в живых в ту пору? Или же близкие к Николаю II его братья родной или двоюродные? Или же вообще—Константиновичи, Михаиловичи, Николаевичи, или какие либо иные Великие Князья? Да ведь это все разные и по направлению, и по образу мыслей лица! Во 2-х, приписываемое им Успенским поведение совершенно не соответствует и, a priori, не могло соответствовать тем действительным отношениям, в которых они находились к царствующему Государю. Ведь, весь Петербург знает или слышал о тех попытках протеста, которые несколько лет позднее, многие из этих князей проявили по отношению к Государю по более близкому для всех них и более чувствительному для них вопросу, во время борьбы с влиянием Александры Федоровны на Государя, в эпоху ее стремления фактически овладеть браздами правления, вырвав их у безвольного повелителя судеб России; или, еще позднее, во время расправы злобствующей истерички, потрясенной убийством истинного гада земли, Распутина, которого я не без основания назвал в ноябре 1916 г. в Государственном Совете „Змеем-Горынычем“ — наших былин.

В 3-х „пошли чуть ли не с кулаками“. Ведь это вызовет улыбку у всех знающих условия дворцового этикета, те внешне почтительные отношения к главе Царствующего Дома, непререкаемость которых все князья, так сказать, всасывали с молоком матери. Ведь даже самый необузданный из старших князей, Владимир Александрович, и тот не подошел бы под этот гиперболический эпизод защиты неприкосновенности самодержавия, против воли самого самодержца, о котором упоминает Успенский.

Но разбор этих мыслей и выражений ярого врага злостного и гибельного старого порядка заставил меня призадуматься над только что написанной выше характеристикой последнего самодержца? Правда, это не летопись пережитого; это посильная и, может быть, неумелая вставка; это суждение о главном двигателе недавнего прошлого; это вопль моей души, исстрадавшейся мучениями и гибелью несчастной дорогой родины!

Нужно ли? Допустимо ли? Уместно ли? Такое вводное суждение в летописи времен?

На первый вопрос — нужно ли? мне кажется, отвечает самая задача этого отдела: понять сущность и связь описываемых событий нельзя без надлежащего освещения условий и обстановки, среди которой они происходили; а удачно ли это выполнено — это зависит от способности того кто взялся за это выполнение, от уменья его рельефно и образно, и в

то же время верно и в надлежащем освещении нарисовать картину того, что он хотел изобразить.

Допустимо ли? Я думаю, что да! Даже с точки зрения старой писательской этики, о которой я говорил в первой главе „пережитого“.

Ведь речь идет хотя и о живых еще лицах, но не о их частной личной жизни, которая должна быть замурована. Нет, я говорю о публичном проявлении жизни общественных деятелей, органов власти, у которых личные элементы жизни так переплетаются с их публичною деятельностью, так оттеняют или окрашивают все скрытые уголки и закоулки их бытия, что замуровать их нельзя. Если „жена цезаря должна быть чиста от подозрений“, то кольми паче должен быть незапятнан и пурпур царский!

А потому он всецело и всемерно подлежит суду истории. Ведь обычный уголовный суд судит также живых преступников, а почему же суд истории должен ждать не только для приговора, но даже и для расследования, чтобы обратился в прах или мумифицировался об'єкт подлежащий его рассмотрению? Правда, к суду над живыми нужно приступать с сугубою осторожностью, помятуя, что все живущее изменчиво, и что тот, кто теперь перед нами, уже не тот умственно и нравственно, кто жил и действовал в те дни, за которые голос вековечной правды призывает его к ответственности? Ведь и суд уголовный может встретиться, да и встречается с такими же перерождениями судимых преступников. Но ведь даже давность уголовная, погашая наказуемость, далеко не всегда погашает преступность! Я не говорю уже о том, что ведь почти все кодексы знают деяния, не подлежащие давности [1]).

Если бы я писал и печатал мои воспоминания весной прошлого года, когда в моей последней статье о смертной казни („Ж. М. Ю.“, № 2—3, 1917 г.), я земно кланялся Временному Правительству за его акт 12 марта 1917 г. об отмене смертной казни, то я бы не задумался над вопросом следовало ли бы написать вышеизложенное; но разве то, что совер-

---

[1]) Это было мною написано и даже оглашено в кружках близко знакомых лиц; но теперь, если верно известие, напечатанное в „Северной Коммуне“, произошло событие, расстрел Николая II-го и даже без всякого суда над ним, которое, конечно истории не изменяет, но создает новые и сложные атмосферные сгустки, для разрежения и озонирования которых может быть нужно благодетельное влияние матери природы „реки времян, которая в своем течении уносит все дела людей и топит в пропасти забвения, народы, царства и царей“. Сознаюсь это заставило меня сильно призадуматься, но в конце концов, может быть и ошибочно, соображения, изложенные в тексте, взяли верх, и я сохранил написанное.

шилось в России с того времени, могло уничтожить или видоизменить что было? Прошлого не поворотить, бывшего нельзя сделать не бывшим, и то, что наполнило последние месяцы 1917 года и первую половину 1918, может несомненно потребовать новой главы или, вернее, страницы в истории злосчастной родины, как бы вызывает воскресение зловещего карканья „как было, так и будет“, но не стирает того, что записано кровью в книге бытия. С великою грустью увидел я сомнение в наболевших строках, напечатанных в только что вышедшей книге „Вестника Европы“ (январь—март 1918 г.), „Внутреннего Обозрения“ такого непоколебимого борца за святость человеческой жизни, как Кузьмин-Караваев, уловил в них иные звуки. Может быть, и многие из тех, которые кричали, как и я. „Осанна“! по поводу этого акта отмены казни, теперь не только в сомнении остановились, но, может быть, и пошли назад: но ведь это, как набегающая волна при большом морском приливе: отхлынет далеко, но мы знаем она снова придет, кипучая, радостная, полная жизни и силы для дальнейшего разбега.

Значит, и то, что произошло в России с октября 1918 г. эта „кальвария“ страны, ее крестный путь, не может и не должен изменить ответа о допустимости моей оценки!

Остается третий и последний вопрос, уместно ли печатать это теперь? Но здесь я убираю мое перо и передаю право ответа на это всецело в руки будущего. Тогда будет виднее!

А я опять чую шелест парящих надо мною крыльев, и предо мною рисуется картина из пережитого: на верхушках альпийских гор „Риги-Кульм“ или „Плата“, сквозь клубящиеся густые туманы бессмысленности и умственного обнищания власти, вырисовывается на прорезовавшемся ярком ландшафте земли тело, переходящее в безжизненный прах, и дух, воспаряющий в беспредельную высь! Но ведь прах не уязвим, а дух не досягаем!

6) Подготовительные работы Совета Министров к декабрьскому совещанию.

Перехожу, наконец, к главному предмету этой главы— к воспоминаниям о царскосельском совещании под председательством Государя.

Царскосельских совещаний как я уже говорил, было два: одно декабрьское, состоявшееся после всех передряг, испытанных Россией в конце лета и осенью 1905 г., с октябрьскими наиболее сильными судорогами борьбы просыпающихся общественных групп и народных масс за дарование свободы и участие в

управлении и вырвавшее манифест 17 октября 1905 г., и другое, уже в преддверие Г. Думы, в феврале 1906 года; после того, как переустройство Государственного Совета по новому образцу верхней палаты, состоящей на половину из представителей короны в виде назначенных Государем членов из числа присутствовавших до реформы в Государственном Совете и выборных от некоторых групп населения, было уже рассмотрено в особой комиссии графа Сольского, в которой я не участвовал. Пока буду говорить только о первом совещании.

Конечно, в это время года я был в Петербурге, участвуя в сессии Государственного Совета.

Список с Высочайшего повеления о включении меня в число членов Совещания под личным председательством Государя, я получил от товарища Государственного Секретаря, П. А. Харитонова, 3 декабря 1905 года. Заседание было назначено на 5 декабря, в 11 час. утра, в большом Царскосельском дворце, для рассмотрения предположений Совета Министров о способах осуществления Высочайших предуказаний, возвещенных в пункте 2 манифеста 17 октября 1905 года.

О манифесте 17 октября и обстоятельствах, вызвавших и сопровождавших его издание, я уже говорил выше. Но теперь, прежде, чем сообщить мои впечатления от царскосельского совещания, я должен остановиться на самых предположениях, послуживших ему канвою.

Излагать подробно и обстоятельно содержание этих предположений Совета Министров, в заседаниях которого мне тоже пришлось участвовать, я подробно не буду, так как результаты их изложены уже в указанной мною статье В. В. Водовозова о царскосельском совещании («Былое» № 3 1917 г.), но ограничусь только кратким эскизом сущности постановлений этого подготовительного совещания, так как оно представляет большой интерес в поступательном движении правительственного корабля, и совершенно необходимо для уразумения не только хода работ, но и содержания самого декабрьского совещания.

Как значится в мемории, Совета Министров, к участию в обсуждении предположений 2-го пункта манифеста 17 октября были официально особо приглашены 4 члена Государственного Совета: граф Сольский, Э. В. Фриш, А. А. Сабуров и Н. С. Таганцев. Но кроме этих официальных участников председателем Совета Министров Витте были приглашены еще земцы, и между земцами, два уже весьма выдвинувшиеся земские деятели, к голосу которых прислушивалась вся пробуждавшаяся Россия: Дмитрий Николаевич Шипов и Александр Иванович Гучков. Как заявил потом в царскосельском совещании граф Витте, они были приглашены по желанию самого Государя, но в мемории Совета они даже не названы, а только упомянуто, что в первых

двух заседаниях Совета были выслушаны земские деятели, из которых многие, заявляя себя противниками всеобщего избирательного права, находили, однако, что в данное время и при данных обстоятельствах, оно является единственной системой выборов, которая может внести успокоение в общество и дать в результате Думу, пользующуюся общим признанием и авторитетом.

В действительности это заявление весьма не точно. Они были не только выслушаны, но с ними совещались. Мало того, как видно не только из бумаг делопроизводителя комиссии барона Э. Ю. Нольде, но и из имеющихся у меня документов этой комиссии, Д. Н. Шиповым был составлен проект изменения закона о выборах, который затем исправлялся и перепечатывался в делопроизводстве комиссии и был предметом обсуждения этой подготовительной комиссии.

Вообще не могу не заметить, что великая государственная завируха того времени, обуявшая все сферы, нашла отражение даже в работах бюрократических сфер, и в частности в той мемории, о которой идет речь.

Перечитывая ее и вдумываясь в ее содержание, с трудом можно уразуметь ход мысли, руководившей собранием, и установить с точностью разграничение образовавшихся в ней мнений; мало того, в самом содержании аргументации отдельных мнений встречаются такие приемы, которые обыкновенно не допускались нашею государственною канцелариею. Чтобы не быть голословным, позволю себя привести мотивы, которыми подкреплялось, например, создание особой группы представителей рабочих в Думе, которое было потом одним из главных укрепленных мест, за которые велись бои в Совещании. По поводу этого отступления от существенных условий Положения 6 августа, отступления от основ цензовой Думы, в мемории говорится: «между тем получив участие в выборах, класс этот (рабочие) в значительной (как можно надеяться) части придет к успокоению, так как в вопросе о выборах деятельность крайних революционной и социалистичесой партий, лишится, ныне столь благоприятной для них почвы». Об этом соображении можно было думать; такой аргумент мог вырваться в заседании у кого либо из членов, но такое откровенное сознание в пользовании принципом «погладить по шерсти» для обоснования какого либо государственного преобразования, была в нашем чиновничьем языке делом не обычным. Даже скрытые степени того участия, которое принимали земцы и притом определенные, не имевшие оснований скрывать то, что они делают, да еще в то октябрьское время, был тоже не подходящий прием. А между тем руководитель канцелярии комиссии, барон Нольде, был опытный стилист, для которого такие промахи могли быть только об'яснены чем либо не-

обычным, и я позволю себе думать, что это «необычное» было влияние председателя, игравшего, как у него часто бывало, двойную игру.

Некоторые пояснения таким особенностям изложения мемории дает имеющееся при деле письмо графа Витте от 1 декабря 1905 года к барону Нольде: многоуважаемый барон Эммануил Юльевич, мнения по *обоим* проектам (как увидим далее, канцелярии и Д. Н. Шипова) изложены не равномерно; где большинство в Совете (Министров) не известно, ибо баллотировки *не было*. Надо сказать, одни члены думали так, другие иначе. *Мне завтра утром безусловно необходимо представить Государю это дело*.

Мемория была столь же неопределенно и переменчиво изложена, как был переменчив и неопределенен в своих политических мнениях о необходимости ограничения самодержавия и сам премьер. Твердым основанием для прений и выводов Совещания она служить не могла.

Из бумаг барона Нольде и из моих документов видно, что проектов в Совещании было три, из которых одну группу образовали проекты № 1 и 2 в нескольких последовательных редакциях и другую группу составил проект № 3. Два первые проекта исходили из одного общего положения, что новый закон о выборах должен стоять на той же почве, как и закон 6 августа, т. е. на классоцензовом начале избирательного права. Они являлись в дополнение и изменение положения о выборах 6 августа и правил о введении этого закона в действие от 12 сентября. Разноствовали они только во второстепенных подробностях. Так, напр., проект № 1 в пункте 4-м говорил о праве быть избирателями настоятелей *церквей* всех вероисповеданий, если *церковь* или *причт* ее владеют *землей*, а проект № 2 в том же пункте говорил о праве быть избирателями настоятелей церквей, владеющих в уезде *недвижимым имуществом*; или проект № 1 в пункте 5-м упоминал об участии в выборах рабочих на основании особых, *приложенных* у сего правил, а проект № 2 вносил эти правила в самый текст статьи, причем в последних его редакциях несколько в более широком об'еме. Оба эти проекта были редактированы в форме указа Правительствующему Сенату, причем проект № 2 содержал даже отдельное положение, что он издается в дополнение и изменение подлежащих постановлений утвержденного 6 августа Положения о выборах в Государственную Думу. В окончательной редакции мемории оба проекта слились в один — № 1.

Совершенно иной характер носил проект № 3, потом уже в Совещании под председательством Государя фигурировавший, как № 2. Не могу не указать, что на моих экземплярах

двух редакций этого проекта, первой и второй, есть прямое означение „Шипова“; а в бумагах барона Нольде находится несколько последовательных редакций и этого проекта, причем две с собственноручными редакционными поправками барона и с оффициальными датами рассмотрения этого проекта в Совете Министров 29 ноября 1905 г. (пригласительная повестка от имени графа Витте барону Нольде в заседание 29 ноября). Этот проект носил название проекта „Положения о выборах“.

Переходя же к рассмотрению работ подготовительной комиссии по существу, я начну с изложения того мнения, которое в Совещании рассматривалось, как мнение большинства.

Задачею как подготовительной комиссии Совета Министров, так и будущего Совещания, возглавляемого царем, было прежде всего расширение, а затем и углубление участия представителей населения в Государственной Думе, т. е. предоставление избирательных прав таким группам населения, которым оно не было дано по закону 6 августа, и превращение законо*совещательной* Думы в законо*дательную*, как первое было намечено, а второе даже прямо установлено в манифесте 17 октября.

К вновь привлекаемым группам избирателей по указанию мемории должны быть отнесены: 1) средние и низшие разряды городского населения, живущие умственным трудом или участвующие в торговле и промыслах, а также представители умственного труда вне городских поселений, *не сливающиеся* с земледельческим населением, т. е. так называемый „четвертый элемент“ служащие в земстве: медицинский персонал, многочисленный школьный персонал, земские агрономы, статистики, оценщики, участники земского обмежевания и т. д. 2) более мелкие землевладельцы или участвующие в обработке земли не собственники и 3) известные группы рабочих.

Эти категории входили главным образом в курии городских и крестьянских избирателей булыгинской Думы. По отношению же к другому основному элементу учреждения 6 августа—имущественному цензу вводилось не только понижение его, но и одно новшество — кроме недостаточных цензовиков избирательное право получали еще живущие умственным трудом, но „не владеющие недвижимой собственностью и не платящие прямых налогов, а между тем представляющие среду, в которой стремление к участию в государственных делах давно совершенно назрело“.

На этой последней почве в подготовительной комиссии отделился от большинства А. А. Сабуров, который возражал против этого расширения по двум основаниям: что это иска-

жает основную систему 6 августа, вводя под сурдинкою принцип поголовного выборного права, а также заключает в себе смешение в одном собрании двух систем, что крайне невыгодно — потому, если не вводится полное всеобщее избирательное право, то следует сохранить цензовую систему во всей ее строгости. Вместе с тем он указывал, что эта вновь намеченная группа избирателей принадлежит к так называемой неимущей интеллигенции, участие которой в выборах, как доказано событиями последнего времени, наименее желательно.

Вместе с тем, все вновь привлекаемые по предположениям Совета Министров, группы выборщиков могли пользоваться предоставляемыми им правами не по системе законной регистрации, установленной законом 6 августа, а в порядке явочном, т. е. им предоставлялось осуществлять их избирательное право по собственному их о том заявлению, проверенному и удостоверенному подлежащими органами власти.

Должен прибавить, что мнение Андрея Александровича Сабурова не затрогивало другого новшества, созданного указаниями манифеста 17 октября о расширении об'ема избирательного права, а именно создание выборных представителей от рабочих. Не касался он этого, вероятно, потому, что это расширение несколько иначе стояло в отношении к имущественному цензу, чем первое, так как члены этой группы, как рабочие, хотя и не подлежали прямому налоговому бремени, но они входили, в огромном большинстве, в крестьянскую среду, которая была платящей прямые налоги группой.

Между тем представительство рабочих даже в мнении тех сочленов подготовительной советской комиссии, которые исходили из мысли, что предстоящее Царскосельское Совещание будет стоять в той же проекции, как и булыгинская Дума, несмотря на октябрьский смерчь, т. е. будет развивать и усовершенствовать начала, положенныя в августе, представляло новыя значительныя трудности.

Как создать этим путем медикамент, могущий служить средством успокоения взволновавшейся массы, среди которой клокотало и бурлило, доведенное до белого каления, ядро рабочей группы?

Представлялась такая дилемма: или предоставить известной части фабрично-заводских рабочих, путем создания для них отдельной курии, провести своих представителей в Думу, но, таким образом, иметь представительство не от всего рабочего населения, а от некоторых географически отдельных групп; или же дать право выбора всем рабочим не только фабрик, заводов, но и мастерских, крупных и мелких, распределяя их соответственно по городской или крестьянской ку-

рии. В первом случае создавалось представительство не повсеместное, а только тех географических округов, где в виду численности рабочих существовала и действовала фабричная инспекция. Во втором создавалось географически широкое право, приближающее новый выборный аппарат к системе всеобщего избирательного права, но с очень малыми шансами на действительное представительство в Думе, так как выборщики-рабочие растворялись в массе других выборщиков, Советская комиссия остановилась на первой возможности и предположила создать особую курию „рабочих", предоставив ей, по соображению с численностью рабочих в фабричных округах, 14 мест.

Таким образом подготовительная комиссия подталкивалась к обсуждению, а может быть, и к принятию всеобщего избирательного права с двух сторон Во 1-х, существованием, проекта № 3, составленного одним из лиц приглашенных в Совет заведомо для Его Величества и к которому, хотя и не вполне свободно, а с применением известного афоризма „и хочется, и колется", склонялся почти благосклонно председатель комиссии, и во 2-х, распространением представительства на рабочих, причем инициатором мысли о таком распространении был тот-же граф Сергей Юльевич.

Сущность предначертаний проекта № 3, которому в мемории посвящена целая глава, стр. 11—22, сводилась к следующему:

В выборах участвуют все *русские* подданные *мужского* пола, достигшие 25 лет, за исключением указанных в пунктах 4-м (монашествующие, воспитывающиеся в учебных заведениях, воинские чины, бродячие инородцы), 5-м (лишенные или ограниченные в правах) и 6-м (губернаторы, градоначальники, полицейские чины) сего положения.

Избрание производится окружными избирательными собраниями, избирающими по одному члену Думы.

Губернии и области разделяются губернскими земскими собраниями на избирательные округа, приблизительно соответствующие уезду; так чтобы место собрания было приурочено, по возможности, к каждому уездному городу. Города, избирающие более одного члена Думы, разделяются городскими думами также на избирательные округа. Избирательные округа разделяются на избирательные участки: в городах городскими думами, а вне городов—уездными земскими собраниями.

Выборы предполагаются не прямые, а двустепенные: в участках избирают выборщиков, а последние в окружных избирательных собраниях—членов Думы.

В подготовительном собрании члены, высказывающиеся

за проект № 3 (Кутлер, Тимирязев) находили, что переход к такой системе вызывается невыдержанностью системы 6 августа и указанием на возможность установления такой системы, в манифесте 17 октября. При этом они указывали, что несмотря на крайнюю краткость срока, отделяющую Россию от 6 августа, в ней произошли весьма существенныя перемены:... „не подлежит сомнению, что среди большинства городского населения, многих земских деятелей и почти повсеместно в рабочем населении, мысль о необходимости обосновать выборы на началах равенства всех избирателей и признание избирательных прав за каждым полноправным гражданином, сделали значительные успехи". Другие члены, однако, с своей стороны указывали, что предположение о невозможности созвать Думу на началах 6 августа представляется пока еще не доказанным и нет основания отступать от начал манифеста 17 октября; что если бы переход к всеобщим выборам был бы признан желательным, то разрешение этого вопроса могло бы быть сделано только самою Думою.

Во всяком случае все члены полагали, что если бы Его Величеству было бы угодно склониться к введению всеобщего избирательного права, то выборы должны быть степенные через посредство особых выборщиков, избираемых в небольших сравнительно территориальных единицах, напр., в волостях. Кроме того условием успешности указывалось возможное сокращение вообще избирательного округа для избрания в каждом округе одного члена Думы, считая таким округом, по предельному объему, или уезд или даже часть его.

Распределение губерний по округам, а сих последних по избирательным участкам, Совет Министров признавал целесообразным предоставить земским собраниям—губернским или уездным, по принадлежности, и городским думам.

Кроме того, Совет Министров признавал, что и при такой перемене условий избирательного права было бы необходимо сохранить установленное законом 6 августа отдельное право крестьян на сохранение за ними своего отдельного представительства.

Не могу не прибавить, что во всей мемории не содержалось никаких указаний по второму важнейшему изменению конструкции булыгинской думы, которое как бы пророчески предугадывал А. С. Стишинский еще на Петергофском Совещании — углубление представительства, т. е. превращение Думы из совещательной в законодательную. Но это было прежде всего ясно и точно возвещено в манифесте 17 октября, а затем этого касалось совещание графа Сольского, которое, изменяя состав Государственного Совета из назначаемого Государем в смешанный—назначаемый и выборный,—придавало

ему совершенно иное государственное значение: делало его не советчиком царя, а самостоятельным сочленом законодательной власти, а это неминуемо вело не только к пересмотру но и к переделке силы и значения думских постановлений: признание за Думою не только значения самостоятельного третьего элемента законодательной власти, в некотором отношении даже первенствующого над Советом, в качестве чистого органа народных сознания и воли.

В этом отношении самый заголовок проекта № 3 представляется более правильным, так как задача царскосельского Совещания была пересмотр выборов.

б) Царскосельское Совещание.

Заседания царскосельского Совещания должны были происходить в большом дворце. Заседания были очень длительные, так как начинались заседания 5 и 7 декабря в 11 час. утра, а 9 декабря в 2 ч. 30 минут, а оканчивались меж 7 и $7^1/_2$ час. вечера с небольшими перерывами.

Состав Совещания довольно существенно изменился сравнительно с летом, частью по естественным причинам — за смертью или вследствие оставления занимаемого поста, частью под влиянием изменившихся условий государственной жизни. Прежде всего сократился состав присутствующих Вел. Князей: из бывших 5 остался только 1 — Михаил Александрович; но это можно было об'яснить более специально техническим предметом Совещания. Далее, из министров выбыли столпы правых — Победоносцев и контролер Лобко и министр народного просвещения Глазов, а вместо них вошли не только значительно более умеренные, как Шипов, Немешаев, государственный контролер Философов, граф И. И. Толстой, князь Оболенский, но и несомненно гораздо более левые — В. И. Тимирязев и Н. Н. Кутлер, хотя выдвинут был и притом самим же Витте, (а может быть был навязан ему самим царем [1]) и будущий главный враг его ярко правый П. Н. Дурново, принявший так много грехов на свою душу за погибель возродившейся России и царствовавшей династии.

Всего менее изменился состав приглашенных членов Гос. Совета, так как из них выбыли только А. А. Половцов и Н. Н. Герард, а вновь не был приглашен никто. За то существенно изменилась группа приглашенных сенаторов, так как не было: графа А. А. Бобринского, князя Ширинского-Шихматова, А. А. Нарышкина; не был приглашен и секретарь Императрицы графъ Голенищев-Кутузов.

[1]) Совершенно иначе и вполне правдиво об'ясняет это назначение Минцлов. См. выше выписку из дневника (автор).

Особенно сильно была заметна перемена под влиянием графа Витте, фронта по составу лиц, приглашенных в качестве экспертов. Вместо Анания Петровича Струкова и дворянина Павлова, кряжей дворянства, тут были не только более умеренные — барон П. Л. Корф и граф Владимир Бобринский, но и главы октябристов — Д. Н. Шипов и Александр Иванович Гучков.

Самое положение приглашенных экспертов было совершенно иное чем в первом совещании. Если бы переводить характеристику их деятельности на язык уложения о наказаниях, то надо было бы сказать, что они являлись не пособниками в деле нового государственного устройства, но играли роль прикосновенных. Но ведь в 1905 г. действовала общая часть уголовного уложения 1903 г., а на основании его они становились как бы интеллектуальными участниками и притом в высоком ранге необходимых для учинения предполагаемого деяния!

Наконец, в делопроизводстве произошло также одно изменение: был выдвинут графом Витте Сергей Ефимович Крыжановский, тогда скромный помощник начальника главного управления по делам местного хозяйства, человек весьма значительных способностей, затем скоро зашагавший по иерархической лестнице и вместе с Щегловитовым игравший одну из первых ролей в эпоху возвеличения правых, к январю 1917 года, окончившегося не только разгромом Государственного Совета, но гибелью самой монархии.

Итак заседание 5 декабря было открыто монархом. В самом начале он обратился к нам с обычным заявлением, что он ждет открытого и искреннего изложения наших мнений и прежде всего желает выслушать мнения москвичей. Первым выступил Д. Н. Шипов, со своим ясным, отчетливым, спокойным изложением делового земца, автор проекта преобразования выборов, по системе всеобщего права избрания членов Думы, фигурировавшего под № 2, о котором я только что упоминал. Он говорил, как убежденный сторонник введения принципа всеобщих выборов, как единственного средства успокоения России. Он удостоверял, что Дума 6 августа ни кого не удовлетворила, а, напротив, усилила смуту, так как масса волновалась тем, что множество участников народного движения остались за выборным флагом, так как огромное число их не подходило под высокий избирательный ценз. Затем он убежденно указывал, что манифест 17 октября вызвал радость во всех верных сынах России, за исключением революционеров, и что начала, в нем провозглашенные, должны быть немедленно осуществлены, не ожидая открытия Думы; манифест даровал всем гражданам свободу и им же всем должен обеспечить участие в избирательных собраниях. Он заявил,

что в Думу должны пойти лучшие люди не для защиты своих личных или кастовых интересов, а для общей работы на благо всего государства. Равное избирательное право нельзя осуществить, если будет установлена классовая система. Дума, прибавил он, будет наиболее консервативною, если возможность участвовать в выборах будет дана всему русскому народу, а не отдельным классам. А так как большинство русского народа земледельцы, то надо дать представительство демократического характера.

Поэтому он безусловно высказывался против проекта № 1, как по самой основе его о представительстве классов населения, так в частности и потому, что в нем совершенно незаслуженно дано особенное представительство далеко не основному классу России – рабочим. Он, конечно, считал необходимым принять проект № 2, основы которого им же были разработаны, но он добавлял, что надо это сделать с одною необходимою поправкою: устранить особое искусственное крестьянское представительство, которое было в него перенесено из августовского закона. Он даже находил, что дарование такого особого отдельного права крестьянам вызовет недовольство с их стороны; что крестьяне могут думать, что правительство им недоверяет, не верит тому, что они выберут своих кандидатов.

Из хода его мыслей ясно можно было видеть и его слабое место. Его аргументация носила чисто оппортунистический характер: поклонник известной доктрины, он проводил ее прямо, без уступок и колебаний. Это была идеология октябризма, но едва ли могущая рассчитывать на жизненный успех; в его прямолинейном построении не было тех ингредиентов, которые химически могли бы воздействовать, растворить и успокоить высоко вздымавшиеся волны крестьянского безземелья и рабочей изможденности, пришибленных, страдающих под нажимом крупноземельников и фабрично-заводских прессов, под тяжелым гнетом капитала.

Второй оратор, выступивший также противником Думы интересов или классовой системы 6 августа, был другой приглашенный, тогда уже вождь октябристов, а впоследствии их оффициальный лидер, Александр Иванович Гучков. Не скрою, человек, всегда пользовавшийся не только моим расположением, но так сказать институтским обожанием. В моих глазах Гучков был тип настоящего государственного, многогранного драгоценного самородка, который вставить в надлежащую оправу, всемерно препятствовала придворно-немецкая камарилья не переносившая этого „зазнавшегося купчишку" и достигшая того, что под ее вечно злобствующим шипением для Николая II — Гучков, Петрункевич и позднее еще Родичев

обратились в красные флажки и бандельеры, в глазах мечущегося по цирковой арене жертвенного быка. О более поздних промахах Гучкова, как министра Временного Правительства, я пока судить не берусь. Гучков, как оратор более тонкий, не проявил таких резких и суровых отношений к классовой системе выборов, как его предшественник. По поводу проекта № 2 он заметил: „на мой взгляд, дарование всеобщего избирательного права неизбежно; если не дать его теперь, то в ближайшем будущем его вырвут. Между тем принятие этого принципа теперь же было бы актом доверия и милости, а потом будет поздно“. Затем он только засвидетельствовал, что благодаря цензовой системе 6 августа в Москве оказалось тольке 8000 избирателей, тогда как при всеобщем избирательном праве их было бы 300.000; что по цензу квартиронанимателей он сам, человек известного зажитка, не мог бы попасть в избиратели. Конечно, он так же, как и Шипов, восставал против того порядка и условий, в которых были дарованы рабочему классу избирательные права по проекту № 1. По этому поводу он говорил: „рабочие обособляются в отдельный класс; вместе с тем из числа их устраняется от участия в выборах миллионная масса и притом самая консервативная—стрелочники, сторожа, возчики, ломовые, ремесленники и т. п. Обособление идет до самого верху, и они имеют в Думе 14 депутатов. Это будет организованный стачечный союз“.

Два другие земцы заявляли, что они только недавно перешли в сторонники всеобщих выборов; барон П. Л. Корф говорил что еще в минувшем марте он стоял на почве земских выборов, а граф В. А. Бобринский, что еще недавно, когда они ехали сюда, он стоял за выборы по классовым интересам. Оба они заявили, что перешли на эту систему только под влиянием кипучей современности, когда затронуты интересы всей России. Далее, на вопрос, коварно поставленный графом Сергеем Юльевичем, думают ли они, что можно произвести выборы даже там, где произошли беспорядки, представители земства дали уклончивые ответы. Но они не отказывались от возможности выборов, что и побудило Витте резюмировать их мнение так, что выборы можно произвести везде, за исключением некоторых местностей, об‘ятых пламенем востания. Затем, после нескольких замечаний присутствующих, был сделан резкий выпад против мнений земцев со стороны П. Н. Дурново, который заявил, что при общем выборном праве в Думу попадут не государственные элементы; что помещики не пойдут в Думу вместе с фельдшерами, земскими статистиками и т. п. лицами, недавно еще предводительствовавшими грабительскими шайками, раззорявшими их усадьбы.

После этой пламенной реплики последовал перерыв и земцы удалились.

После перерыва Государь опять попросил не увлекаться речами, а говорить как можно более сжато и искренне. Вообще во все это Совещание он видимо тяготился заседаниями и неустанно спешил вперед: „далее, далее!“ как будто ему это собеседование прискучило, и толку от наших бесед он не ждет!

По возобновлении заседания после кратких и не совсем подходящих к существу дела замечаний С. Ю. Витте о том, что нельзя обсуждать вопроса о расширении избирательных прав вне пространства и времени, и что для спасения России необходимо сохранить между Государем и Думою средостение в виде Государственного Совета, я попросил слова в защиту 1-го проекта. В моих бумагах сохранился подробный конспект тех соображений, которые руководили мною не принимать, несмотря на кажущуюся потребность успокоения бурного моря, как успокаивающую палиативу всеобщее избирательное право. Но я, про себя, отказался от предположения представить эти подробные соображения в виду прямого заявления Государя о необходимости говорить сжато, и я может быть приложу их к настоящему очерку отдельно. Но у меня есть в бумагах и набросок того, что я говорил в этом заседании, несколько разнствующий с краткою записью протокола. Буду придерживаться моей записи, та́к как протокол слишком обезличивает сказанное и затушевывает оттенки [1]). Я сказал: Государь, Вам власть решения, а на нас, облеченных Вашим доверием,— священная обязанность перед Вами и родиной, по мере сил облегчить Вам в этот момент лежащую на Вас тяжесть решения. Если бы приходилось решать вопрос только теорети-

[1]) Протоколы заседаний совещания имеют значение не полного отчета о прениях, а официальной записи прений. Их назначение, по преимуществу, так сказать, напомнить то, что говорилось в заседаниях; в добавок в них, на степень подробности записи влияло государственное положение говорившего: напр. слова государя приводились полностью; подробно передавались в них слова „премьера“ и т. д. Некоторые заявления мелких лиц вовсе не записывались, поэтому большое дополнение к протоколам составляют заметки барона Э. Ю. Нольде. Они парализуют однотонность протокола и придают ему жизненный колорит; дают тот придаток, который вносит в фотографические снимки цветная фотография: оживляют записи. Позволю привести пример. В самом начале первого заседания, в заметках относительно слов барона Ю. А. Икскуля значится: „нужным (признать) два заседания“, а в протоколе этого предложения прямо не указано. А говорится Государь предложил о д н о; или по поводу слов графа Игнатьева отмечено: „терзают душу сомнения“; слова эти были вероятно сказаны и дают своеобразный колорит сказанному графом, облекают в плоть костяк протокола. Это оправдывает, думаю я и сделанное мною пополнение записи протокола по имеющимся у меня заметкам.

чески, то мне был бы совершенно ясно виден тот стяг, под который я должен был бы стать твердо руководясь сознанием того, что может быть признано справедливым участием народа в управлении. Но так как надо обсуждать не принцип, а проект, то я позволю себе высказаться за первый, и вот почему. В него включены требования условий настоящего, переживаемого нами времени о представительстве рабочих; далее в нем принято существенное расширение цензовых условий и включена известная категория лиц, имеющих только умственный ценз. От возможности скорейшего осуществления этих расширенных условий избирательных прав, зависит и самый вопрос о приемлемости проекта и скорейшего его исполнения. А это страшно нужно исстрадавшейся России.

Между тем проект № 2 вносит много новшеств, требующих долговременного срока для приспособления к ним и для успешного их осуществления. По закону 6 августа главной ячейкой выборов было сельское общество, а по проекту № 2 центр тяжести передвигается на расстояние, в волость, причем это отдаление дает возможность принять действительное участие в выборах только более молодому, юркому населению. Фактическое участие в выборах будет обратно пропорционально возрасту. Второй проект требует территориальной перекройки всей России, замены нынешнего деления на уезды, волости, искусственным дроблением на участки. Даже самый принцип нового строительства России будет поколеблен.

Я смотрю на участие в Думе не как на осуществление права властвования, а как на выполнение обязанности нести тягости управления. С этой точки зрения, как недосягаемый идеал было бы привлечение к власти „умудренных в управлении“, а за недостижимостью этого идеала, пришлось по необходимости привлекать к управлению представителей жизненных интересов, как это и положено в основу Думы 6 августа, приемлющей классовое представительство.

Затем ту же мысль о предпочтении первого проекта развил и Андрей Александрович Сабуров, но, конечно, с прибавкою своего отдельного мнения, т. е. с исключением из выборщиков представителей интеллигенции, не имеющих имущественного ценза. Сабуров стоял, главным образом, на точке зрения опасности второго проекта, так как одно предположение о всеобщем голосовании вызовет усиленную пропаганду в народе. Он даже заявил, что уже из Петербурга до 5000 молодых людей уехали в народ.

На этот раз на нашей стороне оказался и П. Н. Дурново, и А. С. Стишинский. Правда, оба поддерживали проект № 1 только с тою же оговоркою, какую делал еще в Совете Министров Сабуров. Эти единомышленники и союзники по неволе

конечно, ставили нас в несколько неловкое положение, но ведь нельзя же забывать, что нас с ними связывало только отрицательное условие: мы не считали для истинных интересов России даже того времени каким-либо государственным целительным средством принцип всеобщего избирательного права; но далее наши дороги не только расходились, но шли противоположно друг другу, так как для них была ненавистна самая идея ограничения самодержавия, а мы считали это ограничение необходимым.

К защитникам проекта № 1 примкнули Э. В. Фриш и граф Сольский. Напротив, за проект № 2, как и в Совете Министров, выступили Н. Н. Кутлер и В. И. Тимирязев, опиравшиеся преимущественно на знание народа, его воззрений и желаний со стороны земских людей — москвичей, говоривших в Совещании, и контролер А. В. Философов, а отчасти и князь Оболенский 2-ой.

Сам С. Ю. Витте выступал несколько раз, но его выступления по крайней мере, как они запечатлены в протоколе, не давали возможности определить, каковы же были его действительные воззрения на возможность введения у нас всеобщего избирательного права.

Вспоминаю только, что температура советчиков царя настолько поднялась к концу заседания, что для ее успокоения совершенно своевременно было заявление Государя, что он откладывает решение этого вопроса до следующего заседания, до среды 7 декабря.

Здесь и я сделаю маленький перерыв в порядке изложения моих воспоминаний, чтобы сказать несколько слов об этом промежуточном дне.

Это было 6 декабря, т. е. день имянин Государя. Все мы были приглашены к обедне и завтраку в Царском Селе. Все шло обычным порядком. За завтраком была обычная кулебяка и тосты за имянинника. После завтрака образовался обычный полукруг приглашенных, который и стали обходить Государь с Государыней. Я стоял почти по средине. Впереди меня, немного в бок, стоял генерал-ад'ютант Христофор Христофорович Рооп, один из очень хороших и честных слуг старого порядка, близко лично известный Государю. Он не был не только членом камарильи, но даже сторонником правых, а входил в небольшую кучку *настоящих* беспартийных и, привожу это как характеристику правой оргии 1-го января 1917 г., этот андреевский кавалер, заслуженный слуга царского режима не был пощажен щегловитовским разгромом Государственного Совета и был зачислен так мало чтившим и даже ценившим заслуги своих приближенных, безвольным Государем, в разряд не действующих членов совета.

Подойдя к Роопу, Государь стал говорить с ним, как мне было слышно, о вчерашнем заседании, о мнениях москвичей; Что ответил Рооп я не слыхал. От него Государь перешел ко мне и, видя, что я прислушивался к его разговору с Роопом сказал мне: „а Вы как думаете?“ Я несколько затруднился ответом, но потом тотчас же заявил: “Я мое мнение высказал вчера откровенно, но не скрою, Ваше Величество, что то, что мы выслушали вчера от приглашенных, заставляет меня весьма сомневаться: — верно ли я думаю? Они близко знают народное настроение и меня начинает брать сомнение, правильно ли я делаю, упорно отстаивая мое мнение? На это Государь сказал, улыбаясь: „не колебайтесь и держитесь того, что говорили“, и, кажется прибавил: „держитесь устойчиво“ но за достоверность именно этих последних слов я не ручаюсь. Во всяком случае, у меня осталось *полное убеждение*, что он уже *решил* в пользу проекта № 1.

Помню, что потом, после завтрака, мы стали спускаться к выходу по церковной лестнице. Я шел рядом с В. Кн. Ольгой Александровной и не помню, что-то говорил ей, а она громко засмеялась. Государь, который спускался немного впереди, обернулся и сказал, обращаясь ко мне довольно громко: „не раскызывайте сестре о наших занятиях, а то и она начнет заниматься политикою, а ей это не нужно“!

На другой день занятия Совещания начались, как обыкновенно, в 11 часов.

Почти в первую голову повел прения сам Витте и произнес самую длинную речь в этом заседании, вывод из которой был все тот же, обычный, — ни два, ни полтора: не знаю, говорил ли с ним Государь 6 декабря о том, к чему он склоняется, но казалось, что он был об этом осведомлен и это его раздражало. Говорил он в этом заседании все время, выражаясь по простонародному, наседая на царя, который сидел с ним рядом. Витте говорил стоя, вытянувшись во весь свой высокий рост и по обычаю жестикулируя иногда обоими руками, а царь сидел несколько пригнувшись к столу, точно пришибленный властным министром.

Из этой речи от Витте мы узнали много сокровенного, узнали, что вследствие ухода в октябре некоторых министров в Совет, по желанию Государя были приглашены и Шипов, и Гучков, что Витте предложил им составить проект избирательного закона, что ими и было сделано, что этот проект разбирался в Совете, но был большенством отвергнут, и что царю известно, что это и есть проект № 2.

Затем он сначала безусловно высказался *против первого проекта*, считая, что главная его слабость в том, что он отдает преимущество элементу достатка, а не элементу труда,

но в то же время он считает, как и московские земцы, его совершенно непоследовательным, потому что он допускает отдельное представительство для рабочих, да еще и наиболее распропагандированных, т. е. заводских и фабричных. Вместе с тем он приходил к тому выводу, что с принципиальной точки зрения, только второй проект представляется приемлемым, и к этому добавлял, что и с практической стороны второй проект не представлял бы даже особой опасности. Казалось бы, все хорошо и вывод подсказывался сам собой, но Витте остался верен своей обычной системы и заявил, неожиданно, что у него есть опасения, вытекающия из особенностей настоящего времени: „когда я рассуждаю умом, склоняюсь в пользу второго проекта, но когда я действую по чутью, я боюсь этого проекта", и этим он дал козырь председателю, который предпочел чутье — уму!

Затем Витте стал говорить о разных новых предположениях, о системе, намеченной князем А. Д. Оболенским 2, который предполагал выборы по каждой курии — *всеобщие*, но не смешанные между собой, т. е. для землевладельцев, крестьян и горожан отдельно, так сказать систему, всеобщих сквозных выборов, вроде предложенной в июле на петергофском совещании Лобко и забракованной всем Совещанием, и систему, предложенную Д. А. Философовым сначала выбирать по июльской системе, а потом, второй раз, отдельно, по всеобщему избирательному праву — предложение, вызвавшее не лишенное ядовитости замечание П. Н. Дурново, что нельзя в течение получаса создавать новый выборный закон, и по поводу которого и я не могу не заметить, что по делу толикой важности, нельзя же руководствоваться пословицей; „что есть в печи, то на стол мечи". Некоторое время затем продолжались выпады с той и другой стороны, так сказать, словесные схватки и, наконец, настала решающая минута. Отчетливо помню, что когда прения затихли и мы все как-то притулились, Государь стал говорить наклонивши голову, тихо, но внятно: „Все обсуждено, все взвешано. Вопрос этот был мне совершенно непонятен и даже мало меня интересовал. Только после манифеста 17 октября я его изучил. Я находился в течение обоих заседаний в полном колебании. Но с *сегодняшнего* утра мне стало ясно, что для России лучше, безопаснее и вернее—проект *первый*. Проект второй — мне чутье подсказывает, что его нельзя принять. Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно... а потому перейдем к чтению первого проекта...

Сознаюсь, что когда я услышал, что вернее проект первый, я вздохнул облегчительно, но тогда же мелькнула мысль,

что Государь остался верен себе, сказав, что еще сегодня утром он колебался, тогда как вчера он определительно дал мне понять, что все шансы за первым проектом и посоветовал быть твердым. В одном только оказался пророком Государь: наступление демократической республики было отодвинуто *только* на 7 лет.

Излагать дальнейшия рассуждения Совещания мне не представляется интересным, хотя они и длились 1¼ заседания. Могу прибавить, что некоторую задержку дальнейшего хода совещания составило предложение А. А. Сабурова, высказанное и в его особом мнении на предварительном совещании об устранении от права участия в выборах имущественно не цензовых лиц—квартиронанимателей из которых, как он полагал три четверти не платят квартирного налога и лиц состоящих на государственной и общественной службе и получающих содержание или пенсию (пункты д и е статей 1 и 2-й), как не платящих налогов.

Граф Витте, указал, что по проекту в деревнях они *исключены* из числа выборщиков, а в городах они не представляют опасности и так как он полагал, что „не мелкие чиновники, а лица, стоящие гораздо выше, как директора департаментов и лица имеющие право выбора по квартирному налогу, представляют наибольшую опасность“.

Я с своей стороны заметил, что гораздо опаснее, когда они останутся за флагом. Между тем ясно, что они имеют имущественный ценз, только идущий по налоговой лестнице вниз; так как имеют выборное право только высшие классы таких плательщиков.

Поддержку Сабурову оказал, как на предварительном совещании столбы правых граф Игнатьев и Дурново, так теперь Стишинский, который, как говорят в народе „подложил ему свинью“ за его ренегатство из левой среды по этому пункту, ядовито заметив, что в городах нужно только повысить низший предел избирательного ценза и опасность исчезнет!

После указания Д. Н. Шипова, что все ведь уплачивают налоги в том или другом виде, против предложения высказались члены совещания нашей группы—Верховский и Манухин, и этим этот эпизод об устранении от участия в выборах умственного пролетариата, был исчерпан и дальнейшее направление избирательной колесницы ее председателем ограничилось только нетерпеливыми выкриками: „далее, далее“, „оставить как в проекте“.

Должен только в заключение прибавить несколько общих указаний.

Во-первых, вражда к внов вводимому государственному строю побудила коренных врагов его попытаться отдалить наступление этого неприятного часа. На этом основании П. Н.

Дурново неоднократно указывал, что беспорядки и неурядица, пылавшая в России, делает практически невозможным осуществление выборов в Думу,—как говорил он: „вообще теперь не следует производить выборов, а только издать выборный закон".

Граф Витте высказывал половинчатое мнение, что выборы можно произвести только там, где существует относительное спокойствие.

Между тем еще в самом начале эксперты горячо заявляли, что всякое промедление страшно опасно, и только раздует государственный пожар. Точно также и большинство членов Совещания указывало на крайнюю потребность не медлить, как выразился я в заседании, в ответ П. Н. Дурново: „откладывать выборы на неопределенный срок значило бы поставить крест на будущность России".

Этот вопрос о сроке окончательно разрешил Государь в самом конце последнего заседания первого Царскосельского Совещания: „Я не имею в виду откладывать созыва Думы. Необходимо безотлагательно исправить проект и ко мне его направить",—что и было сделано 12 декабря.

Вспоминая ранее Петергофское Совещание, я позволил себе тогда несколько кощунственное кулинарное уподобление булыгинской Думы пасхальному куличу, в котором от тяжести возглавия, нижняя лепешка—Дума, дает трещины и припеки так сказать набухания. Тогда таким приростом выпечки была добавочная крестьянская курия, а после 17 октября таким же припеком явилась рабочая секция в 14 членов и этот припек—horrible dicto, свидетельствующий лишь о неумелости пекарей, защищался умеренными и резко порицался тогда, казалось, более крайними членами Совещания—октябристами—полу-кадетами. Я не говорю уже о более левых группах членов Думы; в составе Совещания о них не было, по крайней мере явственно, и намека.

Но был еще один совсем маленький припек, о котором в заключение не могу не сказать пару слов.

Почти в самом конце заседания гр. Сольский неудачно напомнил Государю: „Вы изволили упомянуть о Холмской Руси".

Граф Витте по этому поводу сейчас же указал, что всякое исключение из общего закона не желательно, хотя тотчас же добавил, что с другой стороны, весьма желательно дать русскому населению холмщины возможность иметь своих представителей, а затем опять перевернулся и прибавил: „ведь с такими ходатайствами полезут и из других окраин"!

Другие, как Оболенский 2-й, находили, что такие сепаративные стремления не могут быть допускаемы; к этому, повидимому, примыкали и другие сочлены.

Но неожиданно царь заявил, что дать такое представительство Холмской Руси необходимо, что *„я уже обещал“*.

И так оказалось особое представительство, как неожиданный нарост „в личное Его Императорскому Величеству одолжение“!

А теперь, увы, и вся эта Холмская Русь при самодавлеющих выкриках, без аннексий и контрибуций, задаром отошла от матери—России.

Так кончилось и первое Царскосельское Совещание.

---

[1]) Я не говорю уже о предложении Философова. Допустить новые последующие дополнительные выборы ко всей Думе. Это была бы такая кулинарная задача, выполнить которую не взялся бы никакой пекарь!

Комиссия графа Сольского о преобразовании Государственного Совета.

Почти что пережитое.

Приступая к настоящему очерку реформ государственного строя России в 1905—1906-х годах, я не могу не предпослать ему маленького личного вопроса. Почему я по отношению к нему являюсь только послухом, а не свидетелем? В предшествующем Петергофском Совещании под председательством Государя я участвовал, был также сочленом в непосредственно последующих более важных совещаниях; даже и во время самого обсуждения этой реформы находился в положении по службе, как бы вполне подходящим для принятия участия в нем, а тем не менее таковым не был? Это побуждает меня сделать предварительно маленькую, совершенно может быть неподходящую и неожиданную диверсию в сторону.

1. *Министр на час.*

Существует прекрасная арабская новелла „Калиф на час"; далее кто не помнит той главы из дон-Кихота Сервантеса, где Санхо-Панчо, его оруженосец, делается якобы герцогом на несколько часов и испытывает невероятные муки Тантала от излишней псевдо-заботливости герцогского врача о его здравии, в виде неуловимого мелькания вкусных блюд за его обедом непомерно возбуждающих его аппетит без всякой возможности полакомиться ими. Так почему же не быть и министру на час в эпоху вымирания самодержавства в России и бурления общественных сил в зарождающейся или просыпающейся новой России.

Дело было так.

19-го октября 1905 года, т. е. через день после рождения или вернее аборта Российской Конституции 17-го октября, я получил от графа С. Ю. Витте приглашение пожаловать к нему по важному и спешному делу, между 3—4 часами дня. Собрался и поехал. Тогда я еще жил настоящим буржуем и

не только не ходил пешком, но даже почти не прибегал к демократическому способу передвижения в трамваях, которые ныне в эпоху расцвета большевизма уже сделались не только желаемым, но и единственно доступным средством передвижения. У меня была маленькая наемная каретка с лошадью, псевдо-рысак, которого мои сотоварищи по Государственному Совету называли „георгиевским", белой масти, правда не особенно породистый. Счастливое завидное время! Поехали мы на Каменноостровский. На улицах было совершенно спокойно. Никаких следов минувшего, тумультного, сиречь мятежного дня 17-го октября; даже особенного сколько нибудь напряженного уличного движения не замечалось.

Проехали Троицкий мост. За ним у крепости оказались первые признаки только-что минувших событий. Дамба перед крепостью перегорожена цепью конных солдат, а за ними по направлению крепости и Каменноостровскому проспекту виднелись отдельные кучки и пеших и конных войск, частью в виде патрулей, частью отдельными группами с ружьями в козлах. Нас пропустили, но командовавший офицер почему-то велел свернуть направо по направлению к еще строющемуся тогда дворцу Великого Князя Николая Николаевича младшего. Так мы и сделали. А потом проехали мимо тогда еще не сгоревшей церкви Св. Троицы, и выехали на тот же Каменноостровский. Понять смысл этого распоряжения было трудно, но не наше дело было рассуждать. Народу на площади было мало. Стояли кучки две мирных праздных обывателей: одна при повороте на Кронверкский, а другая при выезде на Каменноостровский. Но очевидно и они состояли из любопытствующих; ничего мятежного или конспиративного в них не усматривалось. Не то, что бывало позднее там же перед палаццо Кшессинской, окупированном большевиками.

До дома графа Витте (Каменноостровский, 4) только что отстроенного, белого, в виде загородного котеджа, изящного и уютного, доехали быстро. Швейцар сказал, что граф в кабинете налево от входа, в первом этаже, куда я и проследовал.

Большой человек ходил по большому кабинету большими шагами. Обменялись приветствиями и начался довольно таки банальный разговор. Я рассказал, что видел при съезде с Троицкого моста; спросил что было здесь третьего дня и вчера; полюбопытствовал вообще о кровавых столкновениях 17-го и 18-го октября. Разговор на тему дня продолжался недолго. Витте перешел к тому, что Государь возложил на него поручение составить новый кабинет министров, что дело это именно теперь не только чрезвычайно важное, но и очень трудное; что никто не хочет взять на себя тяжелую по времени обузу, очевидно намекая на бывшие уже, но неудав-

шиеся переговоры с общественными деятелями. Прибавил, что у нас всегда так: все боятся личной ответственности, а затем неожиданно перешел к предложению принять на себя обязанности министра, не упоминая сначала какое именно министерство он имеет в виду. Он тотчас же прибавил, что и князь Алексей Дмитриевич Оболенский 2-й согласился принять на себя заведывание духовным ведомством, т. е. согласился быть обер-прокурором Св. Синода, вместо только что ушедшего „непоколебимого" К. П. Победоносцева, а затем неожиданно пояснил, что он желает, чтобы я принял на себя министерство народного просвещения, что мне, как опытному профессору, это дело не только знакомое, но и подходящее. В это время в кабинет вошел и князь Оболенский, который там и оставался во время всей нашей дальнейшей беседы.

Я был ошеломлен неожиданностью предложения и уверенностью Витте в моей пригодности. Педагогом я не был, так как частные уроки во время студенчества, а потом научные работы и чтение лекций и наконец работы по комиссии уголовного уложения никакого прямого отношения к педагогике не имели. Правда в бытность в Университете профессором я несколько лет подряд был секретарем юридического факультета, по этой деятельности имел отношения к студентам, но тоже ничего педагогического не проявлял. Я был довольно ревностным членом совета Университета; даже принимал большое участие в конспирации и противодействии графу Дмитрию Андреевичу Толстому в его кастрации самостоятельной научной жизни наших Университетов, даже был приглашаем к Александру Ивановичу Георгиевскому при обсуждении применения злосчастной реформы университетского преподавания юридических наук, вместе с Сергеем Ивановичем Баршевым, но всего этого было мало для подготовки к руководительству научною жизнью России, конечно не по нынешним, порхающим по верхушкам знания и научной мысли временам, а по тем минувшим, более вдумчивым требованиям, когда власть имущия по крайней мере притворялись, что в систематическом устроении различных сторон государственной жизни видят нечто действительно государственное, серьезное, а не только с ног сшибательное. Понятно я говорю не о временах напр. при Александре II-м, а о более близких; хотя правда бывали и поближе к нам, министрами персоны в роде графа Путятина, но в семье не без урода!

Во всяком случае все эти соображения были для Сергея Юльевича неизвестны и его уверенность в моей пригодности опиралась более на наитие. Я еще куда ни шло мог бы пригодиться в министры юстиции. Там у меня были определенные взгляды на осуществление все еще не водворенной на

всем пространстве России судебной реформы 1864 года. По министерству Юстиции я принимал даже участие в ближайшей по времени Муравьевской попытке немножно подновить и пообчистить их стройный и величавый облик все таки кое где не только от времен теченья потрескавшийся и облупившийся, но, главное, тенденциозно искалеченный в недавно минувшую эпоху Александра III-го [1]). Наконец по управлению юстицией могла бы пригодиться и моя практическая деятельность в качестве сенатора, а потом и первоприсутствующего в уголовном кассационном департаменте; но об этом посте министра юстиции граф не заявлял, да и не мог заявлять, так как на нем находился сведующий талантливый юрист, прошедший различные стадии и закоулки министерской службы, Сергей Сергеевич Манухин, который, как мы теперь знаем из секретных документов, опубликованных в 12 № „Былое" за 1918 год, еще не был взят в немилость Николаем II и не получил еще его *мудрой* аттестации в государственной непригодности, как это случилось через три месяца, хотя и в том же 1905 году.

Предложение было, повторяю, с ног сшибательное. Я даже растерялся, но тем не менее под влиянием первого же порыва, который как говорят всегда бывает самым верным, отказался. На вопрос графа, но почему же я это делаю? я сослался прежде всего на мою практическую неподготовленность, на то, что я никогда никем еще не распоряжался, что даже в бытность мою первоприсутствующим под моим непосредственным начальством был лишь один мой курьер; да и то, теперь должен сознаться, в начале, когда курьером был почтенный старец, унаследованный мною от прежнего первоприсутствующего Розинга, то скорее он распоряжался мною, а не наоборот. Только впоследствии стал я приобретать некоторую властность и не только по отношению к новому моему курьеру Семену, но и по отношению к чинам канцелярии даже и к оберсекретарям. Впрочем, думаю, что и до самого конца моего пребывания в Сенате, в основе наших отношений с канцелярией, а особенно старшей, лежало товарищеское содружество,

[1]) Хотя, замечу я мимоходом, к этой попытке Муравьевской реставрации судебных уставов, в которой мне пришлось принимать весьма и весьма деятельное участие в качестве председателя отдела уголовного судопроизводства, один из наших юристов, мною высоко ценимый и глубоко уважаемый А. Ф. Кони, отнесся совсем иначе, чем ясно, по моему мнению не достаточно об'ективно, а пристрастно-враждебно. Думается мне, что будущий историк нашего уголовного процесса сопоставит то, что говорил я, в напечатанном в трудах комиссии вступительном, в качестве председателя отдела, слове о необходимости ремонта, с тем, что говорит об этой ресторации А. Ф. Кони, бывший соучастником пересмотра отдела уголовного процесса и руководителем одного из совещаний этой комиссии и даст надлежащую оценку нашего инакомыслия. Но не могу я предрешать недоступного для моего земного бытия отдаленного будущего!

а не начальническая требовательность. Поэтому я не без основания мог сказать Витте, что у меня нет даже той основы, без которой немыслим правильный ход столь важной бюрократической машины, как министерство народного просвещения, нет жилки властности и требовательности, нет основ для создания бюрократического ореола, что я служебно неподготовлен для министерского поста. Я сознавал, что буду мятущеюся ладьей, спущенною в бурлящий океан высших сфер или, инако говоря, буду изображать из себя того ярмарочного турку, над головой которого будут упражняться опытные бойцы катково-толстовского толка. А несомненно они неустанно пробовали бы силу своего привычного ко всяким приемам борьбы кулака над новым министром. Витте вместо надежного помощника правительству приобрел бы во мне слабое или плохо защищенное место, на которое и были бы направлены удары врагов только что народившегося конституционного порядка.

Говорил я, как думалось мне, горячо и возможно убедительно. Тогда Витте переменил тон и от системы подольщения перешел к укоризнам и ламентациям. Вот де, говорил он русские люди все таковы: моя-де хата скраю — я ничего не знаю, а помочь тушить горящее здание или спасать тонущее судно мы не можем. Одним словом стал бить в очень чувствительную цивильную жилку и этот прием, каюсь, подействовал. Я почувствовал гражданский стыд и нравственную укоризну, так что в конце концов смалодушествовал и опрометчиво сказал: „кажется дело стоит так, что отказаться нельзя". Тогда Витте принял возвышенный и ласковый тон и сказал, что я поступаю как благородный гражданин или что-то в этом роде, даже кажется обнял меня.

Но минута упоения и увлечения быстро пронеслась и я опять заявил, *что окончательного решения я еще не даю*; это все будет зависить от того, найду ли я подходящего помощника, который содействовал бы мне вести ладью просвещения!

На вопрос Витте о том, кого я имею в виду в товарищи? я назвал Александра Сергеевича Постникова известного экономиста и безусловно кристального человека, бывшего профессора Московского Университета, уволенного за неблагонадежность графом Толстым и перебравшагося в Петербург профессором в Политехникум. Сергей Юльевич сказал, что знает Постникова с очень хорошей стороны и что я сделал прекрасныя указания. На дальнейшее мое заявление, что я не имею не только никакой определенной программы, но даже и никаких предположений по важнейшим вопросам средней и высшей школы и что может быть у него есть какия нибудь мысли по этому предмету, Сергей Юльевич ответил, что в этом

отношении он предоставляет полную свободу мне, и неожиданно остановился только на одном совершенно второстепенном вопросе. Он заявил: „что прежде всего надо уничтожить процентную норму евреев в высших учебных заведениях“. Я в то время не был юдофобом каким меня почему то считали по сенатской деятельности, но не был и юдофилом. У меня было среди евреев несколько очень хороших знакомых, как например старик Варшавский Абрам Моисеевич, Думашевский и др. Близко знал я евреев которых ставил высоко как ученых, напр. Пассовера бывшего вместе со мной в заграничной командировке. Полагаю, что я также был вполне беспристрастен и к евреям студентам, когда был профессором, в особенности к тем из них, которые нуждались в помощи, а бедняков студентов среди евреев было много. Прибавлю, что впрочем, некоторые из моих бывших слушателей евреев блистательно доказали мое безпристрастное отношение к ним (в тяжелые для меня денежно времена конца 1917 и 1918 г.г.), придя с полною готовностью оказать мне материальную поддержку. Во всяком случае я считал вопрос о проценте евреев совершенно второстепенным с государственной точки зрения, о чем и заявил графу.

Возвратившись домой я сообщил своим о неожиданном предложении. Там впечатление было двоякое. С одной стороны, рождалось беспокойство за мою личную безопастность в те несомненно не безопасныя времена, а с другой, жене льстил выбор графа меня министром, то что он оценил меня, а может быть и улыбалась перспектива быть на столь важном посту. Во всяком случае она осталась горячим защитником Сергея Юльевича и в последующия времена.

Но я чем более думал о предложенной мне деятельности, тем непосильность такой обузы становилась для меня яснее и яснее.

Поговорил по телефону с Постниковым, прося приехать ко мне переговорить по неотложному и важному делу. Он обещал приехать на другой день, так как 20-го было уже поздно.

На другой день он явился после лекций, часа в четыре и мы с ним поговорили по душе. Он оказался еще бо́льшим скептиком чем я и к предложению Витте отнесся безусловно отрицательно как с об'ективной, так и с субъективной точек зрения. Он указывал на то, что ему пришлось бы отказаться от научных работ и от профессуры, а и то и другое было для него очень дорого; кроме того он также как и я полагал, что мы оба неподготовлены именно к министерской деятельности даже и с формальной служебной стороны, да еще при российском отношении министров к неограниченному монарху. Он указывал и на то, что именно в России этот пост мин. народ. просв.

особенно труден при ее современном социальном положении, при той яростной борьбе прогрессивного и реакционного направлений, которое сосредоточилось именно на министерстве просвещения.

Наконец, он также как и я, обратил внимание на полную неопределенность и какую то двойственность Витте, о чем он был лучше осведомлен чем я от представителей кадетской партии.

Говорили мы и о том, что и сам Витте являлся для нас персоною совершенно неопределенного цвета и направления, в особенности при его заявлении об отсутствии у него какой либо программы по народному просвещению.

В результате мы оба пришли к категорическому решению о неприемлемости предложения, на чем и расстались.

На другой день 21-го октября я уведомил Витте, что явлюсь к нему и он меня принял около 4-х часов. Сообщил ему подробно о переговорах с Постниковым и о нашем категорическом отказе.

Витте заметно нервничал и был хотя корректен, но очень сух. Сказал мне, что он однако по поводу нашего вчерашнего разговора с ним сделал уже некоторые предварительные сообщения в Петергоф, но не сказал с кем он говорил: с министром ли двора или с кем либо другим. На мое же возражение, что я однако не давал ему никакого права на это, так как ставил условием мои переговоры с Постниковым, Витте ответил, что конечно он ничего определенного не говорил, а потом тотчас же стал говорить по телефону с кем то в Петергоф.

Мы обменялись еще несколькими словами и расстались сравнительно весьма сухо.

Я думал, что весь эпизод с моим министерством закончился, но неожиданно к нему прибавился маленький кончик, вследствии чего все это происшествие получило некоторое значение.

Вечером того дня мне доложили, что приехал курьер или камер-лакей, теперь не помню. Я вышел и он сказал, что прислан из Петергофа, что Государь Император и Государыня Императрица приглашают меня к 7-ми часам, кажется он прибавил к обеду, что дворцовый экипаж будет ждать на пристани.

Вот тут и вышло прискорбное и достаточно неловкое с моей стороны неприличие.

Я вообразил, что сообщение Витте по телефону о моем отказе не дошло своевременно по адресу и что приглашение послано до получения уведомления о моем отказе, и что если я теперь явлюсь в Петергоф, то окажусь в глупейшем положении.

Поэтому я и сказал посланному, что тут недоразумение, и что теперь нет основания для моего приезда в Петергоф или что-то в этом роде. Но одним словом я не поехал.

Вот этот двойной отказ сначала от министерства, а потом от царского приглашения к обеду имел, думается мне, для меня некоторые прискорбные последствия.

Первое *ближайшее*, оказавшееся непосредственно за моим отказом в начале ноября.

Совещание графа Сольского *происходило без моего участия*, хотя я по всем условиям должен был быть там и как член Государственного Совета с 1905 г., и как бывший первоприсутствующий в уголовном кассационном департаменте Сената, и как участник Петергофского Совещания. Точных данных я, конечно не имею, но предполагаю, что это была маленькая месть графа: приглашение участников стояло несомненно в некоторой зависимости от него. Думаю также, что и позднейшее охлаждение ко мне Государя, начавшееся после с 1906 года и выразившееся в прекращении всяких благосклонных отношений при встречах на выходах, было последствием моей казавшейся недопустимой по придворному этикету дерзости. Думаю я также, что это имело влияние и на те формальные замечания и выговоры, которые передовались мне не только с Высочайшего соизволения, но даже от Высочайшего имени. Так, наприм., этим я об,ясняю себе замечание переданное мне от имени царя М. Г. Акимовым, когда он был председателем Государственного Совета, сделанное по случаю столкновения его с группою центра, когда выборные члены Совета вместе с нашим Председателем группы князем П. Н. Трубецким и с несколькими назначенными членами, а в том числе со мною, вышли якобы демонстративно из залы общегособрания, чего, прибавлю, в действительности не было, так как я из зала заседания не уходил, а не помню почему-то только перешел с своего на другое место. Вспоминаю также о Высочайшем замечании переданном мне бароном Ю. А. Икскюлем, как государственным секретарем от имени Государя, за то что я был на процессе перводумцев в виц-мундире и орденах и поздоровался дружески с Муромцевым и некоторыми другими подсудимыми, как например, с В. Д. Набоковым. (Это несомненно было основано на сплетне, переданной Царю Щегловитовым, осведомленном об этом через его супругу, которая присутствовала на процессе). По поводу чего я об'яснил что в форме я был обязан быть, так как сидел за судьями, и что дружески я здоровался с подсудимыми потому, что Муромцев мой старый знакомый как профессор Московского Университета и следовательно мой коллега, а Набоков заместитель мой по кафедре в училище Правоведения и близкий человек в моей семье; мой

так сказать Herzenskind, которым я чрезвычайно интересовался и которого ценил очень высоко, как образованного и в высшей степени талантливого человека.

Повторяю был ли мой отказ от министерства в связи с неучастием в комиссии графа Сольского, сказать не могу, но возможности таковой не отрицаю, а всю неслыханную по придворным понятиям дерзость моего отказа от обеда, мне об'яснил потом барон Будберг, бывший управляющий Комиссией Прошений.

2. Состав Комиссии.

Комиссия графа Сольского явилась необходимым следствием манифеста 17-го октября 1905 г., так как положение о булыгинской думе 6-го августа совершенно несоответствовало сдвигу общественных сил и тем требованиям, которые стали пред'являться правительству. Действительно уже 28-го октября Государь повелел произвести разработку необходимых изменений в учреждении Государственного Совета, в образованном под председательством графа Сольского, особом совещании. Состав его был довольно многочислен. В него вошли: из членов Государственного Совета председатель Совета граф Сольский, члены Совета граф Пален, Фриш, Половцев, Рихтер, Тернер, Голубев; министры и главноуправляющие—председатель Совета министров граф Витте, барон Фредерикс, граф Ламсдорф, Коковцов, Дурново, Редигер, Бирюлев, барон Будберг, Танеев, граф Толстой, князь Алексей Оболенский, Философов, Манухин, замененный с 20-го ноября Акимовым, Тимирязев, Шипов, Немешаев и Кутлер; государственный секретарь барон Икскуль. Всего было 24 члена. Делопроизводством заведывал товарищ государственного секретаря Харитонов, участвовали в делопроизводстве, кроме чинов государственной канцелярии служащие в канцелярии Совета Министров.

Заседаний было 10. Четыре в ноябре, три в декабре и три в январе. Комиссия собиралась в Государственном Совете.

Мемория комиссии, хотя и не очень подробная, была составлена с обычною основательностью. Ею и приходится ограничиваться, так как почти никаких дополнительных данных в бумагах Э. Ю. Нольде к сожалению не сохранилось.

3. Основные положения выработанныя в Комиссии.

Составлению мемории предшествовало изложение так сказать основных положений намеченной реформы, которое я

считаю необходимым привести целиком с указанием замечаний и поправок, которые намечены в экземпляре, находящимся в бумагах барона Нольде. При чем замечу, что схема основных положений была отпечатана еще в начале заседаний, так как в разногласии по статье 5 в меньшинстве означен министр юстиции Манухин, а он состоял членом комиссии до 23 ноября 1905 года, когда был за непригодностью, по выражению Николая II, уволен из министров.

Воспроизвожу полностью только I пункт этих положений с отметкою всех замечаний по экземпляру барона Нольде, а из остальных пунктов приведу только указания на разногласия, имевшия значение при обсуждении в комиссии.

I. В изменение, дополнение и отмену надлежащих узаконений постановить:

1) Законодательная власть осуществляется Государем Императором совместно с Государственною Думою и Государственным Советом [1]).

2) Законодательный почин принадлежит Государю Императору, Государственной Думе и Государственному Совету, почин предоставляется на основаниях в статье 12 указанных [1]).

3) Государственная Дума и Государственный Совет ежегодно созываются и закрываются указами Государя Императора.

4) Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочия ее членов, распущена указами Государя Императора с тем, чтобы новые выборы были произведены в течении четырех месяцев и чтобы Дума в новом составе была созвана не позднее, как через шесть месяцев со дня ее распущения. Сроки выборов и созыва Думы должны быть обозначены в том же указе коим распускается Дума.

5) Сессии Государственного Совета и Государственной Думы созываются и закрываются одновременно [2]).

6) Законодательные предположения рассматриваются сперва в Государственной Думе, и по одобрении ею, затем передаются в Государственный Совет. Законодательные предположения предначертанные по почину Государственного Совета, рассматриваются сперва в Совете и по одобрению им, затем передаются в Думу.

7) Законопроэкты не принятые Государственною Думою или Государственным Советом признаются отклоненными

или

законопроэкты не принятые Государственною Думою или Государственным Советом признаются отклоненными.

---

[1]) Статьи перечеркнуты карандашем в экземпляре барона Э. Ю. Нольде.

[2]) Эта статья проэктирована по мнению членов Совещания: графа Палена, Фриша, Чихачева, Дурново, Манухина и Философова.

Законопроэкты одобренные Государственною Думою, но не принятые Государственным Советом, возвращаются для нового рассмотрения в Думе. Те из сих законопроэктов, которые будут вновь приняты Думою простым большинством голосов, могут быть затем отклонены Государственным Советом. Если же в пользу законопроэкта, при вторичном обсуждении его Думою, выскажется не менее двух третей всего состава Думы, то законопроэкт, хотя бы он и не был принят Государственным Советом, представляется Императорскому Величеству [1])

8) Законопроэкт одобренный Государственною Думою и Государственным Советом восприемлет силу закона не иначе, как по утверждению его Государем Императором за собственоручным Его Императорского Величества подписанием. Законопроэкт не удостоившийся Высочайшего утверждения, признается отклоненным.

9) Законопроэкты не удостоившиеся Высочайшего утверждения, равно как отклоненные Государственною Думою и Государственным Советом, если такие законопреэкты внесены были в Думу или в Совет по почину одного из сих установлений не могут быть внесены в течение той же сессии.

10) Когда в перерыве сессии Государственной Думы и Государственного Совета, чрезвычайныя обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения ее в законодательном порядке, мера сия может быть принята по Именному Высочайшему указу, с тем, однако, чтобы она не вносила изменений ни в Основные Государственные законы, ни в учреждения Государственной Думы, либо Государственного Совета, ни в постановления о выборах в Думу либо Совет и не влекла за собою ни обременения Государственного Казначейства постоянными расходами, ни отчуждения Государственного Имущества, ни изменения границ государственной территории. *Таким указам присвоивается сила закона, если они скреплены председателем Совета министров.* [2])

Указы эти теряют силу закона, если в течении первых двух месяцев после возобновления сессие Государственной Думы и Государственного Совета они не будут внесены в Думу и если, затем, Дума или Совет откажут в одобрении таковых указов.

11) Воспрещается представлять лично заявления о нуждах (петиции) в Государственную Думу или в Государственный Совет. Обращенные в сии установления письменные заявления направляются ими к подлежащим министрам, от которых Дума

---

[1]) Обе части статьи 7-й помещенные после „или“ редактированы по мнению члена совещания Кутлера.

[2]) Напечатанное курсивом зачеркнуто карандашем.

и Совет в праве требовать раз'яснений по содержанию передаваемых заявлений.[1])

12) Государственной Думе и Государственному Совету, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов. Основные государственные законы могут быть предметом пересмотра в законодательном порядке не иначе как с соизволения Императорского Величества.[2])

13) Государственной Думе и Государственному Совету предоставляется обращаться к министрам, подчиненным по закону Правительствующему Сенату, с запросами по поводу таких последовавших со стороны министров или подведомственных им лиц и установлений действий, кои, по мнению Думы, представляются не закономерными.

14) Государственная Дума и Государственный Совет могут назначать комиссии из своей среды для изучения отдельных, подлежащих их ведению, вопросов. Комиссии эти имеют право обращаться за раз'яснениями как к правительственным властям, так и к частным лицам.[3])

15) Государственная Дума и Государственный Совет могут требовать от министров как присутствия их в заседаниях Думы и Совета, так и сообщения сведений и раз'яснений, Министрам предоставляется давать сии сведения и раз'яснения как лично, так равно чрез своих товарищей.

16) Государственная Дума поверяет полномочия своих членов. Равным образом Государственный Совет проверяет полномочия выборных членов Совета.

17) Одно и то же лицо не может быть одновременно членом Государственной Думы и членом Государственного Совета. Состоящий членом одного из сих установлений, вступая в состав другого установления, тем самым слагает с себя прежния уполномочия.

18) Члены Государственной Думы, равно как выборные члены Государственного Совета не могут быть жалуемы чинами либо орденами, а также денежными выдачами, за исключением суточного от казны довольствия, которые они получают на время сессий, а также путевых денег.

19) Во время сессий Государственной Думы и Государственного Совета члены Думы, равно как выборные члены Совета, не могут быть, без предварительного разрешения Думы или Совета, ни привлечены к уголовному следствию, ни взяты под стражу по подозрению в совершении преступ-

---

[1]) Против статьи 11-й замечание Э. Ю. Нольде „развить".

[2]) Слова „с соизволения" зачеркнуты, с боку надпись Э. Ю. Нольде „ранее по почину".

[3]) Статья 14-я бароном Э. Ю. Нольде перечеркнута.

ных деяний. Из сего исключается лишь тот случай, когда член Думы или Совета будет застигнут при самом совершении преступного деяния или на следующий день. Но и в этих случаях Дума или Совет должны быть немедленно уведомлены о последовавшем распоряжении [1]).

20) С званием члена Государственной Думы или Государственного Совета совместимы должности министров [2]).

21) Министры имеют право голосовать в Государственной Думе и в Государственном Совете только в тех случаях, если состоят членами Думы или Совета.

22) Министры имеют право требовать выслушания их в заседаниях Государственной Думы и Государственного Совета каждый раз, когда они заявят о том желание. Министрам предоставляется пред'являть Думе и Совету раз'яснения как лично, так равно через своих товарищей или начальников отдельных частей центральных управлений, либо ближайших помощников сих начальников, или же других уполномоченных на то должностных лиц.

Раздел II основных положений, содержал постановления о том, какие изменения в составе Государственного Совета, образуемого согласно предположениям, высказанным в докладе графа Витте от 17 октября, из членов по назначению и по выборам должны быть сделаны. Из него я привожу только *разногласия*.

Так по мнению одного члена Совещания (Кутлера) ст. 11 должна быть изложена так: при выборах членов Государственного Совета, избранными считаются лица получившие абсолютное большинство голосов. Если бы первые выборы не состоялись, то на другой день назначаются вторые, на которых избранными считаются лица, получившие относительное большинство голосов.

По мнению прочих членов Совещания: ст. 11. При выборах членов Государственного Совета избранными считаются лица, получившие относительное большинство голосов.

По статье 16, по мнению члена Совещания князя Оболенского, выборным членам Государственного Совета должно быть назначено содержание по шести тысяч рублей в год.

По мнению большинства членов Совещания членам Государственного Совета в течение его сессии производится суточное из казны довольствие в размере 25 рублей каждому.

---

[1]) Слова „или на следующий день" в экземпляре Э. Ю. Нольде подчеркнуты; против них заметка „что это значит?"

[2]) По мнению одного члена совещания (Кутлера) с званием члена Государственной Думы или Государственного Совета совместимы также должности товарищей министров. В экземпляре Э. Ю. Нольде статья зачеркнута.

По отношению к разделу III относительно производства дел в Государственном Совете по статье 5 одни члены полагали, что поступившие в Государственный Совет непосредственно или даже переданные в оный из Государственной Думы и ею одобренные законопроекты, обращаются для предварительного соображения в департаменты Государственного Совета или в особые образованные для сего комиссии. Большинство же полагало, что они обращяются в особые образуемые для сего из среды Государственного Совета постоянные или временные комиссии.

По ст. 11 раздела VI. основных положений, в которой перечисляются местности, где до открытия в них земских учреждений производятся выборы на особых основаниях, в экземпляре барона Э. Ю. Нольде сделана отметка карандашем: „а почему не от Кавказа“.

По ст. 11 того же раздела приведены два варианта. По одному *каждый губернский с'езд* выбирает из своей среды *шесть* членов Государственного Совета. По другому *каждый из губернских с'ездов* выбирает по одному члену в Государственный Совет. В экземпляре барона Э. Ю. Нольде против этого пункта стоит отметка 10.

4. Изменение состава Государственного Совета, соответственно докладу графа Витте 17 октября.

Как я уже заметил, мои материалы по данному вопросу ограничиваются одною мемориею; поэтому и все дальнейшее мое изложение основывается только на ней.

Прежде всего совещание остановилось на том соображении, что, благодаря октябрским реформам, запечатленным в указе 17-го октября, Дума пользуется такими правами, которые не предоставлены Государственному Совету. „Особенное значение, говорит мемория, имеет указание манифеста, что отныне, как незыблемое правило устанавливается, что никакой закон не может восприять силу без одобрения Думы“, и на том, чтобы выборным была предоставлена возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий правительства.

В виду такого преобразования Думы Совещание признало необходимым выяснить положение Государственного Совета в ряду высших государственных установлений и руководясь основною мыслью закона 6-го августа, возложившего на Совет совместную деятельность с Думою, пришло к выводу, что для сохранения за Советом предуказанного ему положения и на будущее время, необходимо его поставить на равную степень с Думой.

Исходя из этой мысли и определяя прежде всего состав Государственного Совета Совещание нашло, что и в этом отношении главное основание, указано во всеподданнейшем докладе графа Витте от того же 17-го октября, а именно что весьма важно произвести реформу Государственного Совета на началах видного участия в нем выборного элемента, ибо только при этих условиях можно ожидать нормальных отношений между Думою и Государственным Советом.

Соответственно этой мысли Совещание графа единогласно признало, что от осуществления этого предположения „можно ожидать действительной пользы лишь в том случае, если в состав Государственного Совета войдут выборные члены от наиболее устойчивых по взглядам и направлениям слоев населения".

Поэтому Совещание прежде всего признало, что для выборных членов Государственного Совета необходимо установить повышенный сравнительно с Думою возрастный и образовательный цензы, а именно—достижение сорокалетнего возраста и окончание курса наук не ниже среднего учебного заведения.

Конечно наиболее трудным был второй вопрос: какие же слои населения должны быть признаны более устойчивыми?

Прежде всего мемория останавливается на представительстве духовенства.

Я уже при изложении очерка Первого Царскосельского Совещания коснулся этого пункта, и заметил что здесь уже прежде всего сказалась не государственная, а так сказать политиканствующая точка зрения. Конечно если слой духовенства признается одним из устоев государства, то именно у нас в России при ея разноверном составе населения нельзя было забыть прежде всего инославные вероисповедания, в особенности наиболее культурные из них. Нельзя было в виду Царства Польского устранить представителей католического духовенства, а в виду Прибалтийских губерний представителей протестантизма. Нельзя было также забыть наших, во истину страстотерпцев, — старообрядцев. Из представителей же иноверного духовенства нельзя было исключить магометанское духовенство и по численности магометан в Империи и по консервативной устойчивости его духовенства. То же нужно сказать и о представителях 6-ти миллионного еврейства. Конечно их представителями не могли быть казенные раввины, ничего общего не имеющие с представителями религиозных верований и вековых религиозных преданий народа, ищущего и по ныне землю обетованную, провозвещенную и обещанную ему Иеговою, в блеске молний и среди раскатов грома.

Все эти группы разнообразных верований во Вседержителя Творца и Его всеустрояющего Промысла, могли дать представителей не только устойчивых в охранении заветов

религиозных преданий, но и близко знакомых с нуждами жизни и чаяниями, наполняющими умы и сердца многомиллионного населения разноверной Империи. Но, как я уже заметил, не так отнеслись к этому политиканствующие круги. Было предположено допустить только 6 членов от *православного* духовенства—трех от черного и трех от белого.

Второю группою на которой остановилось Совещание были представители земств.

Прежде всего были указаны представители от земских губерний, но, как предполагалось, выбираемые не по положению 19-го июня 1870 года, а по преобразованному на началах предуказанных в указе 12-го декабря 1904 года (Сбор. узак. 1916). Вместе с тем Совещание приняло и указание возвещенное в этом указе о распространении земства на ряд губерний, где оно еще не было введено: Царство Польское, Прибалтийския губернии, Западные губернии, Область войска Донского и т. д. Но, конечно, для всех этих местностей было предположено немедленно ввести временные правила избрания представителей в Государственный Совет с'ездами землевладельцев, оговоря только, что по мере введения в этих местностях земских учреждений перевыборы их представителей могут быть, произведены не ранее, как по истечении трехлетия, на которое были выбраны члены Совета.

В земских губерниях каждое губернское земское собрание должно было избирать по одному члену из двух категорий. *Основного*—из землевладельцев, владеющих на праве собственности или пожизненного владения не менее трех лет, пространством земли, обложенной земским сбором в размере тройного количества против требуемого для земских гласных, и *дополнительного*—из лиц, владеющих землею в ординарном количестве, но прослуживших не менее двух выборных сроках в должностях предводителей дворянства, председателей управ губернской или уездной, городских голов или почетных мировых судей.

В местностях не имеющих земских учреждений должны были быть образуемы особые с'езды в губернском или областном городе землевладельцев, имеющих право участвовать в выборах в Государственную Думу по закону 7 августа. При этом к участию в выборах в этих местностях допускались и воинские чины, состоящие на действительной службе. Каждый с'езд выбирал по одному члену из числа лиц владеющих *тройным* количеством земли против требуемого для участия в с'ездах по выборам в Государственную Думу. В Царстве Польском было допущено только одно отличие: в виду малого земельного пространства губерний установлены *трехстепенные* выборы: окружные, губернские и окончательный на общем с'езде в Варшаве под председательством лица особо назначаемого Верховной властью.

По поводу выборов от земства произошло и первое разногласие в комиссии, впрочем не особенно важное. Один член (князь Алексей Оболенский) предполагал соответственно началу, усвоенному законом 6 августа о выборах в Государственную Думу (ст. 9) предоставить и женщинам, удовлетворяющим цензовым условиям, участвовать в выборах, передавая свои цензы по недвижимому имуществу мужьям и сыновьям; но прочие члены комиссии не нашли достаточных оснований присоединиться к этому совершенно умеренному и вполне справедливому пожеланию.

Далее, Совещание нашло, что хотя в числе представителей земств и окажется значительное число дворян; но это не может послужить основанием для устранения дворянства, как сословия, иметь самостоятельных представителей в Совете на том основании, что оно искони отдавало свои силы на служение родине. Соответственно этому, несколько одностороннему аргументу, так как несомненно, что вместе с дворянами были конечно, и члены других сословий, правда не в числе начальствующих, Совещание предположило предоставить дворянству отдельно выбирать из своей среды *восемнадцать* членов Совета. Для сего дворянству тех губерний, где производятся дворянские выборы должно предоставить право посылать по два избирателя в Петербург, в коем и должны производиться выборы.

Следующую группу должны были составить представители научных сил государства. Для этой цели Академия Наук и все университеты должны были посылать по два выборщика в Петербург, из числа ординарных профессоров. Там с'езд выборщиков избирал из своей среды *шесть* членов Государственного Совета.

Далее, комиссия остановилась на необходимости ввести в число членов представителей торговли и промышленности; конечно, в виде представителей только крупных предприятий. Поэтому было предположено предоставить Совету торговли и мануфактур, вместе с московским его отделением, биржевым комитетом, а также купеческим управам присылать от одного до четырех выборщиков в Петербург, с тем, чтобы с'езд выборщиков от торговли и промышленности выбрал двенадцать членов — по шести от каждой категории. Многочисленныя ходатайства, направленныя в Комиссию графа Сольского от биржевых комитетов и совещательных учреждений торговли и промышленности об увеличении числа их представителей, хотя бы до того размера, который был предоставлен дворянству, были признаны комиссией не основательными [1]).

---

[1]) См. в приложении ходатайства об этом различных учреждений.

Этим и исчерпывался состав классовых представителей призванных в верхнюю палату. Конечно о представителях трудового элемента — рабочих и крестьян не возбуждалось и речи. Точно также не имелось в виду предоставить представительство обширному классу ремесленников и различных групп обрабатывающей промышленности не только мелкой, но и средней. Само собою разумеется не было и речи о представительстве также обширного класса мелкой, с имущественной точки зрения, интеллигенции, так называемого третьего элемента. Он не был допущен и в нижнюю палату, как же было ему претендовать на участие в собрание, имеющим как бы аристократический пошиб.

Срок полномочия выборных членов был продолжительнее принятого для членов Думы, а именно *двенадцать лет* с тем чтобы каждые три года возобновлялась одна треть всего состава.

Всего выборных членов предполагалось 98. Преобладающую по количеству группу составляли между ними землевладельцы, выборные от земства и от губерний, еще не имеющих земства; их было 56; за ними шли представители дворянства — 18; потом — торговли и промышленности — 12; потом церкви и науки по 6-ти. По степени устойчивости с точки зрения правительства, как я уже говорил в моих воспоминаниях, они располагались так; к правой группе примыкали все представители духовенства и большая часть представителей дворянства; наоборот левую группу составляли представители науки и значительная часть представителей промышленности; по средине в группе центра поместилась большая часть представителей земств, между прочим и все представители Царства Польского.

Затем Комиссия графа Сольского признала безусловно необходимым, чтобы число членов по назначению *не превышало* числа членов выборных, не указывая в мемории никаких особых соображений по этому поводу; хотя впоследствии в Царскосельском Совещании оно и сделалось одним из боевых пунктов.

Относительно членов по назначению в мемории содержалось только одно положительно выраженное указание (стр. 7): „чтобы состав присутствующих членов по назначению *пополнялся* из среды сих членов, как не присутствующих в Совете, так и вновь жалуемых сим званием". Так что об ежегодном переназначении этих лиц Государем каждого первого января *и мысли не возникало.*

Определив состав выборных членов, Комиссия, как указывает мемория, остановилась на определении их прав и на взаимном отношении Думы и Совета.

В первом отношении мемория замечает, что права которыми пользуются члены Думы должны быть распространены

и на выборных членов Совета, осторожно прибавляя, что некоторыя из сих прав распространяются и на членов по назначению, *без точного перечисления* какия именно *некоторыя* права распространяются на эту группу членов. Только в виде пояснения далее добавлено, что все члены Совета — следовательно и по назначению — приравниваются к членам Думы относительно свободы суждения, ограничения личной свободы и временного лишения права участия в заседаниях Совещания.

Вместе с сим оговорено, что члены по выборам, отказавшиеся принести по приложенной форме торжественное обещание, почитаются сложившими свое звание.

Далее, Комиссия признала, что выборные члены Государственного Совета подобно членам Думы должны пользоваться суточным и путевым довольствиями, но нашло необходимым в виду повышенного ценза условий выборов в члены Совета назначать им вместо *десяти*, установленного для членов Думы, — *двадцатипяти* рублевое вознаграждение.

При определении взаимных отношений между Думою и Советом, Комиссия, конечно, не могла не принять в основу своих суждений, того крупного сдвига в положении народного представительства, который произошел во взглядах высших сфер под влиянием напора общественных сил в бурные октябрьские дни.

По первой же статье учреждения Государственной Думы в ее применении к Государственному Совету произошло разногласие, не особенно впрочем значительное.

Один член Н. Н. Кутлер полагал, что вместо прежней редакции этой статьи гласившей, что все законодательныя предположения Думы восходят к Верховной власти через Государственный Совет, надлежит выразить, что Государственная Дума учреждается *для участия* совместно с Государственным Советом в *осуществлении* Верховною властью законодательной власти на основаниях и в порядке установленном в учреждении Государственных Думы и Совета, а прочие сочлены полагали, что достаточно сделать только ссылку на „учреждения“ этих законодательных органов.

Затем мемория переходит к рассмотрению нового порядка движения законодательных дел в преобразованном Государственном Совете. Хотя этому вопросу и посвящена ровно половина мемории (8 стр.), но по существу он конечно представляет значительно *меньший* интерес.

По этому поводу возникло снова разногласие: три члена, при этом в совершенно своеобразном сочетании, Коковцов, Дурново и кн. Оболенский II предполагали сохранить предположенные по августовскому закону обязательные отделы Думы в качестве, как бы, инстанции, составленные из определен-

ного числа членов и предварительно рассматривающие поступающие дела, а затем уже передающие их в общее Собрание. По их мнению все дела, если они не будут непосредственно рассмотрены в общем Собрании Государственного Совета должны быть предварительно обращены в Департаменты, которые должны быть образованы из ровного числа членов по выборам и по назначению. Большинство же (24 члена) полагало, что, эти постановления относятся к области внутреннего распорядка, который предоставлен ближайшему рассмотрению Думы, а потому в законе может быть только указано, что Совет может, *но не обязан* образовывать отделы и комиссии для предварительного рассмотрения отдельных дел или группы дел. В Государственном Совете департаменты, как неимеющие никакого отношения к непосредственному течению законодательных дел, подлежат в конце концов упразднению, а по текущим законодательным делам могут быть создаваемы или постоянные или временные комиссии.

По отношению к условию рассмотрения дел постановлено весьма существенное ограничение, направленное против особого рода обструкции, вызываемой непомерно длинными, затяжными прениями при рассмотрении дел, чему бывали исторические примеры в английском парламенте, а именно в проекте было установлено, что может быть допущено постановлением общего собрания ограничение срока отдельных речей и прекращение записи ораторов, и следовательно, признание рассмотрения вопроса исчерпанным. Все эти предосторожности, как сказано в мемории (стр. 11), намечены в целях устранения возможности затягивать обсуждение законопроектов, хотя и неотложных, но встречающих несочувствие со стороны некоторых членов Думы или Совета. Не могу не прибавить, что в позднейшей практике Государственного Совета таких попыток искусственно затянуть прения по каким либо неприятным для той или другой партии законопроектам, хотя и не встречалось, но может быть именно потому, что существовал такой предохранительный клапан; но случаи, в которых приходилось прибегать к такой мере воздержания известных словоохотливых ораторов, особенно по общим вопросам вызываемым какими либо важными законопроектами, несомненно бывали. Стоит вспомнить например прения о волостном земстве, о проекте изменения законов о печати и т. п. Конечно они встречались преимущественно по тем законопроектам, которые, в конце концов, оканчивались их провалом, но не могу не прибавить, говоря совершенно беспристрастно, что к нему прибегала преимущественно правая группа, действовавшая так уже по одной той причине, что в ней почти исключительно являлась оппозиция против законопроектов, встретивших сочувствие в либе-

ральных слоях Думы; чего разумеется в тех группах Совета, которые примыкали к так называемому „блоку“, т. е. об'единению известных групп Совета и Думы, быть не могло.

Следующий спорный вопрос о котором говорит мемория был о гласности заседаний. Для отделов Думы было принято основное положение, что в них не могут быть допускаемы посторонние лица и притом не только публика в тесном смысле, но и представители прессы. То же начало было усвоено конечно и по отношению Комиссии или Департаментов (Коковцов) Государственного Совета. Но по отношению к общим собраниям оказалось разногласие, и притом весьма любопытное даже по составу оппозиционеров. А именно *пять членов*: граф Витте (забывший на этот раз о значении гласности и влиянии повседневной прессы, которые он только что блистательно испытал в Портсмуте), Коковцов, граф Пален, Рихтер и Философов, которые не признавали возможным идти далее того, что было признано в учреждении Думы 6-го августа (ст. 42) по которой было предоставлено председателям Думы и Совета разрешать присутствовать в общих собраниях, кроме заседаний закрытых, только представителям повременной печати и притом не более чем по одному от каждого отдельного издания. При этом еще с тем условием, чтобы общее число допущенных соответствовало общему количеству отведенных для печати мест и кроме того, чтобы председателям было предоставлено право, *по собственному усмотрению* или *по заявлению тридцати членов*, удалять допущенных лиц. Большинство же полагало возможным допускать с разрешения подлежащих председателей в общее собрание не только представителей печати, но и других посторонних лиц, а один член (Тернер) полагал допускать посторонних лиц в общия собрания Думы, но не Государственного Совета. Затем относительно порядка составления и оглашения отчетов о заседаниях, правила принятые для Думы предположено распространить и на Государственный Совет. Самое же определение подробности распорядка в Совете, предположено предоставить самому же Совету, наказ которого подлежал опубликованию во всеобщее сведение через Правительствующий Сенат.

Законы не принятые Государственным Советом или Думою признаются отклоненными. Но в этом отношении 2 члена (кн. Оболенский и Кутлер) полагали установить одно существенное различие между учреждениями. Они считали нежелательным применять одинаково это правило к законопроектам отклоненным Думою или Советом, но полагали, что если при обсуждении проекта прошедшего через Думу, но не принятого в Совете, выскажется при вторичном рассмотрении в Думе, в пользу этого проекта не менее двух третей данного

состава Думы, то законопроект и отклоненный Советом должен быть представлен Государю.

А 25 членов находило, что такая мера, нарушая начало равноправности обоих учреждений, повела бы к умалению значения Совета, который мог бы утратить свое влияние в качестве регулирующей законодательную деятельность коллегии; при чем вся тяжесть разрешения разномыслий между Думою и Советом, ложилась бы на Верховную власть, чего не следует допускать. Поэтому они полагали, что вторичное рассмотрение возможно лишь в том случае, когда то или другое из законодательных учреждений т. е. Совет или Дума, *не отклоняя проэкта в принципе,* полагало бы возможным внести в него изменения; а для этой цели могли бы быть образуемы согласительные комиссии из равного числа членов по принадлежности.

Проекты же одобренные Советом и Думою представляются Государю на утверждение председателем Государственного Совета согласно точным постановлениям законов основных. При этом добавлено, как общее правило, что законопроэкты предначертанные по инициативе Думы или Совета или принятые одним и отклоненные другим из сих установлений, а равно не получившие Высочайшего утверждения, *не могут быть внесены вновь на законодательное рассмотрение в течение той же сессии.*

Законодательную инициативу предположено предоставить одинаково и Совету и Думе с тем же исключением Законов основных, т. е. всех включенных в эту группу законов при установлении таковой, чем и об'ясняется та исключительная важность, которую представляло установление об'ема этих законов и то неуклонное стремление графа Витте придать им возможную широту, чтобы связать Думу по отношению к попыткам расширения ее прав за счет исключительной прерогативы Верховной власти.

Далее на Государственный Совет были распространены дарованные уже Думе полномочия по надзору за закономерностью действий правительственных властей и с правом запросов министрам по поводу их действий представляющихся незакономерными; причем при неудовлетворительности их об'яснений дело должно было быть предоставлено на благоусмотрение Государя.

Равным образом Совету и Думе предполагалось предоставить право не только обращаться к министрам с запросами, но и за раз'яснениями по всем рассматриваемым делам, причем министрам по всем без исключения делам предоставлялась возможность отказываться от ответов лишь в случаях и по основаниям, вытекающим из соображений Государственного порядка.

Вместе с тем предполагалось точно установить в законе, что воспрещается в учреждение Совета и Думы являться де-

путациям и представлять словесные или письменные заявления.

Занятия обоих законодательных учреждений определялись по сессиям, которыя закрывались и открывались указами в порядке управления Верховного. При чем по этому поводу в Совещании возникло последнее разногласие, а именно десять членов полагали, что необходимо указать в законе, что оба учреждения, *совместно* рассматривающие законопроекты, должны открываться и закрываться *одновременно*, а большинство (17 человек), к которому примкнул и граф Витте находило, что условия созыва и закрытия каждый раз должны определяться Высочайшими указами. Но при этом Совещание полагало нужным оговорить, что в случае досрочного роспуска Думы она созывается в новом составе в течении шести месяцев со дня ее роспуска. Но в виду возможности, что чрезвычайные обстоятельства могут вызвать необходимость в постановлениях, требующих рассмотрения в законодательном порядке, такое право предоставлено совету министров, но с тем чтобы таковые узаконения не вносили изменений ни в основные законы, ни в учреждения Думы и Совета, ни в постановления *о выборах* в эти учреждения. А это как известно и было весьма скоро нарушено при coup d'état 3-го июня, так существенно ограничевшаго об'ем представительства, в особенности же представительства восточных окраин и Кавказа.

Вместе с тем было добавлено, что действия этих законов, вносимых по так называемой 87 ст. зак. основ. прекращается, если подлежащим министром в течении двух месяцев после возобновления заседаний Думы и Совета, соответствующий принятой мере законопроект, не будет внесен в законодательные учреждения, или не будет принят Думой или Советом.

Затем, Совещание вошло в рассмотрение дел подлежащих ныне рассмотрению Государственного Совета и отнесенных по ст. 31-ой его учреждения, издание 1906 года, к ведению департаментов, преобразованных на новых основаниях, и образуемых ежегодно из числа членов по назначению Государя. Причем установлено, что определения департаментов представляются на утверждение Государя в мемориях.

В предвидении сокращения числа сих департаментов до двух, было предположено изменить и состав *Верховного Суда*, подвергнув соответственному пересмотру и постановления о нем уст. угол. судопроизводства 1864 г.

В заключение Совещание указало, что в виду таких изменений надо подвергнуть пересмотру все учреждения Государственного Совета в кодефикационном порядке под руководством государственного секретаря, коснувшись при этом и порядка рассмотрения законоположений действующих на про-

странстве всей территории со включением и В. княжества Финляндского. При этом предположено выработать и предположение об участии по этого рода делам генерал-губернатора финляндского и министра статс-секретаря Великого княжества.

Соответственно сему на усмотрение и подписание Государя были представлены проекты: 1) манифеста о созыве Государственной Думы на основаниях вновь дарованных ей 17-го октября полномочий; 2) указа Правительствующему Сенату того же числа о переустройстве Государственного Совета и 3) указа Правительствующему Сенату о пересмотре учреждения Государственной Думы со всеми последовавшими в Совещании разногласиями.

Окончив обзор деятельности комиссии графа Сольского, я, в виде приложения, позволю себе сообщить на основании бумаг барона Э. Ю. Нольде, некоторые материалы по выработке манифеста 20-го февраля и прежде всего сопоставление манифеста с его проектом.

Проект манифеста 20-го фераля, выработанный Комиссиею, графа Сольского.	Манифест 20-го февраля подписанный Государем.
Об'являем всем Нашим верным подданным:	Начало тождественно с проектом.
Манифестом 6-го августа 1905 года Мы возвестили о созыве Государственной Думы из выборных от населения, утвердив того же числа ее учреждение.	
Манифестом 17-го октября минувшего года Мы предоставили Государственной Думе новые в делах законодательства полномочия. С тем вместе Нами одобрено предположение о переустройстве Государственного Совета на началах видного участия в нем выборных от населения, *как необходимого условия для правильных отношений между сим установлением и Государственною Думою.*	Напечатанные курсивом строки выкинуты из текста манифеста.
Следуя таковому намерению, Мы повелели выработать, со-	„Исполняя таковое намерение Наше Мы и т. д.“.

гласно указанию Нашему, необходимые в учреждении Государственного Совета изменения, а также подвергнуть пересмотру учреждение Государственной Думы для согласования его с началами 17 октября прошлого года Нами провозглашенными. Труд сей ныне исполнен.

В состав Государственного Совета призываются, в равном числе с членами „присутствующими в нем“ по назначению Нашему, выборные члены от духовенства господствующей в России Православной Церкви, „от“ дворянства и земства, а также представители наук, торговли и промышленности, *причем Государственному Совету в обновленном его составе даруются* в делах законодательства равные с Государственною Думою права.

„К участию в законодательной деятельности Государственного Совета призываются и т. д.“

„В сем обновленном составе Государственному Совету предоставляются“

Сохраняя *незыблемыми коренные положения* Основных Государственных законов, *на основании коих* закон не может иметь своего совершения без Нашего утверждения, Мы постановляем впредь общим правилом, что со времени созыва Государственного Совета и Государственной Думы никакой закон не может восприять силы без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы.

„незыблемым коренное положение“ на основании коего никакой закон.

„Этот абзац в проекте помещен ниже и со следующими изменениями“.

„*Когда в перерыв сессии Государственного Совета и Государственной Думы*“.

Но во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятель-

в Думу в течении первых двух месяцев после возобновления сессии Государственного Совета и Государственной Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственный Совет либо Государственная Дума".

„Предстоящую совместную деятельность сих высших Государственных учреждений Мы устанавливаем на следующих главных основаниях: Государственный Совет и Государственная Дума ежегодно созываются и закрываются указами Нашими [1])".

Государственный Совет проверяет полномочия своих членов по выборам. Равным образом Государственная Дума проверяет полномочия своих членов. Одно и тоже лицо не может быть одновременно членом Государственного Совета и чле-

ства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Нам непосредственно. Мера эта не может однако, вносить изменений ни в Основные Государственные законы, ни в учреждения Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу в течение первых двух месяцев после возобновления занятий Думы соответствующий принятой мере законопроект или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет.

[1]) По мнению 10 членов Совещания, после слова; закрываются следует вставить слово „*одновременно*".

ном Государственной Думы. *Состоящий членом одного из сих установлений, вступая в состав другого установления, тем самым слагает с себя прежния полномочия.*

Напечатанных курсивом слов в манифесте нет.

Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, почин пересмотра коих Мы сохраняем за Собою.

Законодательные предположения рассматриваются в Государственной Думе и, по одобрении ею, поступают в Государственный Совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину Государственного Совета, рассматриваются в Совете и, по одобрении им, поступают в Думу.

Законопроект, одобренный Государственным Советом и Государственною Думою, представляется на Наше усмотрение. *Законопроект, не принятый* Государственным Советом или Государственною Думою, признается отклоненным [1]).

„Законодательные предположения, одобренные"..

„Законодательные предположения, не принятые"...

[1]) Положение о том, что законопроект, не принятый Государственным Советом, признается отклоненным, стоит в связи с разными мнениями, выраженными по статье 4 отдела II проекта указа Правительствующему Сенату о переустройстве Государственного Совета. (Здесь имеется в виду мнение Кутлера и кн. Оболенского).

„Законопроект, предначертанный по почину Государственного Совета или Государственной Думы и отклоненный одним из сих установлений или же не удостоившийся Нашего утверждения, не может быть вновь внесен на законодательное рассмотрение в течение той же сессии [1])“.

(Затем следует в проекте абзац, который в манифесте помещен выше. Там же приведены и те небольшие отличия в тексте проекта от текста манифеста).

„Государственному Совету и Государственной Думе, в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему Сенату, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незакономерными.

В развитие сих главных оснований предстоящей Государственному Совету и Государственной Думе, по их созыве, совместной деятельности предначертаны и Нами утверждены надлежащие в изменение их учреждений постановления, кои Мы повелели Правительствующему Сенату обнародовать во всеобщее сведение.

[1]) В экземпляре барона Э. Ю. Нольде против последней строчки стоит отметка карандашем „не 5 лет, а 1 год“.

Этого абзаца нет в манифесте.

„В развитие сих главных оснований предначертаны и Нами утверждены постановления о изменении учреждения Государственного Совета, а также пересмотренное, по указаниям Нашим, учреждение Государственной Думы. Узаконения сии Мы повелели Правительствующему Сенату обнародовать во всеобщее сведение“.

Этого абзаца нет в проекте.	*„О порядке обсуждения законопроектов, общих для Империи и Великого Княжества Финляндского, Нами в свое время будут преподаны надлежащие указания“.*
„Призывая благословение Божие на предпринимаемое Нами великое преобразование в государственном строе дорогого Отечества, Мы уповаем, что открываемые *народу* пути к участию, чрез выборных, в единении с Нами, в делах законодательства приведут к возрождению духовных и материальных сил России и к утверждению в ней порядка *и благоденствия, а с тем вместе единства, безопасности и величия Государства*“.	„Нашим верным подданным“... „*спокойствия*“, а с тем вместе к упрочению единства и величия Государства.
	Дан в Царском Селе, в 20 день февраля в лето от Рождества Христова тысяча девять сот шестое, Царствования же Нашего в двенадцатое.
	На подлинном Собственною Его Императорства Величества рукою подписано
	„Николай“.

Печатано в Петербурге при Сенате | Место печати | **февраля 21-го дня 1906 года.**

Основныя положения, принятые комиссиею графа Сольского, я уже привел в начале этого отдела. Сопоставив их с указом Правителествующему Сенату от 20 февраля 1906 г. о преобразовании Государственного Совета, читатель уже сам выведет, чьи мнения склонили державную волю и законодательные весы на свою сторону. Точно также, конечно, было бы чрезвычайно интересно сопоставить проект, выработанный комиссиею графа Сольского, с указами об учреждении Государственной Думы и Государственного Совета, чтобы наглядно указать, какие

именно изменения предположений комиссии были сделаны секретариатом Совещания, как результат дебатов, происходивших в заседании и тех взаимных уступок и компромиссов, которые были уловлены и облечены в письменную форму этим секретариатом. Но это не только потребовало бы детальной и очень сложной работы, но боюсь, что такое изложение результатов сравнений, едва ли бы соответствовало общему характеру настоящих очерков. Я только замечу, что ни манифест, ни указ Правительствующему Сенату от 20 февраля о преобразовании Государственного Совета ничьей скрепы ни имеют, а указ о преобразовании Государственной Думы скреплен графом Сольским.

Из этого последнего указа я считаю полезным воспроизвести только два примечания, как могущие иметь значение для справок при чтении и мало известные.

I Приложение к статье 13.

Торжественное обещание Членов Государственной Думы. „Мы, нижепоименованные, обещаем Всемогущим Богом исполнять возложенные на нас обязанности Членов Государственной Думы по крайнему нашему разумению и силам, храня верность Его Императорскому Величеству Государю Императору и *Самодержцу* Всероссийскому и памятуя лишь о благе и пользе России, в удостоверение чего своеручно подписуемся.

Подписал: Председатель Гос. Совета *Граф Сольский*.

II Приложение к статье 30.

Правила о порядке назначения и увольнения служащих в Канцелярии Государственной Думы и состоящих при ней лиц, а равно о прохождении ими службы.

1. Канцелярия Государственной Думы состоит из делопроизводителей и их помощников, казначея, присяжных стенографов и писцов. Число служащих в Канцелярии и оклады их содержания, а равно суммы на вознаграждение писцов и на канцелярские расходы, определяются штатом.

2. Назначение и увольнение служащих в Канцелярии принадлежит Секретарю Государственной Думы.

3. Не могут быть принимаемы на службу в Канцелярию и состоять в ней на службе: а) не достигшие гражданского

совершеннолетия; б) обучающиеся в учебных заведениях; в) иностранные подданные и г) лица, не допускаемые к выборам в Государственную Думу на основании статьи 7 положения о выборах в Думу.

4. Лица женского пола могут быть допускаемы к занятиям в Канцелярии только по письмоводству и счетоводству.

5. Делопроизводители Канцелярии и их помощники назначаются из лиц, окончивших курс в одном из высших учебных заведений и пробывших на службе государственной или по выборам дворянским, земским и городским не менее трех лет.

6. Лица, поступающие на службу в Канцелярию, приносят присягу на верность службы, если эта присяга не была ими принесена ранее.

7. Состоящим на службе в Канцелярии воспрещается участие в учреждении всяких торговопромышленных предприятий и кредитных установлений или в управлении ими, а также все вообще частные занятия, которые совещание, указанное в статье 12 учреждения Государственной Думы, признает несовместимыми со службою в Канцелярии Думы.

8. Из числа служащих в Канцелярии доступ в заседание Государственной Думы имеют, сверх присяжных стенографов, делопроизводители и их помощники.

9. Служащим в Канцелярии воспрещается разглашать сведения, которые стали им известны по служебному их положению, если сведения эти оглашению не подлежат.

10. За нарушение служебных обязанностей служащие в Канцелярии подлежат ответственности на основаниях, установленных для должностных лиц, состоящих на действительной гражданской службе. Права и обязанности начальства сих должностных лиц принадлежат, в отношении служащих в Канцелярии, совещанию, указанному в статье 12 учреждения Государственной Думы.

11. Служащие в Канцелярии и их семьи пользуются пенсиями и единовременными пособиями из казны применительно к постановлениям общего устава о пенсиях и единовременных пособиях по гражданским ведомствам.

12. Правила, изложенныя в статьях 3, 6, 7 и 9—11 имеют соответственное применение к Приставу Государственной Думы и его Помощникам.

Подписал: Председатель Гос. Совета *Граф Сольский*.

Считаю также полезным воспроизвести малоизвестный указ от 20 февраля, являющийся как-бы переходным, пополняющим серию учредительных законов 20 февраля.

Указ Правительствующему Сенату.

Манифестом, сего числа изданным, Мы возвестили всем НАШИМ верным подданным о пересмотре, по указаниям НАШИМ, учреждения Государственной Думы.

Утвердив сие учреждение, Повелеваем Правительствующему Сенату обнародовать оное установленным порядком.

Вместе с тем признали МЫ необходимым:

I. Впредь до распубликования Правительствующим Сенатом списка членов Государственной Думы от всех губерний, областей и городов, по которым должны быть произведены выборы в Думу, временно установить для законного состава заседаний Думы присутствие в них не менее ста пятидесяти ее членов.

II. Возложить на Председателя Государственного Совета, по соглашению с Председателем Совета Министров, представление НАМ на утверждение временных правил о допущении в заседания Государственной Думы посторонних лиц и об охранении в помещениях Думы должного порядка, впредь до издания правил по сему предмету на основании статьи 63 учреждения Государственной Думы.

Правительствующий Сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

В Царском Селе. „*Николай*".
20 Февраля 1906 года.

Сопоставляя этот переходный указ, с находящимся в архиве барона Э. Ю. Нольде (проект указа об учреждении Государственной Думы, отдел VI.) я должен указать, что отдел I этого закона был предположен и комиссиею графа Сольского с одним существенным различием. Комиссия предполагала достаточным для кворума наличности **100** членов, а пункт I поставил условием наличность **150** членов.

Что касается пункта II, то в проэкте комиссии графа Сольского его вовсе не было, а он внесен секретариатом, как результат горячих прений двух групп: с одной стороны премьера графа Витте и его сторонников по вопросу о гласности—Стишинского, Дурново и др., а с другой—нашей группы в которой были Сабуров, Фриш, я и др.

Взамен же сравнительной работы по указам 20 февраля и проектам их, воспроизвожу, на основании того же архива барона Э. Ю. Нольде, имеющие по моему мнению значение для полноты моего очерка, и чрезвычайно интересные ходатайства представителей торговли и промышленности, а именно биржевого Комитета, и столбов промышленности, фамилии которых говорят об *экономической* ценности этого пожелания.

А также препроводительное письмо В. И. Тимирязева к графу Сольскому об увеличении числа членов от этой группы промышленности в Государственном Совете.

Министр Торговли и Промышленности.

4 Января 1906 года. № 63.

Милостивый Государь,

Граф Дмитрий Мартынович.

Имею честь препроводить при сем к Вашему Сиятельству, на благоусмотрение, ходатайство С.-Петербургского биржевого комитета, от 2 сего Января за № 5, об увеличении числа членов от торгово-промышленного класса в преобразованном Государственном Совете до 24 чел. и о предоставлении биржевым комитетам наиболее крупных торгово-промышленных центров бóльшого числа избирателей названных членов, присовокупляя, что в бывшем под Вашим председательством Совещании о преобразовании Государственного Совета я, как известно Вашему Сиятельству, не оставлял указывать на недостаточность участия 12 членов от торгово-промышленного сословия для всестороннего и успешного разрешения нужд отечественной торговли и промышленности.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном моем уважении и искренней преданности.

Вашего Сиятельства
покорнейший слуга.
В. Тимирязев.

С.-Петербургский Биржевой Комитет.

2 Января 1906 года. № 5.

Его Высокопревосходительству Господину Министру Торговли и Промышленности.

В одном из органов периодической прессы напечатан на днях пересказ беседы графа С. Ю. Витте с представителями

политической партии „17 Октября". В этом пересказе содержатся, между прочим, сведения о предположениях о новой организации высшего законодательного учреждения—Государственного Совета. Согласно этим сведениям, реорганизованный Государственный Совет будет состоять из 176 членов, на половину из назначаемых Верховною Властью, а на половину из выборных. Из числа последних предполагается 34 члена выборных от земств, 18 от дворян и 12 от торгово-промышленников.

На сколько верны приведенные сведения С.-Петербургский биржевой комитет судить не может, тем не менее, если эти сведения правдоподобны, биржевой комитет позволяет себе почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство ходатайствовать об увеличении числа членов торговли и промышленности в Государственном Совете по крайней мере до 24, по нижеследующим соображениям.

В настоящее время торговля и промышленность России, как Вашему Высокопревосходительству известно, достигли значительного развития и охватывают широкие круги всех классов населения; в то же время торговля и промышленность являются главнейшими плательщиками государственных налогов. Нельзя упускать из вида также и то обстоятельство, что как торговля, так и промышленность распадаются на крупные отдельные отрасли, с весьма различными условиями и интересами, не говоря уже о том, что сплошь да рядом интересы их являются прямо противоположными; помимо сего, интересы их нередко разнятся в зависимости от тех или других районов, число которых для той или другой нужно считать не менее как по 12, в коих они осуществляют свою деятельность. Так, как на более крупные отрасли торговли и промышленности и порайонныя их различия, комитет считает необходимым указать на следующия отрасли: торговли хлебную, лесную и прочими продуктами сельского хозяйства и животноводства, в свою очередь распадающиеся на два крупнейших отдела,—внутренний и экспортный, торговлю импортную—предметами иностранного ввоза и т. д., промышленность металлургическую, каменноугольную, нефтяную, сахароваренную и рафинадную, банковую, страховую, транспортную, по обработке волокнистых веществ, продуктов животноводства, железнодорожную, судоходную и т. д., не говоря уже о многочисленных более мелких отраслях; как примеры более резкого порайонного различия условий и интересов торговли и промышленности следует указать на различия в торговле экспортной хлебной районов прибалтийского и южного, в металлургической промышленности районов южного, уральского и кавказского, в каменноугольной промышленности районов Донского, Домбровского и т. д.

При таком разнообразии отраслей торговли и промышленности, их условий и интересов, нельзя сомневаться, что при вышеуказанном более чем ограниченном числе членов от торговли и промышленности в Государственном Совете многия из важнейших отраслей вовсе не будут иметь своих представителей при обсуждении их нужд и задач в этом высшем законодательном органе, что едва ли можно признать соответствующим интересам правильного и успешного их существования и дальнейшего развития.

Кроме того, на ближайшей очереди стоят, давно назревшие и требующие скорейшего разрешения, весьма важные и сложные вопросы экономические и финансовые, между которыми первейшее место занимают вопросы рабочий и налоговой, в коих торговля и промышленность, как выше указано, весьма заинтересованы. Нет сомнения, что и в будущем эти же вопросы первостепенной государственной важности будут занимать не последнее место при дальнейшем развитии промышленно-экономической жизни страны и ее финансов и для правильного и успешного их разрешения всегда будут нужны лица, хорошо в них осведомленыя.

Наконец, биржевой комитет считает своим долгом обратить внимание Вашего Высокопревосходительства еще на то обстоятельство, что, насколько комитету известно, выборный состав Государственного Совета предполагается к ежегодному обновлению путем выбытия из него трети членов и замещению этой части вновь избираемыми лицами. При таком порядке обновления выборного состава возможность неимения в составе представителей от той или другой крупнейшей отрасли торговли и промышленности еще более увеличивается.

Вышеизложенные соображения и побуждают биржевой комитет просить Ваше Высокопревосходительство ходатайствовать об увеличении числа членов от торговли и промышленности в Государственном Совете до 24, дабы дать тем возможность иметь в этом учреждении представителей от главнейших их отраслей и районов.

Что касается того обстоятельства, что удовлетворение ходатайства комитета могло бы изменить предположения о числе выборных членов от прочих намеченных избирательных групп, то комитет полагал бы, что удовлетворение его ходатайства не внесло бы в предположения существенного нарушения, если бы оно последовало за счет числа членов от дворянства. На самом деле нет сомнения, что наибольшая часть назначенных членов будет из представителей от этого сословия, засим наибольшая часть из этого же сословия будет и в числе избираемых от земств, так как земские организации в наибольшей доле состоят из лиц этого же сословия. Таким образом умень-

шение числа выборных членов от дворянства оказало бы лишь небольшое влияние на общее число членов от этого сословия и не нарушило бы общегосударственных интересов. Затем нельзя не заметить, что в настоящее время торговля и промышленность, как указано выше, охватывают круги всех классов населения, в том числе и дворянский, из коего немало выдающихся представителей на поприще торговли и промышленности, и весьма вероятно, что лица дворянского происхождения попадут и в число выборных от торговли и промышленности, так как торговля и промышленность прежде всего имеют в виду общия нужды и пользу, а не сословные интересы. На это последнее обстоятельство биржевой комитет позволяет себе обратить внимание Вашего Высокопревосходительства, тем более что этот же принцип общегосударственных, а не сословных интересов в настоящее время выдвигается на первое место всем благомыслящим населением и, следовательно, удовлетворение ходатайства комитета, как представителя торговли и промышленности, чуждого сословности и партийности, лишь отвечало бы справедливым желаниям равноправности сословий пред законом и государственною властью.

Вместе с тем биржевой комитет позволяет себе просить Ваше Высокопревосходительство, не признаете-ли возможным ходатайствовать о предоставлении биржевым комитетам наиболее крупных торговопромышленных центров, как города С.-Петербург, Москва, Варшава и т. п., большего числа представителей на всероссийском с‘езде уполномоченных от биржевых комитетов для избрании членов от торговли и промышленности в Государственный Совет в виду того, что в этих центрах одинаково развиты как торговля, так и промышленность, при том во всех их отраслях, тогда как в других городах биржевые комитеты являются представителями исключительно или по преимуществу торговли или промышленности и даже тех или других отдельных их отраслей.

Подписи: Председатель *А. Прозоров.* Биржевые старшины: *Гр. Жуков. М. Полежаев.*

Его Сиятельству Господину Председателю Совета Министров.

О предполагаемом представительстве промышленности и торговли в Государственном Совете.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА.

Нижеподписавшимся представителям совещательных по промышленности учреждений стало известным, что из 70 членов, подлежащих выбору в реформируемый Государственный

Совет, предположено 36 заместить выборными от губернских земств 36 земских губерний, 14 мест предоставить выборным от губерний с неполным земским самоуправлением, 2 места дать представителям двух столичных университетов, 6—представителям крупнейших городов и 12—представителям промышленности и торговли. Равным образом нижеподписавшиеся осведомились, что в выборе представителей промышленности и торговли будут участвовать только биржевые комитеты и комитеты торговли и мануфактур.

Стоя на-стороже нужд промышленности, нижеподписавшиеся считают своим долгом высказать Вашему Сиятельству свои соображения по столь важному для промышленности вопросу, а также не могут отказаться от ходатайства перед Вами относительно поддержки нижеследующих взглядов.

I.

Предположенная система выборов в члены Государственного Совета по имеющимся у нас сведениям основана на двух началах: на представительстве территориальном и на представительстве классовом. Территориальные нужды представляются избранниками губерний и городов в числе 56, а классовые—14 избранниками от науки, промышленности и торговли.

Хотя статья 2 „Положения о губернских и уездных земских учреждениях“ по закону 12 июня 1890 г. и относит к предметам ведомства земских учреждений „воспособление зависящими от земства способами земледелию, торговле и промышленности“, однако забот о развитии торговли и промышленности со стороны земств нигде не проявлено по той простой причине, что представительство интересов промышленности и торговли в земствах, даже губерний и уездов с наиболее развитой промышленностью и торговлею, является и по своему численному составу ничтожным по сравнению с представительством интересов земледелия. Даже в таких промышленных уездах, как Бахмутский и Славяносербский Екатеринославской губернии, где горнопромышленные предприятия участвуют в раскладочном сборе 1905 г. в размере 50,3% и 59%, представительство горной промышленности в земствах оказывается совершенно ничтожным по числу, а потому оно лишено возможности отстаивать самые элементарные нужды промышленности. Таким образом земства должны быть рассматриваемы, на основании жизненного опыта, исключительно в качестве представителей земледельческих интересов страны. Не лучшего отношения к себе промышленность и торговля

должны ожидать и от представителей крупных городов, особенно в будущем, когда городовое положение станет более демократическим. Очевидно, по этой именно причине, составители проекта реорганизации Государственного Совета совершенно справедливо не сочли возможным ограничиться территориальным представительством интересов, а нашли необходимым дополнить его классовым представительством от промышленности и торговли. Таким образом проект реорганизации Государственного Совета, по принципиальным и практическим соображениям, весьма справедливо признает возможным и необходимым специальное представительство промышленности и торговли.

Теперь является лишь вопрос: справедливо ли осуществляется этот бесспорно верный принцип?

К сожалению, нижеподписавшиеся должны ответить на этот вопрос только отрицательно.

Из числа избираемых членов Государственного Совета выражать нужды промышленности и торговли будут 12 членов в то время, когда земледельческие и городские интересы будут представлены 56 членами, т. е. получается отношение приблизительно 1 к 5. Между тем годовая ценность продуктов горной, обрабатывающей и перевозочной промышленности оценивается у нас приблизительно в 4 миллиарда рублей в то время, когда ценность сельскохозяйственных продуктов составляют около $4^1/_2$ миллиардов, т. е. получается отношение почти 1 к 1.

В настоящее время русское земледелие находится в крайнем упадке. За 20 последних лет Россия пережила 8 более или менее сильных голодовок деревни и в настоящее время переживает девятую в 23 губерниях. Весьма опасные для всего государственного строя крестьянские волнения последнего времени проистекают от крайней нищеты деревни. Революционная пропаганда в крестьянских волнениях не является главным и решающим фактором. Человека, довольного своей судьбой, никакие пропаганды на преступления не подвинут. Подъем благосостояния деревни является настоятельнейшей задачей русской государственной работы в ближайшем будущем. Нетрудно видеть из самого простого подсчета, что никакие дополнительные прирезки земли, как бы последняя ни оценивалась, и от кого бы она ни отнималась, не могут быть радикальным средством для создания деревенского благосостояния. Подъем благосостояния деревни может идти лишь тем путем, которым шел и идет во всем мире, т. е. с одной стороны отвлечением излишней части земледельческого населения к промышленным и торговым занятиям, а с другой стороны переходом сельского хозяйства ко все более и более

интенсивным формам на почве замены общинного землевладения подворным. Практика всего мира указывает, что, при отсутствии целинных земель, здоровое земледелие может находиться лишь рядом с сильной промышленностью и торговлею и, наоборот, промышленность и торговля могут процветать лишь рядом со здоровым развитием земледелия.

Таким образом врачевание нашего землевладельческого кризиса возможно лишь путем параллельного и самого широкого развития промышленности и торговли. Государственным установлениям в ближайшем будущем придется напречь все силы именно в этом единственно возможном направлении ради подъема народного благосостояния. Разумеется, при таком положении вещей промышленность и торговля не могут быть сколько нибудь удовлетворительно представлены 12 членами в то время, когда у нас имеется слишком 30 весьма обширных и важных в государственном хозяйстве промышленно-торговых отраслей.

Все эти соображения указывают, что справедливость и первостепенная польза дела требуют, чтобы число членов в Государственный Совет по выборам от промышленности и торговли было не менее 30. Только при этом условии русская промышленность и торговля могут быть представлены в Государственном Совете с достаточной полнотой и в должном соответствии с важностью чрезвычайно сложных вопросов государственной жизни, стоящих на очереди перед высшими государственными установлениями.

II.

Нижеподписавшиеся представители совещательных по промышленности учреждений не могут равным образом не высказаться по поводу предоставления избирательных прав в члены Государственного Совета от промышленности и торговли только биржам и комитетам торговли и мануфактур.

Статья 656 уст. торг. ясно определяет характер биржи следующими словами: „Биржи суть сборные места, или собрания принадлежащих к торговому классу лиц, для взаимных по торговле сношений и сделок“. Таким образом биржи, коих у нас в настоящее время числится слишком 50, являются по закону лишь представителями торговли. Если на практике некоторые, и притом немногие, биржевые комитеты выступают в качестве представителей промышленности, то подобное представительство является лишь основанным на обычае и, во всяком случае, не опирающимся на закон.

Для представительства интересов промышленности закон

в статьях 14—27 устава о промышленности устанавливает комитеты торговли и мануфактур, которые и имеются в некоторых центрах обрабатывающей промышленности всего в количестве шести. Из сего следует, что наш закон так же, как и практика, отделяет представительство промышленности от представительства торговли.

Кроме комитета торговли и мануфактур имеется у нас не менее законное, но во всяком случае более жизнедеятельное представительство промышленности в виде других совещательных по промышленности учреждений.

Согласно статье 35 уст. горн. существуют у нас совещательные учреждения по горной промышленности с предоставлением некоторым [1]) из них права взимания на их нужды обязательных сборов. Такими учреждениями у нас являются с'езды горнопромышленников Уральского хребта, Подмосковного бассейна, Юга России, губерний Царства Польского, Бакинского района и марганцевых промышленников на Кавказе.

Затем следующая 36 статья уст. горн. трактует об „учреждении в С.-Петербурге для содействия развитию железнозаводского производства, постоянной совещательной конторы железных заводчиков“.

Затем идет целый ряд совещательных по промышленности учреждений, действующих на основании сепаратных законов по уставам, утвержденным надлежащими правительственными властями. Такими учреждениями являются: Всероссийское общество сахарозаводчиков, с'езды представителей горнопромышленных: металлургических, вагоно-и машиностроительных и механических заводов и предприятий Северного и Прибалтийского районов, совещательная контора золото- и платинопромышленников, С.-Петербургское общество для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности, с'езды мукомолов, с'езды волжских пароходчиков и, наконец, общие с'езды представителей железных дорог. Таким образом 14 вышеперечисленных совещательных учреждений, представляющих самые различные отрасли русской промышленности, лишаются права участия в выборе членов Государственного Совета, хотя эти учреждения являются не менее законными представителями промышленности, чем комитеты торговли и мануфактур, и хотя этими учреждениями представляются весьма крупные и важные отрасли народного хозяйства.

---

[1]) Обязательными сборами на свои нужды облагают: С'езды бакинских нефтепромышленников, С'езды горнопромышленников Юга России и С'езды кавказских марганцепромышленников.

По этим соображениям нижеподписавшимся представляется справедливым, чтобы указанным выше учреждениям было предоставлено право участия в выборах в Государственный Совет.

Промышленность и торговля должны иметь в Государственном Совете одинаковое число представителей, избираемых отдельно по торговле биржами и с‘ездом транспортных и страховых учреждений, а по промышленности — комитетами торговли и мануфактур вместе с вышеуказанными 14 совещательными по промышленности учреждениями. Слияние бирж с совещательными по промышленности учреждениями не должно быть допущено при выборах в Государственный Совет представителей промышленности и торговли еще и потому, что бирж, представляющих фактически в подавляющем большинстве случаев только торговлю, имеется слишком 50 в то время, когда представительных по промышленности учреждений имеется лишь около 20. Отсюда ясно, что, в случае слияния выборов, торговля весьма легко может получить преобладающее количество голосов, доставляя для промышленного представительства лишь случайные места.

Эти соображения заставляют нижеподписавшихся ходатайствовать о том, чтобы представительство промышленности и торговли в реформируемом Государственном Совете было разделено поровну между представителями промышленности и торговли и чтобы представители от торговли были избираемы только биржами и с‘ездом транспортных и страховых учреждений, а представители от промышленности — только совещательными по промышленности учреждениями, причем каждое совещательное по торговле и промышленности учреждение избирает одинаковое число выборщиков, имеющих сообща избрать необходимое число членов Государственного Совета: одни от торговли, а другие — от промышленности.

III.

Сводя в заключение сей записки свои пожелания, нижеподписавшиеся позволяют себе вкратце формулировать их следующим образом:

1) Членов от промышленности и торговли должно быть в реформируемом Государственном Совете не менее 30.

2) Промышленность и торговля должны быть представлены, каждая в отдельности, одинаковым числом выборных членов Государственного Совета.

3) Право выборов от промышленности и торговли членов Государственного Совета должно быть предоставлено,

кроме бирж и комитетов торговли и мануфактур, всем остальным 14 совещательным по промышленности и 1 по торговле учреждениям.

4) Членов Государственного Совета от торговли избирают биржи и общий с'езд транспортных и страховых учреждений, а членов Государственного Совета от промышленности посылают совещательные по промышленности учреждения.

5) Биржи и общий с'езд транспортных и торговых учреждений, а равно совещательные по промышленности учреждения каждое избирает одинаковое число выборщиков (не менее чем по три).

Выборщики от совещательных по промышленности учреждений избирают установленное число членов в Государственный Совет от промышленности, а выборщики от бирж и общего с'езда транспортных и страховых учреждений — членов Государственного Совета от торговли.

Председатель Высочайше утвержденной постоянной совещательной конторы железозаводчиков М. Норпе.

Представитель Совета С'езда Кавказских марганцепромышленников Вольский.

Председатель Совета С'езда горнопромышленников юга России Авдаков.

Уполномоченный С'езда южных горнопромышленников И. Ясюкович.

Председатель Совета С'езда Бакинских нефтепромышленников П. Гукасов.

Председатель Правления Всероссийского Общества Сахарозаводчиков Граф А. Бобринской.

Товарищ Председателя Правления Всероссийского Общества Сахарозаводчиков П. Харитоненко.

Представитель С'езда Горнопромышленников Царства Польского Вл. Жуковский.

Председатель Совета С'ездов металлозаводчиков Северного и Прибалтийского районов А. Фойгт.

Член того же Совета С. Эрдели.

Председатель Совета С'ездов Уральских Горнопромышленников В. Ковалевский.

Товарищ Председателя того же Совета В. Желватых.

За Председателя Общества для содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности Триполитов.

С.-Петербург, 29 Декабря, 1905 г.

Второе (февральское) Царскосельское Совещание.

1. Предварительныя соображения.

Перехожу ко второму Царскосельскому совещанию под председательством Государя, последнему, в котором я принимал участие.

Для определения его содержания нужно иметь в виду следующие этапы предшествовавшего административного творчества.

Булыгинская Дума 6 августа вызвала, как я уже указывал, дополнительные совещания под руководством граф Сольского, рассматривавшие условия участия в Думе представителей отдельных окрайных частей России, и дополнительные узаконения, обеспечивающие возможность открытия и деятельности Думы.

Но за этим последовало напряжение революционных сил и мятежных действий, вырвавшее манифест 17 октября 1905 г., заключавший ряд уступок неограниченной власти, выраженных в п. п. 2 и 3 манифеста. Пункт второй определил необходимость не только изменения, но и полного пересмотра условий участия страны, в лице ее представителей, в законодательстве, что и вызвало работы Совета Министров в усиленном составе под руководством графа Витте, а потом первое царскосельское совещание, мною уже изложенное.

Более сложным оказалось содержание. 3-го пункта октябрьского манифеста. Он заключал в себе прежде всего изменение существа участия в законотворчестве представителей народа, преобразуя их из советчиков царя в *соучастников* его в государственной законодательной деятельности. Он гласил, что нужно *установить незыблемо*, что для закона необходимо *одобрение Думы*, и вовсе не упоминал о Государственном Совете, как факторе законодательства, Дума заняла самостоятельное место, и о какой-либо зависимости или подчинении Думы Государственному Совету даже и речи более быть не могло. Кроме того, в этом волеизъявлении Государя содержалось непреложное положение, что одобрение Думы имеет

такое же значение, как и других факторов законодательства. Дума не советует принять или не принять закон, а безусловно говорит: можно или нельзя его принять. Но не упоминая прямо о Государственном Совете, и не затрогивая вопроса об его отмене манифест 17 октября несомненно как бы наталкивал на вопрос о необходимости или желательности его существования, и, действительно, опубликованный одновременно с манифестом доклад С. Ю. Витте Государю, Высочайше одобренный, содержал уже прямыя указания о сохранении Государственного Совета, как фактора законодательства. Но сохранить Государственный Совет без изменения его учреждения—это значило неминуемо обречь его на уничтожение и, следовательно, сопоставить непосредственно царскую власть с представителями народа; и превратить Россию в конституционное государство с однопалатною системою, со всеми дальнейшими возможностями,—чего не хотел и так искренно боялся граф С. Ю. Витте. Сохранение же Государственного Совета необходимо требовало его пересоздания, а это было дело не легкое. Конечно, хорошо бы было создать нечто монументальное, по типу „палаты лордов". Это было бы стильно! но что греха таить, для этого надо было бы иметь исторические, вековые, ко временам не только меровингов, но галлов и кельтов восходящие традиции, а их не было в сермяжной России. Степной стороне чуждо поклонение и трепет пред гнездами орлов и коршунов, гнездящихся в недоступных, чуть не заоблачных высотах Альп, в широком смысле слова. В стране, где не было феодализма, трудно было его создать в двадцатом веке. За отсутствием в кладовой руин, блещущих красотою древности или истинным величием стиля, изяществом соотношения и пропорции, обратились к недавнему минувшему, даже еще не сданному из канцелярии в архив.

Дума по манифесту 18 октября пошла вперед от классового представительства, расширяясь и расплываясь, к туманным очертаниям всеобщаго, равного и прямого представительства всей страны, к сказочным контурам богомспасенного „града Китежа", не подводного, а заоблочного.

Но идея Булыгинской Думы продолжала существовать и могла быть использованной, хотя бы и в измененной форме, для реформы Совета, и, по моему искреннему мнению, это использование ее основ, для конструкции другого законодательного представительства страны было сделано правильно и получило большое государственное значение и интерес.

Восточная государственная мысль постройки государства по схеме каст географически не подходила к России, поместившейся между Западной Европой и Азией; нельзя даже было удержаться на чистой системе представительства классов

дворян, торговцев, промышленников, крестьян, разночинцев и т. д. Но она, вполне соответственно, могла проявиться в форме представительства интересов. Прежде всего в составе совета были представлены интересы державы, т. е. монархическаго уклада,—в виде членов по назначению от правительства; затем за ними шли представители культа, правда, только *господствующей* церкви, затем представители знания, но также только высших учебно-ученых заведений; далее представители интересов дворянства, интересов торговли, интересов промышленности, и наконец, интересов всей земли, ввиде представителей земельной собственности. Не было только представителей физическаго труда, т. е. представителей крестьян и рабочих, но ведь потому это собрание и носило название верхней палаты.

Затем соответственно идеи 3-го пункта манифеста, эта верхняя палата должна была изменить и свою роль в общей системе законодательных сил. Из советников царя в виде ли специалистов по отдельным частям государственного бытия, или в силу их прежней деятельности по государственным делам вообще,—они должны были превратиться в учреждение, не только рассматривающее, но утверждающее или отметающее проекты законодательных предположений, вносящее в него изменения со своей специальной точки зрения.

Предварительное рассмотрение этихъ предположений, реформа Государственного Совета была возложена на особую комиссию под председательством графа Сольского; эта комиссия собиравшаяся в конце декабря 1905 г., и в январе 1906 г. уже выполнила эту работу, которая и была мною рассмотрена

Таким образом совещанию под руководством Государя предстояло рассмотреть: 1) подготовленное учреждение Государственного Совета и 2) учреждение Государственной Думы 6 августа, согласованные не только с вновь рассмотренным в декабрьском совещании избирательным законом, но и с соответствующим изменением категорического требования 3-го пункта манифеста 17-го октября. Одним словом, комиссии предстояло рассмотреть все те видоизменения законодательных учреждений, которые вылились впоследствии в содержание статьи 7-ой законов основных: „Государь Император осуществляет законодательную власть *в единении* с Государственным Советом и Государственною Думою“.

Изложению моих воспоминаний о первом царскосельском совещании я предпослал краткое обозрение некоторых явлений и событий, как в жизни административных верхов, главным образом сферы законодательной, так и в сутолоке жизни общественной. Конечно, жизнь не перестала двигаться и от конца декабрьского совещания (9 декабря) до февральского (14 февраля); но промежуток этот был слишком короток, да и в жизни

России за это короткое время не произошло ничего крупного, сильно изменяющего тон и ритм ее повседневности, а потому в этом отделе моих воспоминаний ни той, ни другой группы изменений в жизни страны касаться не буду, а перейду прямо к изложению хода совещания.

2. Главные черты второго Царскосельского совещания.

Во втором Царскосельском совещании участвовали почти те же лица, которые были и в декабрьском. Вновь были приглашены два члена Государственного Совета: граф Пален и В. Н. Коковцов, отсутствовали В. К. Михаил и Э. В. Фриш по болезни и бывший в отпуску Министр Двора барон Фредерикс. Кроме того Министр Юстиции Манухин был заменен М. Г. Акимовым, а Главноуправляющий Землеустройством и Земледелием Н. Н. Кутлер—А. В. Кривошеиным.

Так что действующие лица в общем были почти те же.

Заседание было назначено на 14 февраля в 2 часа и Августейший председатель заявил, что предстоящие к обсуждению вопросы хотя и очень серьезны, но не так важны, как рассмотренные в декабре, потому он просит членов останавливаться только на существе дела, не вдаваясь в излишния подробности, и даже выразил желание, окончить дело в один день. В действительности понадобилось второе заседание 16 февраля, хотя обычныя понукания „далее" слышались очень часто.

Как я уже говорил, февральскому совещанию предстояло прежде всего окончательно пересмотреть и закрепить, уже ставшее законом, учреждение Булыгинской Думы в ее обоих главных частях, т. е. положение о выборах, согласно результатам царскосельского декабрьского совещания, и самое учреждение Думы, соответственно принципу, провозглашенному в третьем пункте манифеста. Таким образом установить структуру обновленного или, вернее, почти нового учреждения Думы—равной, а не подчиненной Государственному Совету; далее предстояло совершенно переработать учреждение последнего, как в его существе—превратив его из органа милостиво выслушиваемого, в орган рассматривающий и полагающий основы и порядки законодательной жизни страны, с теми же правами и обязанностями, как и Государственная Дума. При этом, применяясь к языку судебных уставов, надо было не только издать основныя положения, но и набросать хотя бы в общих чертах состав учреждения и порядок производства в нем дел. Наконец, предстояло третье, самое сравнительно легкое: изготовить манифест, т. е. волеиз'явление монарха

о том, что в заботах о благе страны он предположил и утвердил такое новое учреждение законополагающей деятельности.

Руководитель совещания нашел целесообразным начать с более легкой части, т. е. с расмотрения манифеста, хотя всетаки наибольшая часть этого приступа к делу (более половины) была посвящена вопросу о реформе Государственного Совета, но до начала совещания по существу граф Витте и барон Икскюль высказались о формальной стороне дела. о необходимости одновременного издания обоих положений, и Думы, и Совета, хотя барон и прибавил, что установление основ и порядка деятельности Совета представляется гораздо более сложным, чем пересмотр учреждения Думы. Соображения о совместном сроке обнародования работ совещания были приняты, повидимому, без возражений, единогласно, но и этому предположению не суждено было осуществиться, как и царскому пожеланию об однодневном окончании совещания. Новое учреждение Государственной Думы вышло действительно в один день с манифестом 20 февраля 1906 г., но учреждение Государственного Совета было обнародовано только 24 апреля, после того, как 23 апреля 1906 года были обнародованы основные законы, которые содержали и 7 статью, т. е. статью, устанавливающую существо нового конституционного строя России. Манифест 20 февраля и должен почитаться отправным столбом, от которого пошла конституционная жизнь России, прерванная, а потом заморенная переворотом 2 марта 1917 г. Акт 20 февраля заменял не только благия пожелания акта 12 декабря 1904 г., напоминающия собою „миллиарды в тумане"; но даже и более конкретизированные предположения 17 октября.

Затем перешли к чтению и обсуждению проекта манифеста, но так как, говоря о нем, нельзя было не касаться его содержания, а в нем заключалось указание на существо изменений как Думы, так в особенности Государственного Совета, то, понятно, что обсуждая манифест пришлось остановиться и на сущности изменения положения Думы и Совета, т. е. затронуть основныя различия взглядов участников совещания относительно возможности ограничения самодержавия вообще и пределов ограничения. Воззрения и вожделения правой группы высказал начавший прения граф Алексей Павлович Игнатьев 2-й. Он с надлежащею определенностью заявил, что манифест 17 октября существенно изменил положение Государственной Думы, придав ей не совещательное, а решающее значение по делам законодательным. Теперь, прибавил он, пошли по тому же пути и относительно Государственного Совета, упраздняя его, как совет монарха, и учреждая вместо него верхнюю палату. Это уже решительный

шаг к конституционному устройству страны и этот шаг можно делать *только сознательно.* Несомненно, что все зависит от державной воли Вашего Императорского Величества, прибавил граф, но что он, по долгу присяги, заявляет, что не следовало бы идти далее того, что было даровано 17 октября. Вопроса о том, можно ли это сделать и что выйдет из такой однобокой реформы—Думы с решающим голосом, а Совета только с советующим, он не касался.

Конечно, мнение графа было поддержано А. С. Стишинским, но он подошел к вопросу более мягко. Остаться при старом он понимал—невозможно, нужно примириться с допущением в Государственный Совет выборных от страны, но нужно найти средство обезвредить эту уступку, а этого можно достигнуть, предполагал он, сохранив за короною право задавить враждебный элемент количеством назначенных членов. Благо этот способ вполне исторически приличный. Для него есть образец в истории древнейшей монархической конституции—в Английской. Надо сохранить за монархом власть неограниченно увеличивать число назначаемых правительством членов и всякое самовольство Совета будет в ежевых рукавицах. Поэтому он возражал только против предположения проекта, что „выборные члены призываются в равном числе с назначаемыми. Надо только, чтобы то или другое соотношение между категориями зависело непосредственно от воли Вашего Величества. Эта удочка клюнула. Прежде всего уразумел важность этого корректива П. Н. Дурново, который откровенно заявил, что он не знает как будет слагаться общественное мнение, но Верховная власть не должна лишать себя права уравновешивать мнения. К этому, конечно, поспешил присоединиться граф Игнатьев и, очевидно, не вполне отдавая себе отчет, граф К. И. Пален, заявивший: зачем закрывать пути Вашему Величеству? Надо исключить слова „в равном числе“. И совершенно неожиданно и, очевидно, непродуманно, князь Оболенский 2-ой.

Сам оффициальный автор проекта манифеста граф Витте высказался, конечно, за свое предложение, т. е. за сохранение равного числа членов выборных и назначенных, но защищал это предположение только с точки зрения утилитарной. Выходил он из часто повторяемой им мысли, что верхняя палата может спасти от необузданности нижней, что, она необходима, чтобы гарантировать консервативный строй государства, что верхняя палата должна представлять из себя буфер, что этим условиям вполне удовлетворяют те выборные элементы, из представителей которых будет состоять выборная часть Совета, как то 18 членов от дворянства, 6 от духовенства и, в особенности, 12 от промышленности, которых он признавал, почему

то, наиболее консервативными; по этому оставление равенства членов выборных и назначаемых, прибавил он, представляется только справедливым, и что оставление вопроса о равенстве числа членов без разрешения в законе дало бы только предлог к толкам. Впрочем, при дальнейшем ходе прений граф Витте забыл, а, может быть, притворился, что забыл о том. что он сам говорил о роли Думы, как *верхней палаты*, а заявил (стр. 15 протокола), что Думу и Совет *нельзя даже и сравнивать* с нижнею и верхнею палатами. Настоящий акт отнюдь не конституционный; никаких обязательств на власть Верховную он не налагает, что хотя он находит, что лучше сказать в равном числе, „но особенного значения—прибавил он—я этому не придаю". Такова была обыкновенная устойчивость графа Витте в его мнениях и оттого, понятно, как трудно было опираться на его мнение или рассчитывать на его поддержку в спорах.

В защиту положения манифеста о равном числе выступил прежде всего я, позволив себе сказать, что каждое учреждение должно быть образуемо с доверием к нему и что нет никакого основания предполагать, что все 98 выборных образуют оппозицию правительству. Меня всецело поддержали В. В. Верховский и А. А. Сабуров, прибавивший, что у правительства остается всегда великое средство борьбы с оппозициею—роспуск Государственного Совета. К нам присоединился князь А. Д. Оболенский I-ый и А. А. Половцев, прибавивший откровенно, что в прошлом году он согласился бы с А. С. Стишинским, но тепер надо считаться с веянием времени. Особенно горячо поддерживал нас В. Н. Коковцов, указывая, что это вопрос существенно важный, что сохранить это равенство необходимо не только потому что оно не опасно, но и с точки зрения пользы. „Весьма важно, будет ли учреждением снискано к себе доверие или не будет, несомненно, однако, что искусственный подбор подорвет такое доверие".

В заключение, к нашему мнению присоединился и Августейший председатель, заявивший: „оставить, как в проекте. Далее".

Но далее прения о манифесте не представляли какого либо особого интереса и совещание скоро перешло к проекту указа об учреждении Государственного Совета.

Позволю себе здесь маленькое отступление. Во время спора о комплекте назначаемых членов, В. Н. Коковцов, мотивируя свое мнение, обмолвился крылатою мыслью, что искусственное неравенство выборных и назначенных членов достаточной гарантии еще не представляет, так как и коронные члены могут оказаться не консервативными. Это верное и меткое замечание тогда особого внимания на себя не обратило.

Но впоследствии оно оказалось пророческим и сыграло большую роль в борьбе за преобладание партий. Прежде до реформы присутствующие члены Государственного Совета разделялись на две группы: одни действовали только в общем собрании, а другие, сверх того, и в департаментах. В числе первых находились три группы: великие князья, назначенные к присутствованию; состоящие министрами и главноуправляющими, и престарелые деятели минувших эпох, еще оставшиеся в живых, или хотя и новые, но почему либо к активной департаментской деятельности не привлеченные. С преобразованием Государственного Совета в числе назначенных 98 членов оказались *почти все* бывшие члены общего собрания Государственного Совета, кроме великих князей, и действительно дряхлых сановников. При том коэффициенте смертности, который, по законам природы, неминуемо сокращал вообще ежегодно число престарелых членов Совета; при еще менее значительном числе лиц, которые по собственной просьбе инвалидировались, т. е. перешли бы в ряды не действующей армии из присутствующих, в новом Совете группа членов по назначению весьма скоро приобрела бы весьма стойкий характер. Они превратились бы почти все в пожизненных представителей короны, пополняющихся по выбору монарха вновь назначаемыми из заслуженных и, *предположительно*, достойных деятелей разных ведомств. Никакого юридического основания для иного толкования статей учреждения Государственного Совета 11 и 9 не было. Правило ст. 11 о том, что списки членов Государственного Совета *ежегодно публикуются во всеобщее сведение*, одинаково относилось и к назначенным и к выборным членам, но никому не могло же придти в голову, что сроки выборов оканчиваются *ежегодно* с публикациею, а не продолжаются до истечения срока избрания! Таким образом, право *ежегоднего обновления* не из каких постановлений учреждения Гос. Совета ни буквально, ни исторически не вытекало; члены Гос. Совета всегда считались назначенными пожизненно. Только еще более высшая чем власть монарха, власть Провидения увольняла их в чистую отставку. Так смотрели на это все и в первую годину деятельности Государственного Совета. Хотя некоторые сомнения возникали уже и тогда. Так, после 1 января 1907 года, когда некоторые немногие сочлены не попали в списки назначенных, мною лично, с ведомо сотоварищей по группе, была составлена записка о неправильном толковании статьи 11-ой и неожиданном превращении публикации в назначение; записка была мною представлена Э. В. Фришу, как члену президиума, а черновик сохранился в моих бумагах, но Фриш уговорил меня не давать ей ходу, так как это было бы *не политично.* Каюсь, я смалодушничал и оставил вопрос без движения. Я, как и другие

члены партии центра, к которой я принадлежал, слишком оппортунистически смотрел на обновление Совета государственным рулевым 1-го января, так как изменение состава первые годы было главным образом направлено на передвижение „на покой" правых или безличных сочленов. Только позднейшия январския встрепки и в особенности предсмертный ураган монархии в 1917 году показали нам, что praecepta virtutis в числе коих значится honeste vivere должны свято соблюдаться или, как говорит народ, всегда надо помнить: „не радуйся чужой беде, своя не за горой", будет „близок локоть, да не укусишь". Отождествление публикации с назначением было уже возведено в парламентский обычай и стало прецедентом.

Но пойдем далее. Совещание перешло к рассмотрению проекта указа о Государственном Совете.

В основу преобразования была положена схема представительства интересов, намеченная комиссиею гр. Сольскаго. Останавливались только на подробностях, иногда даже на мелочах. Начали с представителей духовенства. Основной вопрос о том: должны ли быть представлены интересы церквей *всего* государства, или только одной господствующей православной церкви, как в комиссии, так и в нашем совещании не поднимался,—т. е. не поднималась и мысль, что на ряду с представительством интересов церкви православной могло бы существовать, хотя бы и в самой минимальной пропорции, представительство других автокефальных церквей, признаваемых нашими основными законами, т. е. представительство тех российских подданных, которые по ст. 66 и 67 пользовались свободою веры, не говоря уже, конечно, о старообрядцах и сектантах, каковы бы ни были догматы и учения ими исповедуемые, их близость и согласие с основами христианского учения и т. д. О представительстве этих церквей и учений не поднималось и вопроса. Нужна была буря, которая бы разметала казенные закрепы и запоры церкви Христовой и, надо надеятся, навсегда вырвала ее из синодальных тисков и поставила так, как хотел зиждитель церкви Христос—и прибавлю и „враги адовы не одолеют ю", как-бы не ополчались на нее современные насильники.

В совещании шла речь только о порядке выборов представителей монашества и белого духовенства, и спорили только о том, как смотреть на эти выборы—с государственной или канонической точки зрения? Восторжествовало первое, наше мнение, т. е. признали в этих выборах акт государственного строительства, но в компромисной форме: порядок выборов определяется синодом, но утверждается Государем.

Не буду останавливаться также на прениях, очень, впрочем, кратких и по существу своему второстепенных, отно-

сительно выборов представителей ученых обществ и коопераций, а также представителей от торговли и промышленности. Все они носили характер мелких замечаний, имели в виду подробности, но существа вопросов не касались. [1])

Несколько более подробные рассуждения возникли только по поводу тех статей учреждения Государственного Совета, относительно коих состоялись разногласия и в комиссии графа Сольского.

Так по вопросу о сохранении департаментов Совета, отдельно от общего собрания, составленных при том из выборных и назначенных членов, выступил автор предложения В. Н. Коковцов, но Государь склонился к мнению большинства, что образование специальных комиссий дело внутреннего распорядка и не должно быть регулировано в учреждении, и спор прекратился в самом начале. Гораздо более интереса представлял другой вопрос о доведении до Государя мнения нижней палаты в тех случаях, когда оно не было одобрено Государственным Советом. Мнение это в комиссии графа Сольского было высказано Н. Н. Кутлером, а в совещании было поддержено князем Оболенским 2-м. Сущность его состояла в том, что проект, принятый большинством Думы, но затем не получивший большинства в Государственном Совете, не считался отклоненным безусловно, а возвращался в Думу, где он подвергался новому рассмотрению, и если получал *квалифицированное большинство голосов* (не менее $^2/_3$ наличного большинства), то хотя бы он потом вторично и не был принят Государственным Советом, он всетаки представлялся Государю. Отдельное мнение Н. Н. Кутлера как бы предчувствовало ту сделавшуюся впоследствии действительным фактом возможность, что большинство Государственного Совета создаст из него пробку, которая будет затыкать на глухо всякие неправящиеся ему предположения, какое бы важное государственное значение не представляли они по существу. Премьер, по обычаю, высказался загадочно; заявив, что „высказанная князем мысль имеет несомненно психологическое значение, но что по рассудку он держится мнения большинства“. Но после решительного возражения Коковцова, видевшего в этом мнении подрыв всего нового построения взаимноотношения законодательных сфер, и после лапидарного, но веского заявления представителя правых П. Н. Дурново, который впоследствии, когда он был лидером правых, однако сам неоднократно пользовался этим средством заку-

---

[1]) Некоторые сомнения по этому представительству были указаны в главе о комиссии графа Сольского о реформе Государственного Совета.

порки предположений Думы о новых законопроектах, или, как у нас говорили, хоронил их по первому разряду,—заявления, повторяю, Дурново что если принять предложение князя Оболенского, то через два года верхняя палата перестанет существовать, диспут окончился реским возгласом председателя: „согласен с большинством. Далее“.

Но в действительности к этому вопросу пришлось воротиться в следующее заседание, и его новое обсуждение заняло значительную часть заседания 16 февраля. У графа Витте, очевидно, психология восторжествовала над логикою, и он почти в начале этого заседания попросил у председателя позволения возвратиться к вопросу, поднятому в заседании 14 февраля князем Оболенским 2-м. „Конечно, заявил он, порядок, принятый по проекту большинства комиссии в котором—замечу с своей стороны—был и он, существует везде на Западе, но у нас дело другое. Какая же будет психология крестьян?—скажут, думали что будет доступ, а между тем чиновники отделили нас от государя. Таким образом явится средостение, что крайне вредно“. Но тем не менее граф не считал возможным присоединиться к мнению князя Алексея Дмитриевича вполне, и предложил новую, по его словам, форму: вторичное мнение Думы не докладывается, государю, а лишь доводится до его сведения, а государь, если признает решение Думы правильным, дает свои указания министру, который вносит новый проект, другими словами он желал сохранить старый прием воздействия на монарха, так сказать, с заднего крыльца, т. е. тот прием, около которого шла битва и во время петергофского совещания. Правда, что по отношению к Думе эта система была более безопасна, так как радетелей мнения *большинства Думы* среди придворно-правой клики было бы очень мало и нашептывать с успехом было некому! разве в редких исключительных случаях!

Отповедь психологическому мнению графа дал В. Н. Коковцов, сказавший, что вопрос этот уже *окончательно* решен в прошлом заседании, что постановка, данная ему Сергеем Юльевичем, в сущности та же, как и князя Оболенского; что это предложение уничтожает Государственный Совет и уготовляет переход к одной палате; что мы не знаем, что будут говорить крестьяне, но что это противоречит тому, что говорилось в всеподданейшем докладе 17 октября графом Витте, где он признавал необходимым поставить рядом с Думою обновленный Совет, как охрану консервативного порядка. Интересно, что в ответе на это, последовавшем вслед за словами Коковцова, Витте упрекнул его, что Владимир Николаевич желает конституционного порядка, а он считает, что этого допустить нельзя. Владимиру Николаевичу пришлось

принять укор в защите парламентаризма, который был ему так не по душе.

А затем, позволю выразиться, пошла пальба из всех орудий по вопросу о том: началась ли у нас конституция после 17 октября или нет? причем, возражая графу Палену на его слова, что по манифесту 17 октября Россия будет управляться по конституционному образцу, Витте со свойственной ему решимостью заявил, что ни один факультет (?) университета не определяет конституции как граф Пален, и прежде всего потому, что у нас нет присяги государя на верность устанавливаемому строю, о чем хлопочат даже умеренные партии, как, напр., Союз 17 октября, что государь вводит новый строй по собственной инициативе. На это я, с своей стороны, указал, что никогда конституция не заключалась в присяге монарха, а существо ее состоит в участии в законотворчестве всех факторов законодательной власти, а это у нас на лицо. В конце спора Витте приобрел новых союзников в лице А. С. Стишинского и перешедшего на его сторону князя Оболенского 1-го, но за то утратил Дурново, который предложил, как бы резюмэ, что от установленного принципа равенства Думы и Совета отступать нельзя. Потом пошли мелочные предложения и поправки, вроде, напр., предложения М. Г. Акимова, что можно ввести постановление о том, чтобы доводить до сведения Государя о *всех делах*, которые будут рассматриваться в Совете и в Думе и т. д. Но эта перспектива наполнения царского времяпрепровождения необходимостью ознакомления с массою дел, так напугала государя, что он поспешил опять заявить: оставить все, как в проекте.

Возвращаюсь к заседанию 14 февраля. Некоторый интерес представлял далее не продолжительный, впрочем, спор по поводу разногласия в комиссии графа Сольского о допущении и об условиях допущения публичности заседаний Государственного Совета и Государственной Думы, причем в меньшинстве комиссии был сам граф Витте. Собственно говоря интересным представляется этот спор не для характеристики совещания, а для обрисовки фигуры графа. Следовательно он представляет интерес для будущего жизнеописания этой большой, но не сказал бы, очень крупной политической фигуры в новейшей жизни России. Витте человек был властный, бесспорно волевой, но вместе с тем не искренний, и в особенности не сердечный, добродушия в нем не было. Не могу, впрочем, не заметить, что не придаю моей оценке большого значения. Знал я его очень мало и более с внешней стороны, так что считать мое суждение о нем, его действительной характеристикою самомнительно. Думаю, что буду к себе только

справедлив, если скажу, что, межет быть, надлежащая характеристика его перу моему просто не под силу.

Для меня вполне понятно, как говорили про графа Витте, что он не пользуется симпатиями Двора, придворной шлифовки у него не было, хотя он и принадлежал и по рождению, и по воспитанию к привилегированному классу. Думаю, что государь его боялся, вроде того, как такой же безвольный его прародитель Феодор Иванович боялся Бориса Годунова. Хотя прибавляю, Витте не был Годуновым: не в ту он был меру, и не тот был у него стиль. Не могу только не сказать, что как ни любовно относился он ко мне, в особенности в начале наших отношений, но он никогда не был героем моего романа. Уж очень он был какой-то не настоящий. Не скажешь, где и когда был настоящий Сергей Юльевич? Так и по данному вопросу. В Портсмуте, например, он с‘умел втереть очки такой наметавшейся журналистике, как американская, и в два месяца успел поворотить ее, а за нею и общественное мнение и не только в Новом Свете, но отчасти и в Европе, на сторону России. Или же настоящий Витте был на царскосельском совещании? Достоверно только одно: совсем не то говорил он, а может быть и думал, у себя дома. В России, и что говорил в Портсмуте „Я опасаюсь, слышали мы,—публичности вообще... Председателю Государственного Совета, утвержденному государем, можно дать право допускать в заседание посторонних, но как предоставлять председателю Думы, неизвестному лицу, особые полномочия! При нашей необузданности, при нашей дикости—в первую же неделю возникнут самые основательные скандалы. Дипломатический корпус, конечно, пустить можно, но не тех, кто бросит моченые яблоки. Ведь в других государствах, самый народ культурнее! Вообще должен сказать „Посмотрите протоколы нашего совещания: там полное неразбериха Ведь в защиту публичности заседаний говорили не только маленькие либералы, как Икскуль, Оболенский 2-й и я [1]), но ведь даже сам Михаил Григорьевич Акимов защищал публичность и гласность против Сергея

---

[1]) Из записей барона Нольде усматривается, что в конце концов было принято мое мнение; остаться при редакции статьи 42 Булыгинской Думы. т. е. устранять публичность только по требованию большинства наличных членов. Не могу не отметить, высказанное С. Ю. Витте опасение, что публика будет травить министров, не оправдалось ни в одной из наших пяти дум: не тот у нас темперамент и не та масса наполняла места для публики не только в Государственном Совете, но и в Думе, даже и в самые бурные времена второй Думы. Витте в крайнем случае допускал возможны‹м› пустить публику в Думу, но только на условиях, выработанных председателем Думы по соглашению с председателем Совета министров, а таковым в тот момент был он, и, вероятно, не думал, что перестанет им быть через какие-нибудь два месяца.

Юльевича? Спас положение примьера только Дурново, переведя внимание на более близкий ему вопрос о полиции в Думе и условиях ее правильной постановки, и после резюме графа Сольского, царь окончил заседание, согласившись с мнением большинства комиссии и Совещания и о публичности заседаний и о думской полиции.

Затем после уже изложенного выше повторного рассмотрения предложения Кутлера-Оболенского о представлении государю проектов принятых Думою, но не прошедших через горнило Государственного Совета, пошли переговоры по тому же вопросу, который остался не решенным и на петергофском совещании, а именно о правильном устройстве финансового комитета, хотя и в этот раз ни к каким определенным решениям по сему предмету совещание не пришло.

Только в самом конце заседания перешли к проекту переустройства Думы. Но никаких особенных вопросов в Совещании по этому проекту нев озникало. Обменялись мнениями о сохранении отделов Думы, но оставили в силе постановления большинства, что это дело внутреннего распорядка, который должен быть установлен самою же Думою, а затем пошли мелкие замечания по отдельным статьям.

И надо думать, что августейший председатель почувствовал себя весьма облегченным, когда мог сказать: „теперь все пройдено“ и что он будет ожидать поднесения ему к подписи всех трех проектов, окончательная редакция которых была возложена на графа Палена, Э. В. Фриша, графа Сольского и графа Витте [1]).

---

[1]) Материалов по составлению окончательной редакции этих проектов ни у меня, ни в бумагах барона Э. Ю. Нольде не сохранилось.

Пересмотр основных законов в 1906 году.

I. *Предварительная заметка.*

Начиная очерк чрезвычайно интересного отдела реформы 1905-1906 г. г. о пересмотре наших основных законов с 7 по 12 апреля 1906 года, я остановился предварительно на соображении о том: можно-ли включить это в область мною „пережитого“ или нет? Казалось бы, что вопрос прост, а ответ так очевиден, подсказывается сам собою, что затруднение, повидимому, и возникнуть не могло. В этом совещании, под председательством Государя, я не присутствовал, значит, ничего не переживал, и, значит, говорить могу не как свидетель-очевидец, а как простой „послух“. Как переживать то, при чем не был? Разве в переносном смысле? Да ведь, однако, существуют миражи, когда невидимое становится как бы видимым, а „инде сущее“ преобразуется в как бы во-очию совершающееся. В совещании по основным законам почти в первую же голову была поставлена на обсуждение статья 2-ая, говорящая о Финляндии, а вопрос об этом рассматривался и в особой комиссии графа Сольского, образованной во исполнение манифеста 20-го февраля, в которой и я участвовал, причем ее заседания *29 марта* и *26 апреля*, как бы охватывали и царския совещания 7—12 апреля. Мало того, в бумагах канцелярии Комитета Министров существовала переписка [1]), касавшаеся особого моего отношения к предполо-

[1]) В письме графа Витте к барону Э. Ю. Нольде от 7 марта 1906 г. говорится: „Многоуважаемый барон Эммануил Юльевич, Николай Степанович не может, повидимому, быть в пятницу (в заседании Совета Министров,—мое замечание) Покажите ему письмо Н. Н. Герарда и усердно попросите его проектировать соответствующую статью или статьи по Финляндии. Искренно Вам преданный Витте, „7-го марта.—А вот мое письмо к барону Нольде, *также от 7 марта:* Дрожайший барон. Посылаю Вам мои измышления. Я работал, понятно, наскоро, ибо: 1) вчера получил проект уже после отхода ко сну; 2) сегодня же написал мнение о скоростоельном уголовном судопроизводстве; 3) побывал для собеседования у Э. В. Фриша, который увлек меня на 2 часа (считая в том числе пять минут заѣзда для выпития пива). Все остальное время я строчил. К Вам же я имею проше-

жениям графа Витте по ст. 2 проекта основных законов, т. е. о правовом положении Финляндии в отношении к Государству Российскому, и, наконец, о моем, так сказать, оффициальном участии в обсуждениях Совета Министров, в коем подготовлялся проект, говорится и в мемории [1]); все это делает из меня нечто среднее между свидетелем и послухом. Но хотя я был тогда уже официально ознакомлен с предположениями проектов основных законов Государственной канцелярии и канцелярии Комитета Министров, все таки, по зрелом обсуждении вопроса, я пришел к заключению, что часть не может заменить целаго, а потому и решил писать об этом обсуждении основных законов, как об отдельном любопытнейшем эпизоде перестройки в 1906 г. государственного уклада России, но не как о пережитом. При этом извиняюсь, что так как раз мною сделано, при воспоминаниях о петергофском совещании,— может быть, неудачное и вульгарное,—уподобление заседаний под председательством Государя, выпечке пасхального кулича, то эти заседания приходится отнести к изготовлению той верхней лепешки кулича, которая носила, как я упомянул, форму не креста, а шапки Мономаха [2]).

мне: отпечатать сие произведение, обратить особо сугубое внимание на его корректуру. (Теперь уже 9 часов и я еще его не перечитал, а скоро надо мчаться на поезд). Мне пришлите не менее двух оттисков, так как я один должен послать Э. В. Засим, отстаивайте мои убеждения, хоть бы по рецепту Путилова (Смысла этого замечания о Путилове не помню Н. Т.). Ваш Н. Таганцев. 7 Марта.

Я уезжал в тот день на Вышневолоцкое уездное земское собрание, где я был гласным".

[1]) По этому вопросу, как значится в мемории, в Совет Министров были приглашены: Финляндский генерал-губернатор Н. Н. Герард и председатель комиссии по разграничению общегосударственных и местных законодательств Н. С. Таганцев.

[2]) В моем изложении я буду пользоваться, кроме протоколов, заседаний совещания по пересмотру основных законов, моим архивом и бумагами, любезно сообщенными мне бароном Борисом Эммануиловичем Нольде из архива деловых бумаг его покойного отца. Не буду хвастаться, чтобы я исчерпал эти материалы, но feci quod potui, faciant meliora potentes. Прибавлю, что эти данные могли бы послужить одним из основ серьезной юридико-исторической работы, которая охватила бы не только ход событий этого коренного преобразования государственного уклада России, но и дала бы возможность обрисовать фигуры главных деятелей этого периода, а в особенности графа Сергея Юльевича Витте. Много раз горевал я, что нет у меня надлежащей подготовки и таланта, для такой в высшей степени поучительной работы. А как, думалось мне, хорошо бы было еще иллюстрировать это описание фигурами с полотна великаго мастера Ильи Ефимовича Репина, с его „Заседания Государственного Совета". Ведь там Витте, граф Игнатьев, граф Сольский, Победоносцев, Фриш, Плеве—все это живые типы. А как схвачен сам наш последний самодержавец, как на этой картине, так еще более сходно и выразительно на отдельном портрете, находившемся прежде в большом зале Государственного Совета.

2. Проекты Государственной Канцелярии и Канцелярии Комитета Министров.

20 февраля 1906 года граф С. Ю. Витте писал барону Нольде: „Государственная канцелярия *стряпает* проект основных законов. Нам передана прилагаемая *предворительная* редакция. Окончательная редакция по недавним предположениям вытечет из рассмотрения проекта в Совете Министров, а затем в общем собрании Государственного Совета. Будьте любезны, прочтите, продумайте, а затем прошу переговорить. Я бы очень просил вас посравнить с консервативными конституциями (Прусской, Австрийской, Японской, Английской,) и заимствовать от туда (подл.) полезные консервативные начала. Главнейшем же вопросом является вопрос: что такое закон и что такое декрет; у нас все (подл.) законы. Так управлять нельзя. Необходимо в основных законах определить, что такое закон и что может быть предметом декрета, и снабдить в этой области широким полномочием Совет Министров, или оставить соответствующее значение Высочайшим указам. Когда Вам будет угодно, после того, как немного пережуете дело, со мною переговорить, я к Вашим услугам. Сердечно Вам преданный гр. Витте.“

Как видно из бумаг барона Э. Ю. Нольде, он немедля приступил к исполнению возложенного на него поручения, и притом с присущею ему служебною мудростью, одновременно с личным изучением проекта, передал его состоящему на службе в канцелярии Комитета Министров, своему секретарю по делам управления Кавказом готовившемуся ранее к кафедре государственного права в С.-Петербургском университете И. И. Тхоржевскому, для составления по нему замечаний и необходимых пополнений, что и было выполнено Тхоржевским, по его словам, в одну ночь. Работа Тхоржевского на 13 страницах, свидетельствующая и о знакомстве с вопросом, и о выдающейся талантливости автора, представляет большой интерес. Автор представил барону Нольде целый ряд не только замечаний по содержанию статей, но и значительные к ним дополнения, на основании только что появившихся законов, а именно манифеста 20 февраля и новых правил о рассмотрении государственной росписи. Эти замечания, переделанные, а частью не переделанные бароном, в виде 65 пунктов, (в порядке статей проекта Государственной Канцелярии) и были представлены Сергею Юльевичу [1]). Я не имею точной даты,

---

[1]) Эти замечания Тхоржевского я буду указывать в дальнейшем изложении поправок канцелярии. Замечу, что как в них, так в особенности в перебеленных замечаниях барона Нольде, соответственно пожеланию графа,

когда был доклад и был ли он письменный или личный, но во всяком случае это было в конце февраля, так как уже 4 марта граф пишет барону Нольде: „сейчас я получил повеление Государя рассмотреть проект основных законов,—причем я получил проект, печатанный в редакции Вам переданной, а равно приватный экземпляр, печатанный на машине вместе с прилагаемыми замечаниями, без всяких особых замечаний Его Величества. Независимо сего, посылаю заметку Мехелина, касающуюся Финляндии, и предположение Н. Н. Герарда по етому предмету, обратите внимание (на) резолюцию Государя *о секретности*.

„Я думаю поступить так: составьте проект по совокупности всех замечаний (в том числе о чем мы сегодня говорили). Затем возьмите у барона Икскуля столько печатных экземпляров, сколько нужно для членов Совета. *Когда составим наш проект*, то разошлем печатный экземпляр его членам Совета с особым указанием о весьма секретности (так). Может быть, нам не следует рассылать, а будем на нем делать замечания и дополнения словесно? [1]). Желательно собрать Совет по этому предмету в конце следующей недели. Совершенно искренно Вам преданный Витте. 4-го марта. У Министров Ю. и Вн. Дел уже имеются печатанные экземпляры.

Таким образом подготовление пересмотра основных законов вступило в новый фазис и из лаборатории канцелярии Государственного Совета перешло в таковую же Комитета Министров. Но я полагаю, что прежде всего надо ознакомиться с проектом основных законов Государственной Канцелярии, и притом как с формальной стороны, т. е. с его соотношением к основным законам изд. 1892 г., а потом и с его содержанием.

С первой точки зрения, в проект Государственной Канцелярии вовсе не вошла значительная часть основных зако-

---

сделаны сравнительные ссылки на „консервативные“ конституции, всего чаще на японскую и прусскую (срав. указания под №№ замечаний барона: 3, 21, 22, 26, 27, 28, 29 и др.). Из письма Бориса Эммануиловича барона Нольде, ко мне от 1-го августа (18 июля) 1918 года, написанном в ответ на мой запрос о лице, которое могло писать для его отца предварительные замечания по проекту Государственной Канцелярии, он, сообщая, что таким был И. И. Тхоржевский, прибавляет, что отец дал прочесть проект Тхоржевскому и ему, и что он также сделал свои замечания. Далее он и говорит: „что Эммануил Юльевич Нольде рассказывал им потом, какия из их заметок произвели на Сергея Юльевича впечатление, и какие—нет, причем барон был удивлен, что ему казавшееся существенным, Витте казалось не существенным и обратно“. Из сопоставления некоторых данных позволяю себе думать, что коэфициент важности в усмотрении графа был не интересы свободы, а охрана неприкосновенности прерогатив, как иногда говорил и сам он, вспоминая взгляды и усмотрения „тяжкодума“ Александра III-го.

[2]) Из бумаг Э. Ю. Нольде видно, что в заседаниях Совета Министров было принято *последнее* предположение графа Витте.

нов, а именно из 179 статей оставлено вне пересмотра 134: весь Отдел II об императорской фамилии, а из первого отдела подразделения II-VII. Таким образом признаны подлежащими пересмотру только три отдела: первый, о существе Верховной Власти (ст. 1, 2), восьмой — о законах (Ст. 47- 79) и девятый о власти Верховнаго управления (ст. 80 и 81). Оставление без рассмотрения указанных частей могло быть об'яснено тем, что все они не затрогивались изменениями государственного строя России, которыя произошли в период 1905-1906 г. г. и которые были предметом моих прежних воспоминаний. Недоумение возникает только по поводу одного седьмого отдела основных законов „о вере", ст. ст. 40-46. Конечно, можно было утверждать, что ст. 41 о том что император может исповедывать только веру православную, осталась непоколебленною: точно также можно было с известным не лишенным основания предположением утверждать это и о ст. 42, трактующей о первенствующем положении в Российской империи православной веры Восточнаго исповедания; даже можно было признать, что до созыва Вселенского собора не могли быть поколеблены не только существо, но и выражения ст. 42-ой, взятой из Акта об учреждении св. Синода 1721 г., что император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель просвещения и всякого в церкви святой благочиния, дополненной в цитате: „что в сем смысле император в акте о наследии престола 1797 Апр. 5 именуется *главою церкви*", и ст. 43, что в управлении церковном Самодержавная власть действует посредством святейшего Правительствующего Синода. Но несомненно, что статьи 44-46, относящиеся к подданным Российского государства, не принадлежащим к господствующей церкви, не только могли, но и должны были подвергнуться пересмотру, в виду согласования их с постановлениями манифеста 17 Октября о свободе веры и, в особенности, с указом 17 Апреля и возглашенными им истинными началами веротерпимости. Не могло на эту часть основных законов распространяться безусловно и то положение, что основные законы подлежат пересмотру *только* по почину Государя. [1]).

---

[1] Не могу не заметить, что в издании основных законов 1906 г. статьи 62-68, т. е. глава 8-ая, перепечатаны *буквально* с издания 1892 г., но под *каждою* статьею подведена новая подцитатная сноска: „1906 апр. 23 ст. 24" Это указание могло иметь только один смысл что все постановления этой главы включены в законы основные и, следовательно, почин их пересмотра принадлежит только государю. На указ 17, апреля 1905 г., конечно, ни в тексте статей, ни в подстатейных цитатах никакого намека не содержится. Правда, в основных законах изд. 1906 г., потом (указ 1906 г. — Апр. 23, ст. 39 г.) появилась ст. 81, соответствующая по содержанию ст. 44 и 45 изд. 1892 г., но и она показана в указателе, *как новая*.

Перехожу к обзору существа проекта, то есть главных граней того, что содержал проект основных законов, выработанный Государственной Канцелярией. Не смотря на полупрезрительный отзыв Витте в приведенном выше письме, что канцелярия „состряпала“, проект носил на себе следы продуманности, а, главное, искреннего желания схватить сущность новых захватов жизни и вынужденных уступок самодержавной власти. Составители писали, правда, робко, так сказать с оглядкою. Но и задача была нелегкая. Ведь все почти чувствовали, а многие знали, что власть уступила, скрепя сердце, думая про себя, что это ураганный песок, залепляющий глаза, который, благодаря „угодникам“, пронесется! Теперь то мы знаем, что это были первые приступы тех летучих песков наших юго-восточных окраин, по поводу которых сведущие люди давно предостерегали, что если не принять рациональных мер ограждения, то они не только залепят глаза, но и засыпят, а тогда? С другой стороны, и работа по существу была также нелегкая! Основные законы первого тома свода: ведь это была та святая святых, в которую могли проникать только посвященные в высшия степени культа жрецы, преисполненные величием святилища, а разбираться в этом мистическом тайнике стали, да и то за последнее время, лишь молодые жрецы, вкусившие начала познания сущности элевзинских таинств.

Ведь проект, впервые, пытался определить и оформить самое верховное существо святилища; исчислить, определить и начертать проявления всепоглощающего; дать им более точное изложение и, в то же время, что, по крайней мере в глазах некоторых из руководивших священнодействием составляло самое главное, не умалить в начертании силу и власть изображаемого.

Во время предшествующих совещаний о государственной реформе России, как я говорил ранее, старые и заслуженные юристы не раз напоминали, что наш свод творение великого Сперанского и что к нему надо подходить с надлежащим почтением, а не с кондачка. Прибавлю, в этих предостерегающих отзывах слышалась не одна осторожность старости, а много житейского опыта, знания и правды. И в моих глазах, и по моим убеждениям, хотя и не первоклассного, но все таки, позволяю себе думать, кое-что прочитавшего юриста, Михаил Михайлович Сперанский был величайший самородок юридических россыпей России. Нельзя не преклоняться перед его творческою мыслью и талантом законодательного изложения, и притом не только в его планах, но отчасти и в выполненных им сооружениях государственного строительства. Для тех, кто основательно знаком с предположениями реформ графа Сперанского, кто научно и сведуще смотрел на воздвигнутые им храмы Афины Паллады, в виде „Первого полного собрания

законов“ или даже „рыночного“ пятнадцатитомного (ныне шестнадцатитомного) „Свода Законов“ для тех мои слова понятны и вразумительны.

Но при создании в 1832 году той части свода, в которой помещались законы основные, как я уже раз говорил, строитель был не „Сперанский-реформатор“, а „Сперанский-исполнитель“, испытавший и тщету монарших благоволений, и силу полупрепрезрительной ненависти чуждых „бывшему поповичу и домашнему секретарю“ представителей властных сфер и злобное хватанье и укусы мелких шавок, усердствующих прихвостней родовитости и почета, и, наконец, сказывался его, невольно поддавшийся физической тяжести только что перенесенной опалы, организм.

А, с другой стороны, нельзя забывать, что именно в сфере основных законов Сперанский очутился лицом к лицу с верховным жрецом не того металла, а главное и не того отлива, каким был прошлый его повелитель, романтический искатель мировых приключений, который даже и в царственной галлерее Романовых изображается скачущим на белом коне среди ласкающих пейзажей—Рюисдаля; встретился Сперанский с властителем, уже свыкнувшимся с тяжелою, одуряющею атмосферою храма власти, а главное, искренне верующим в непреложную мистическую силу самодержавной благодати, с жрецом во вкусе древне-египетском: с мертвящим стальным взглядом и не сгибающеюся дланью.

Где тут искать творчества, исчерпывающей полноты и системы, когда излишняя определенность сама в себе заключала уже недостаток почтения к святыни власти.

Да простят мне читатели этот возвышенный тон: нас учили когда-то, „что важности предмета приличествует и важность изложения“!

Проект Государственной Канцелярии начинался с определения материальной структуры государства, его территории (ст. I). Статья эта вмещала в себе две части: описательную-Российская империя состоит из всех находящихся в державном ее обладании владений, и определительную в тесном смысле: „и составляет единое и нераздельное государство“. Первое же замечание Тхоржевского, принятое и бароном Нольде, и состояло в предложении исключить первую часть, как ослабляющую существенное утверждение второй, что и было принято при дальнейшем редактировании проекта и создало первую предполагавшуюся государственной аксиомой статью, оказавшуюся, увы! теоремою, да еще признанною зловредною. Затем последовала вторая статья, о Финляндии, неразрывно связанной с Россиею, сданная ныне, мне все еще думается, не окончательно, в архив „Смольного“! Первая статья дополня-

лась статьею об едином общегосударственном языке, обязательном в высших и центральных учреждениях, а также в армии и флоте, как основном придатке понятия единого государства. Наконец, статья 3-ья этих" „prolegomena" гласила, что государственные границы могут быть изменены *не иначе* как на основании особого о том закона. Эта статья предположена Тхоржевским, а потом и бароном Нольде, с чем согласился и гр. Витте при исправлении им проекта, к исключению, на том основании, что далее по ст. 11, заключение всяких договоров с иностранными державами отнесено к прерогативам монарха, а по этой статье для этого требовался особый *закон*, т. е. требовалось предварительное обсуждение такого договора законодательными учреждениями [1]). Не предвидели тогда эти защитники незыблемости прерогатив монарха, что наступит момент, когда все эти прерогативы обратятся в ничто, и когда растрясутся накопленные былыми державными скопидомами „закромы" матушки „святой Руси" ее временными властителями, не признающими или, в значительном числе, *не понимающими* государственного значения слова „отечество", а заменившие его пустопорожним понятием „самоопределение народностей": и осталась наша Русь, как „калика побируха", окруженная чудищами, кои, по выражению Третьяковского, „облы, озорны, стозевны, стоглавы и лайя".

Затем в проекте следовала глава об императорской власти. В прежних законах все существо Верховной власти исчерпывалось в двух эпитетах — монарх самодержавный и неограниченный, а затем шло уже византийское велеречие, гласившее, что повиноваться верховной Его власти не токмо за страх, но и за совесть, сам Бог повелевает, с цитатою из Петровского указа 25 января 1721 г. Проект посягнул на это велеречивое определение, устранив оба секраментальные и не соответствующие более манифесту 17 октября и всем бурным событиям осени 1905 г., атрибуты приписанные монарху. Формула его была совершенно проста: Верховная власть в Российской Империи принадлежит Государю Императору (ст. 5) [2]).

---

[1]) Не могу не прибавить, что это софистическое возражение, определившее исключение ст. 3, относится не к редакции первоначального проекта, а к внесенной уже на обсуждение Совета Министров, так как в ст. 11 прежде было *добавление* о том, какие именно *договоры* воспринимают силу не прежде, как по одобрении их Государственным Советом и Государственною Думою.

[2]) Это по редакции проекта № 1. В редакциях исправленных канцелярнею Комитета Министров, была сделана добавка „Самодержцу Всероссийскому"; а в редакции, принятой Советом Министров прибавлена вторая часть, не имеющая реального содержания, повторяющая слова указа 1721 г. — „повиноваться власти Его и т. д.".

Но за этою статьею следовала неожиданно, другая (6-ая) „Особа Государя Императора священна и неприкосновенна“; сопоставление же этих двух основных статей приводило к неожиданным результатам. В прежних основных законах сумма верховных прав, создающая понятие самодержавности и неограниченности, относилась к идейному понятию, которое могло быть и священно, хотя, замечу, приэтом ни в одной статье такого эпитета не употреблялось, а в проекте основных законов Государственная Канцелярия, так сказать, узурпировала право, которое могло принадлежать только священному собору и таким образом, наряду с перечнями *священных предметов*, которые и прежде знали наши уголовные законы, поставила еще понятие „священной особы“, создавая этим новые совершенно неразрешимые канонические затруднения; а за первым шел второй эпитет — „особа неприкосновенная“. И в уме невольно возникал вопрос: как же это так? А Павел, Петр III, Іоанн Антонович и, наконец, уже на нашей памяти Александр II — разве они были неприкосновенны? Очевидно, и этот эпитет прибран столь же неудачно, как и понятие „священной“ особы. Ведь, если мудрствовать лукаво, то можно придти к предположению, что ст. 5 была придумана для оправдания „самозванства“: умер, но жив, потому что неприкосновенен. Правда, по монархической идеологии, царь не умирает: „le roi est mort, vive le roi!“ но ведь это же не есть *прерогатива особы*. Если бы, скажу далее, пришлось бы, например, в кодефикационном порядке подводить цитаты под ст. 6, то на что могли бы сослаться составители? Разве на *самих себя*, на свой же проект. Для такого постановления не было ни исторического, ни юридического, ни просто логического основания! Всю юридическую несуразность этой статьи свидетельствовали *сами* составители в следующей ст. 7 проекта. Она начиналась так: „те же (ст. 5) права и те же (ст. 6) преимущества“ принадлежат и т. д., — значит, ст. 6 хотела создать нечто в роде „преимуществ, лично и по состоянию, императорам присвоенных, о которых говорит улож. о наказ.“?

Далее в проекте следовало перечисление отдельных областей прав, в которых может проявляться власть верховная в порядке управления, начиная с области законодательной, которую по ст. 5 государь император осуществляет совместно (по позднейшей редакции Канцелярии Совета Министров „в единении“) с Государственною Думою и Государственным Советом, причем в последующих редакциях проекта, *порядок* перечисления учреждений был изменен. К этому проект добавлял еще, что Государю принадлежит почин по всем предметам законодательства, а ограничения, существовавшия в этом отношении для других факторов законодательства, указыва-

вались в соответствующих статьях (ст. 51). Ему же присвоивалась власть утверждать законы и указы, необходимые для их исполнения, даже делать пополнения к ним в пределах закона. К этому, однако, первоначальный проект добавлял, что указы эти не могут приостанавливать действия законов или делать из них из'ятия. Законы могут быть дополнены указами, если право издания таковых предусмотрено теми законами. Затем шел перечень прав Монарха в порядке верховного управления, в виде права назначения и увольнения органов управления, кроме случаев, особо законом установленных; в верховном начальствовании над вооруженными силами России; в осуществлении власти судебной, в частности в осуществлении права помилования. Этот перечень дополнялся постановлениями о расходах на Министерство Двора и перечнем отделов основных законов, не подлежащих пересмотру, о котором я уже упоминал.

Наиболее трудностей представляла следующая глава, носившая первоначально краткое название — о правах российских подданных. Она являлась новшеством, созданным в жизни России под'емом мыслей, ожиданий и требований просыпающейся страны. Она представляла собою этюд здания, воздвигаемого па зыбкой почве Петербурга под впечатлением монументальных сооружений минувших времен держав Запада — „magna charta“ и „déclarations du droit“ хотя при первом же соприкосновении „проекта розовых увлечений“ с способом изложения Комитета Министров, она прежде всего приобрела более прозаическое дополнительное определение: „об *основных* правах и *обязанностях* российских граждан, причем в самом законе 23 апреля 1906 г окончательное заглавие главы восьмой осталось: о правах и обязанностях российских граждан, без ограничительной добавки „основных“. Главная трудность проектирования этой главы состояла в том, что тут нельзя было проявить ни кодефикаторского, ни даже просто творческого таланта, а приходилось ограничиваться, так сказать, простым придумыванием.

Конечно, было и на Руси время, когда говорили о новгородской и псковской *вольницах*, не в смысле более поздних терминов разбойной неподвластности известных единений ничьей воле, кроме желудка, да мускульной силы, а в смысле понятия организованного „мира“, „круга“, „веча“; но ведь эти стародавния представления была быль, которая, давным давно, былью поросла. Ведь по ним прошла придушившая народную жизнь злая „батыевщина“, а за нею не менее тяжелое ярмо великокняжеской и царской власти с Византийскою орифламмою... Ведь надо было изобрести права граждан для тех, которые волею судеб и течением времян, под завывание октябрь-

ских бурь из „царевых людишек“, „холопов“, обладающих только правом „челом бить“ и „слезно просить“,—претворились в граждан; да не в смысле „почетных“ или „личных“ по терминологии законов о состоянии, а в заправских „citoyens“; от того привычное ухо законника уловило даже в редакционном изложении статей: „все российские подданные“ („каждый рос. подд.) и т. д. (ст. 19, 28, 32 и т. д. нумерации редакции № 1) звуки торжественного характера „декларации прав“. [1])

Что же остается сказать о содержании перечня о вольностях граждан российских. В этой главе рядом с воспрещением входа в помещение без согласия хозяина стояло такое важное политическое право: „частная переписка не подлежит задержанию и вскрытию, за исключением случаев, законом определенных“. Но эта вольность, хотя и сходная с правилом, находящемся в судебных уставах, была исключена по замечанию Тхоржевского, поддержанному бароном Нольде, по соображениям политическим, без всяких дальнейших пояснений а в сообщенном мне тогда официальном экземпляре, с добавкою: „так как в настоящее время может нанести большой ущерб государственной безопасности“.

Затем следовало постановление, что каждый российский подданный волен свободно избрать место жительства и занятия, приобретать имущество, беспрепятственно выезжать за пределы государства (ст. 27); что граждане вольны собираться как в закрытом помещении, так и под открытом небом (ст. 28); вольны высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами (ст. 29); вольны образовывать общества и союзы, даже вольны обращаться к государственным властям с ходатайствами по предметам общественных и государственных нужд (ст. 32) [2]). Справедливость требует прибавить, что в этом перечне свобод были помещены многие заимствования из судебных уставов (ст. 20-25)

---

[1]) Должен отметить, что другая редакционная особенность изложения этой главы в проекте Государственной Канцелярии, что российские подданные вольны делать „то-то“, напоминающая стиль польских статутов о вольностях, и вытравленная тщательно потом из редакции основных законов (ср. статьи 27, 28, 29, 30), не обратила на себя внимание стилистов канцелярии Комитета Министров.

[2]) Любопытно, что воскрешение этого права „печалования“, и при том без особого на сие соизволения, казалось бы, самое скромное по своему существу, было первою вольностью, не пропущенною политическою цензурою канцелярии Комитета Министров. Внешний повод— было равноправие держателей государственных сил: если нельзя подавать петиции и являться с жалобами в палаты, то разумеется, нельзя подавать таковые и другим государственным властям, хотя бы и монарху: Но, конечно, закулисное освещение было иное: ведь, от этих петиций легко перейти и к „хождению в Версаль“ или к чему нибудь подобному. Увы! оказавшееся „тщетною предосторожностью“.

некоторые даже дословно. При том же все это перечисление вольностей содержало в каждой статье предохранительный клапан: „на сколько это не противно“ или „дозволено“, или „определено“ законом. Но чтобы и эта хартия свобод не показалась „призывным звоном Вадима“, и чтобы российский подданный и в грезах не увлекался и не вообразил себя свободным бриттом или окрыленным свободою галлом, последняя статья этой главы добавляла: что законом могут быть установлены из'ятия из этих свобод—*для лиц*, состоящих на *действительной службе* и *для местностей*, об'явленных на военном положении или в положении исключительном. Причем творцы перечисления прав заботливо напоминали, что существующия в сем отношении особые постановления (охватывающия своим действием 3/4 страны), сохраняют свою силу впредь до пересмотра их.

Так и слышится насмешливый голос трубача свободы—Беранже; „Друзья, примите мой совет: умеренно вкушайте наслажденья, где крайности—там наслажденья нет! От благ мирских мы здесь не оберемся“.

За перечнем в проекте Гусударственной Канцелярии прав Государя Императора в их совокупности и в отдельных проявлениях и за обрисовкою в общих контурах прав подданных, следовала глава о fundamenta regnorum т. е. о законах, причем первая же статья этой главы указывала на всю сущность произошедшей перемены, так как указание статьи 47 (изд. 1892 г. (Империя Российская управляется на твердых основаниях положительных законов, учреждений и уставов, *от самодержавной власти исходящих*, в проекте заменено другим: в порядке „*сими основными законами установленном*, т. е. через Государственную Думу и Государственный Совет, выражением, замененном потом упрощенным выражением „в установленном порядке“. Этот отдел далее в первоначальном проекте ничего особенного не представлял и к нему я возвращусь в следующем отделе, где позволю себе прибавить еще несколько указаний и об изменении общего начертания прав подданных, происшедшего в период рассмотрения проекта „в Совете“.

Следующая глава „о Государственной Думе и Государственном Совете“ по отношению к своему заглавию по проекту № 1, особых замечаний ни Тхоржевского, ни барона Нольде не вызвала, но в первой же корректуре (помеченной в бумагах барона красным карандашем „весьма секретно“) был переставлен порядок названия учреждений, а самая глава была пополнена на основании только что опубликованного закона 20 февраля, состоявшегося после февральского царскосельского совещания, о котором мне уже приходилось вспоминать, и наиболее важных вновь изданных постановлений из новых

сметных правил. Наконец, такие же пополнения и изменения были сделаны и в последней главе о председателе Совета министров и министрах. и об условиях их ответственности, которые были также далее об‘единены и согласованы с положениями закона 19 октября об об‘единении деятельности министерств, причем сюда же была включена Тхоржевским, дополнительная статья, на основании многократно выраженных графом Витте пожеланий поместить в основных законах определенную статью, устанавливающую различие между указами и „декретами*, а именно была внесена статья 69: „обязательные постановления, инструкции, издаваемые *Советом Министров* (вставлено потом графом Витте в его корректуре) Министрами и Главноуправляющими, а также другими на то уполномоченными государственными и *общественными* (было внесено бароном Нольде и исключено графом Витте учреждениями, не должны противоречить законам“.

В особенности интересны были замечания Тхоржевского относительно последней статьи этой главы. По проекту Государственной канцелярии она гласила: “за нарушение постановлений основных законов и за нанесение тяжкого ущерба интересам Государства превышением, бездействием или злоупотреблением власти, министры могут быть привлекаемы Государственною Думою или Государственным Советом к ответственности с преданием Верховному уголовному суду„. По поводу ее Тхоржевский указывал: “первая часть статьи 65-ой, касаясь весьма спорного и сложного вопроса о политической ответственности министров, является вместе с тем совершенно не определительною. Осторожнее поэтому ее исключить и оставить лишь вторую часть означенной статьи, устанавливающую хотя и в общих, но реальных очертаниях гражданскую и уголовную ответственность министров; что же касается политической ответственности министров, то правильнее, казалось, не определять ныне же порядка такой ответственности, и ограничиться лишь принципиальным упоминанием о ней въ ст. 64-ой. Любопытно, что барон Нольде, принимая это замечание, еще резче мотивирует неприемлемость статьи: “статья эта в первой части устанавливает весьма неопределенное, *скажу более, загадочное правило* о политической ответственности министров. Неизвестно, почему нужно для такой ответственности нарушать непременно основные законы и причинять интересам государства непременно тяжкий ущерб? Граф Витте ограничился только отметкою на докладе—“да„!

3. Рассмотрение проекта в Совете Министров.

Подготовленный к пересмотру и отпечатанный проект основных законов был представлен бароном графу Сергею Юльевичу, надо полагать, около 7 марта [1]). Хотя сравнивая теперь этот печатный экземпляр с докладною запискою барона, о которой я говорил выше и на которой значились *отметки* Сергея Юльевича, и притом *даже утвердительныя*. оказывается, что они не были внесены в печатный экземпляр, ему представленный, хотя и вошли впоследствие въ проект канцелярии, *обсуждавшийся* в Совете Министров. Замечания графа Сергея Юльевича, отмеченные на его экземпляре, из которых многие приведены уже мною, имели второстепенный характер, но, однако, с общею тенденциею: как бы не умалить державных прерогатив власти и не расширить безосновательные надежды подданных. Но независимо от этого, до рассмотрения проекта в Совете Министров, графом Витте были сделаны некоторые подготовительные экскурсии, заслуживающия, по моему мнению, документального зарегистрирования. Во 1-х, по укреплению Верховных державных прав в области внешней политики, Витте обратился к профессору Федору Федоровичу Мартенсу, который был вместе с ним на мирных переговорах с Японскими уполномоченными в Портсмуте. Как видно из *весьма секретной* докладной записки Мартенса, Сергеем Юльевичем было предложено ему проредактировать статью основных законов, обеспечивающую свободу действий Верховного Правительства в делах внешней политики, которую невозможно *вести всегда открыто и публично*, каковые постановления, по указанию графа, существуют будто бы в Японской конституции. Профессор Мартенс с лойальною, но вместе с тем весьма твердою отровенностью удостоверил, что такого специального постановления *не находится* в Японской конституции что, на против того, новейшая история Японии дает несомненное доказательство о том, что по делам внешней политики пред'являлись не только запросы в Японском парламенте, но и вызывались министерские кризисы, и как раз, например, после заключения Портсмутского мирного трактата. Далее Ф. Ф. Мартенс заявлял, что и в конституциях или основных законах *всех* других наций нет *ни единого слова*, обеспечивающего *неограниченную свободу* правительства по делам внешней политики и в заключение профессор Мартенс ставит вопрос: желательно ли внести такое ограничение в наши основные законы, и отвечает на это *отрицательно*, заявляя, что такая прерогатива Государя во 1-х, не ну-

---

[1]) Записка Витте: "Многоуважаемый барон Э. Ю. Я сегодня к Вашим услугам в 9 часов вечера, если Вы готовы. Искренно Вам преданный Витте. 7 марта„.

жна, так как от него и без того зависит направление внешней политики, и кроме того от Государя же зависит назначение министра иностранных дел, а во 2-х, нет возможности из'ять от всякого контроля со стороны людей, облеченных доверием народа и имеющих поручение охранять его жизненные интересы, вопросы мира и войны, слишком чувствительно затрогивающие вопросы о жизни и смерти народа; ко всему он добавляет в 3-х, что вместе с тем нет государства, в котором была бы установлена обязанность Министра Иностр. Дел отвечать на обращенные к нему вопросы, а парламентские речи таких министров, как лорд Пальмерстон и князь Бисмарк, дают блистательные примеры того, как отвечают руководители политики свободных государств.

Другой вопрос, который также особенно интересовал графа Сергея Юльевича, был определение в основных законах государственнаго положения Финляндии: как видно из приведеннаго выше его письма к барону Нольде, этот вопрос возник не по инициативе графа, а ему вместе с проектом была прислана записка по этому предмету финляндскаго сенатора, лидера шведско-финляндской партии, многоизвестного Мехелина и контр-мнение бывшаго генерал-губернатора Финляндии Н. Н. Герарда.. По этому вопросу, как я тоже указывал, граф Витте обратился ко мне с предложением составить соответствующия статьи. Конечно, теперь, среди международной разрухи государственнаго бытия России, вопрос о положении Финляндии, как будто, исчез из нашей государственной орбиты, но сказано ли этим последнее слово в мировой истории,—ни я, да, смею думать, и никто в настоящее сумбурное и в некотором отношении катастрофическое время, быть пророком едва ли решится. Поэтому я полагаю не только интересным, но, думаю, необходимым занести в летопись истории высказанныя по этому поводу главныя мнения. Член Финляндскаго Сената Мехелин стоял исключительно на точке зрения не только чуждой, но и враждебной России, и притом,—что я упорно повторяю,—не финской, а шведской, или, вернее, антирусской; Н. Н. Герард, как руский генерал-губернатор Финляндии, стал на защиту государственных интересов России. Затем я, может быть, неумело, недостаточно научно, но во всяком случае, говорю чистосердечно, вполне убежденно держался того воззрения, что если с одной стороны, для государственного *бытия России безусловно необходимо*, чтобы кровь наших предков, которой были залиты угрюмыя финския скалы, не пропала задаром, и чтобы Финляндия не была отделена от России, то также необходимо, чтобы *жизненные* интересы этой страны, вполне заслуживающей, за честный и прямой уклад жизни и нравов *тогдашних* финнов, получи-

ли бы необходимую охрану. Я полагал, да и теперь продолжаю думать, что жизненные интересы Финляндии гораздо более обезпечиваются в единении с ея восточною соседкою, т. е. Россиею, чем в подчинении ея западному шведскому владычеству, за которым скрывается еще более разрушительный для Финляндии и чуждый ей юнкерский немецкий бронированный кулак [1]).

---

[1]) *Записка П. С. Таганцева, по поводу проэкта ст. 2 Основных Законов.*

I.

Статья 2 гласит: „Великое Княжество Финляндское, состоя в державном обладании Российской Империи и составляя нераздельную часть Государства Российского, во внутренних своих делах *управляется на особых основаниях*".

Я *совершенно* приемлю эту редакцию, как вполне соответствующую всей истории наших отношений к Финляндии, но полагал бы только заменить последние слова этой формулы таким положением: „управляется особыми установлениями на основании особого о сем законодательства".

Напротив того формула сенатора Мехелина: „Великое Княжество Финляндское, нераздельно *соединенное* с Российской Империей и составляя в международных отношениях часть Российской Державы, управляется по своим особым Основным Законам" *совершенно* извращающая и исторические отношения России к Финляндии и ее современной государственное положение, не может быть принята даже и с поправками, без существенног ущерба для России.

Я не имею времени привести *подробные* доказательства правильности текста проэкта статьи 2 Основных Законов, но позволю цитировать лишь то, что я печатал по сему предмету.

Финляндия *никогда* не соединялась с Россиею, а была *присоединена* к ней силою оружия и затем окончательно уступлена нам Швецией.

Присоединение Финляндии совершалось постепенно. Еще при Петре Великом по Ништадтскому договору перешли во владение России Выборг и Кексгольм с их дистриктами; по миру Абосскому границы России передвинулись к реке Кюмени, причем из всех этих частей была образована губерния Выборгская, в которой было введено общее имперское управление. Наконец окончательно завоеванная Россиею Финляндия была уступлена нам Швециею по Фридрихсгамскому договору 5/17 Сентября 1809 г.

По IV статье договора Король Шведский за себя и своих приемников *отказался* от *непринадлежавшей* еще нам части Финляндии по реке Торнео и выразил, что Финляндия отныне будет состоять *в собственности и державном обладании* Империи Российской и к ней навсегда присоединяется. Эти же самые выражения были повторены и весьма недавно в Манифесте Императора Александра III от 28 февраля 1891 г., а потому употребленные выражения в статье 2 являются совершенно исторически обоснованными.

Равным образом еще в манифесте 20 марта 1808 г. император Александр I между прочим высказал: „страну сию оружием нашим покоренную, Мы *присоединяем* отныне навсегда к Империи Российской". Поэтому употребленное Сенатором Мехелином выражение: „*соединенное* с Российской Империею" представляется совершенно неправильным.

Равным образом представляется совершенно неприемлемым выражение формулы Мехелина „состовляя *в международных отношениях* часть Российской Империи", ибо Финляндия есть часть России не только в международном, но и в государственном смысле. В подкрепление этого я по-

Заседаний Совета министров, посвященных рассмотрению проэкта, было, как видно из „мемории“,— пять. Из них первое было 10 марта, на которое я не попал за выездом в вышневолоцкое земское собрание. Оно носило характер подготовительного, но уже и по первому заседанию проявились два главные течения по самому вопросу *о необходимости* пересмотра основных законов. Представителем излишности и

зволю себе цитировать Манифесты Царствующего Императора от 3 февраля 1899 года, в котором сказано: „Великое Княжество Финляндское, войдя с начала нынешнего столетия *в состав* Российской Империи, пользуется по великодушному соизволению блаженные памяти Александра Благословенного и Его Державных Приемников особыми в отношении внутреннего управления и законодательства учреждениями“; и 7 июня 1901 г. „вслед за включением Великого Княжества Финляндского *в состав* Российской Империи“.

Не могу не добавить, что обыкновенно цитируемый защитниками Финляндской унии сейм в Борго 1809 г. и данная им присяга не имеют никакого особенного юридического значения уже потому, что, составлявшая неразрывную часть Швеции—Финляндия не могла самостоятельно распоряжаться своими судьбами, да еще в то время, когда ее войска входили в состав оборонительных сил Швеции и боролись с неприятелем, т. е. с нами, и притом, как во время сейма, так и после него.

II.

Но мне кажется, что этою статьею нельзя ограничиться при пересмотре наших Основных Законов. В них должны быть с большею точностью определены, с точки зрения державных прав России, те правовые нормы имперского законодательства, которые ео ipso, распространяются и на Великое Княжество. Необходимость этого положения предусмотрена и в предположениях Его Высокопревосходительства Николая Николаевича Герарда, проэктировавшего кроме 1 и 2 статей, соответствующих 2-ой статье проэкта, еще 3 и 4 статьи, и отвечает желаниям Финляндии, так как например в последней комиссии, бывшей под моим председательством, финляндские сочлены высказали пожелание ввести подобное правило в законы.

Я полагал бы возможным поместить это правило в главе I-й в конце, в ст. 19^1 и приблизительно в такой редакции:

1. Император есть вместе с тем и Великий Князь Финляндский, коему принадлежит Верховная в Великом Княжестве власть.

2. Посему права, Императору принадлежащие по силе статей 11. 13 и 14 Законов Основных Империи, распространяются и на Великое Княжество,

3. Равным образом и постановления сих законов, как они установлены ныне или впредь будут установляемы: о восшествии на Престол Императрицы (ст. 7, ст. 2. изд. 1892 г.) о порядке наследия Престола (ст. 3—17), о совершеннолетии Императора, о Правительстве и Опеке (ст. 18-30) о вступлении на Престол и о пресяге подданстве (ст. 31—34), о Священном Короновании и Миропомазании (ст. 35—36) о титуле Императорского Величества и о Государственном Гербе (ст. 37—39), о том, что Император, Престолом Всероссийским обладающий, не может исповедывать никакой иной веры, кроме Православной (ст. 14) и об Императорской фамилии (ст. 82—179) имеют силу и в Великом Княжестве Финляндском.

опасности их пересмотра был, конечно, министр внутренних дел, Петр Николаевич Дурново, представивший письменное возражение еще 10 марта. Это мнение настолько характерно, что я позволю себе привести его целиком Несколько более осторожные возражения против полного пересмотра основных законов были высказаны министром Финансов, Иваном Павловичем Шиповым, который в первом заседании Совета выска-

---

Особых определений эта статья не требует, так как сущность ее вытекает из ст. 2, указывающей на державное обладание России.

III.

В виду Манифеста 6 августа 1905 г., указавшего, что, о порядке участия в Государственной Думе выборных Великого Княжества Финляндского по вопросам общих для Империи и сего края узаконении будет Нами указано особо", и манифеста 20 февраля 1906 г., подтвердившего то же начало, как ясно видно из меморни Государственного Совета, но в более общей форме: „о порядке обсуждения законопроектов общих для Империи и Великого Княжества Финляндского, Нами в свое время будут преподаны надлежащие указания", по мнению моему безусловно необходимо ввести в Законы Основные статью приблизительно такого содержания:

1. „Представители Великого Княжества Финляндского принимают участие в Государственном Совете и Государственной Думе при обсуждении законов, признанных общими для Империи и Великого Княжества Финляндского, на основании особо для того установленных правил".

при этом я полагал бы:

2. *Немедленно* установить в Особом Совещании графа Сольского порядок участия представителей Финляндии в законодательных учреждениях Империи, причем в Совещании должны быть выслушаны соображения Финляндского сейма, финляндского Генераал-Губернатора и финляндского Статс-Секретаря.

Незыблемым юридическим основанием этого правила должна послужить форма правления 1774 года, в силу коей в Шведском сейме обязательно участвовали не только по обще-королевским делам, но и по делам, касающимся специально Финляндии, представители сей страны.

Этот Основной Закон и подтверждается всеми нашими Императорами, начиная с Императора Александра I, но с тем огромным изъятием, что дела, относящиеся до Финляндии, переданы на рассмотрение особого Финляндского сейма.

[1]) По проэкту „Основных законов" я нахожу, что в этом проэкте нет ни одной статьи, которая бы вносила в действующее ныне положение,—что либо новое. Повторение в более общей форме недавно изданных законов при настоящих обстоятельствах в высшей мере опасно, ибо опять ставит на очередь те жгучие вопросы, которые после Манифеста 17 Октября породили смуту по всей России и едва не погубили Правительство. Еще более опасно вторично объявлять свободу личности и неприкосновенности жилища, не представляя никаких гарантий в том что то и другое будет соблюдаться. Признавая, что теперь первенствующая задача Правительства есть охранение порядка, думаю, что рисковать достигнутыми слабыми результатами, ради опубликования теоретических положений в роде „droits de l' homme"— будет действием безумным и противным интересам Государя и государства. Даже самое обсуждение таких проэктов,—слухи о чем без малейшего сомнения проникнут в печать,—я признаю крайне неосторожным. Провозглашать принципы „всех свобод", когда половина империи, по закону, остаю-

зывался однако всетаки против пересмотра основных законов, но в письме от 18 марта заявлял: *„держась принципиально* высказанного мною раннее взгляда, я тем не менее считаю возможным, если бы Совет пришел к заключению о желании издания такого акта и остановился на разосланной ныне его редакции, *не настаивать ныне на своем мнении* [1]). Кроме того, небольшие замечания на проект были присланы также ми-

---

щемуся в силе, ими не пользуется, ради неизвестно чего, не соответствует требованиям практической политики - и такое провозглашение будет новым оружием, которое Правительство, без малейшей нужды, с ребяческим благодушием, передаст в руки революционеров. Начертание законов, подобных изложенному в проэкте, есть дело будущего и может иметь место лишь после водворения в Империи полного порядка и спокойствия, согласно новым условиям управления.

Наконец, возбуждение вопроса об отношениях Империи к Финляндии грозит такими осложнениями, которые даже нельзя предвидеть. В настоящее смутное время таких вопросов ни возбуждать ни решать нельзя.

В виду изложенных соображений, я прихожу к заключению, что проэкт подлежит отклонению безусловно, без подробного обсуждения по статьям.

10-го марта 1906 г. *П. Дурново.*

[1]) Я привожу письмо Ивана Павловича Шипова целиком. „Совершенно секретно. М. Г. барон Эманунл Юльевич! Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство довести до сведения Председателя Совета Министров, что, к сожалению, я лишен возможности присутствовать сегодня в заседании Совета Министров, назначенном для обсуждения проекта основных законов в исправленной редакции, так как сегодня в те же часы, под моим председательством должно состояться совещание по проекту подоходного налога.

Вместе с тем считаю долгом сообщить Вашему Превосходительству для доклада Совету нижеследующие мои соображения по поводу новой редакции проекта основных законов.

Ознакомясь с этою редакциею (от 17 марта 1906 г.), я не могу не отдать ей полного предпочтения перед первою редакциею, составившею предмет суждения Совета в предшествующем заседании, и признаю ее гораздо более совершенною по сравнению с первою, как в смысле простоты и стройности изложения, так и в смысле большей определенности отдельных постановлений. Эти особенности, столь выгодно отличающие новую редакцию проекта основных государственных законов, делают ее приемлемою даже с моей точки зрения, несмотря на то, что в предшествующем заседании Совета я вполне определенно высказался, по изложенным мною тогда же соображениям, против издания вообще такого законодательного акта, в котором бы объединились и получили новую формулировку основные законы империи. Поэтому, держась принципиально и в настоящее время высказанного мною взгляда, я тем не менее считаю возможным если бы Совет пришел к заключению о желательности издания такого акта и остановился на разосланной ныне его редакции, не настаивать на своем мнении. Не могу, однако, не обратить внимания на то, что и при всех достоинствах новой редакции, издание подобного акта представляло бы известные неудобства, внося в основные законы и закрепляя в них новые формулы по вопросам такой капитальной важности, как определение существа Императорской власти и отношений между Империей и Великим Княжеством Финляндским. Нельзя, казалось бы, забывать, что вопросы эти требуют чрезвычайно осторожного к ним отношения, и что всякое измене-

нистром иностр. дел гр. Ламсдорфом. В первом заседании 10 марта, как видно из краткого наброска его хода бароном Нольде, было сделано председателем Государственного Совета графом Сольским изложение хода всего дела по составлению проекта основных законов. Потом графом Витте было возбуждено два вопроса: нужно ли вообще издавать основные законы? и как их издавать?, т. е., *предполагаю*, что им был возбужден вопрос: нужно ли издавать эти законы в виде систематического их изложения, конечно, тех отделов, которые вообще подлежали обсуждению Совета Министров, а не были отнесены к отделам, подлежащим пересмотру и переизложению исключительно по усмотрению Государя, или же достаточно ограничиться только новым изложением отдельных постановлений, уже измененных предшествующими актами монаршей воли? А затем отмечено в заметке барона Э. Ю. Нольде: „Законы и декреты. Что есть закон“? Из этого можно предположить, что затем был возбужден вопрос, составляющий неизбежный конек графа о различии закона и распоряжения в порядке верховного управления“. Причем им же, вероятно, была высказана его также излюбленная мысль, что у нас все признается законом и, следовательно, требует издания всех распоряжений высшего правительства в законодательном порядке, т. е. чрез Государственную Думу и Государственный Совет, что было по убеждению графа невозможно для правильного хода управления государством.

Никаких дальнейших сведений о ходе совещаний Совета Министров в бумагах барона Э. Ю. Нольде не имеется, даже нет указаний по поводу возникших разногласий в Совете. Может быть, существуют надлежащие данные в делах бывшего Комитета Министров, но мне ничего неизвестно.

Во всяком случае, проект основных законов был принят большинством членов Совета и в окончательно приглаженном виде внесен в совещание под председательством Государя.

Я ранее предпослал краткий обзор оснований проекта, выработанных Государственною Канцеляриею и исправленных

ние в установившейся их формулировке может быть поводом для осложнений и превратных толкований. Поэтому, не отрицая того, что издание цельного законодательного акта, заключающего в себе полное изложение основных государственных законов, имеет за себя преимущество определенности, я полагал бы, что, быть может, было бы осторожнее в акте об основных законах лишь ссылками указать на те статьи действующих и вновь изданных узаконений, за которыми надлежало бы сохранить или которым следовало бы присвоить значение основных законов Империи.

Некоторые замечания по отдельным статьям новой редакции отмечены на присланном мне экземпляре, при сем возвращаемом (под № 17 в бумагах барона Э. Ю. Нольде).

„Примите и пр. И. Шипов. № 146. 18 марта 1906 года“.

Тхоржевским и бароном Нольде. Теперь, в заключение этого отдела, я позволю сделать такой же обзор существенных изменений, внесенных в стадии оффициального прохождения его в канцелярии Совета Министров.

И так как каких либо записей или протоколов для изложения мнений отдельных членов совета у меня нет, а я буду пользоваться теми же материалами, о которых я уже говорил, то, может быть, мне придется в чем-нибудь и повториться, а это, конечно, будет утомительно и скучно. Извиняюсь, но все таки я впишу эту лишнюю страницу потому, что считаю пересмотр основных законов важнейшим актом попытки пересоздания государственной жизни России в эту эпоху царствования Николая II, а, с другой стороны, потому, что, мне кажется, что только таким образом можно правильно оценить и ход работ самого Совещания.

Я пойду при этом систематическом обзоре в порядке глав проекта.

Из вводных статей сжались и получили более отчетливую и, так сказать, упругую форму статьи 1-ая и 3-ья, определяющия территориальную сущность Государства Российского и его неот'емлемый признак—государственный язык; из статьи 2-ой было выкинуто, *по инициативе* Витте, фигуральное историческое указание на "державное обладание Финляндиею„ как сказано в мемории Совета: "при всей исторической его верности, упоминание сие, *могущее показаться финляндцам несколько обидным*, едва ли здесь необходимо в качестве юридического определения".

Затем шла глава первая, начинающаеся с обрисовки сущности верховной власти. В этом определении, хотя и был сохранен эпитет "самодержавный„, но с исключенiем признака неограниченный, который был заменен ст. 7, указывающей, что в сфере законодательной Верховная власть в Империи распределяется между тремя факторами: Монархом, Государственным Советом и Государственною Думою, а затем была внесена статья 8 (исключенная впоследствии), устанавливавшая соотношение законодательной власти Монарха с властью финляндского сейма.

Далее шел общий абрис проявлений власти верховного управления Государством в отношениях международных, в управлении внутреннем, в порядке назначения органов управления подчиненного, в праве чеканки монеты, в пожаловании государственными и сословными отличиями, в проявлении власти судебной и в принятии чрезвычайных мер охраны страны.

При определени державных прав внутреннего управления государством было внесено, по особому указанию

Витте [1]), в ст. 15 постановление о праве Государя всем должностным лицам, которых оклады содержания не установлены особым законом, назначать содержание в размерах по его личному усмотрению, а равно о праве назначения размера пенсий всем тем должностным лицам, коим размер таковой не установлен законом, а также право его назначать *усиленные* оклады содержания, пособий и пенсий служащим и их семьям.

Значительно изменилась глава о правах подданных и не только в порядке изложения, но и по существу.

Прежде всего исчезла первая же статья, говорившая о *равенстве* всех подданных перед законом, не взирая на их происхождение и вероисповедание. Исчезла попытка закрепить основным законом самое крупное завоевание мятущагося народа; исчезло не только указание в законе о равноправии сословий и, в частности, столь жданная важная отмена служебного бесправия податных сословий,—вместе с тем исчезло предположение о закреплении основными законами полноправия старообрядцев, евреев и даже вообще иноверцев. Взамен ее явилась статья о малозначительном предмете, да к тому же в ничего не содержащем изложении: что условия приобретения и утраты прав подданства определяются „законом"; прибавлю, к этому, это положение даже и намека на какое либо право граждан в себе не заключало.

А за нею следовала уже новая статья об *обязанностях* граждан: защищать престол и отечество, платить налоги и отбывать повинности.

Следовавшия далее судебныя гарантии русских подданных, перенесенныя в основные законы, вызвали некоторыя сильныя сомнения при просмотре проекта премьером: даже против статьи 24-ой (по редакции № 1). целиком повторявшей ст. 8 у. у. с., и притом даже без гарантий ст 9 того же устава, в той ея части, в которой говорилось о содержании задержанных в указанном в законе помещении, поставлен в экземпляре графа вопросительный знак. Точно он провидел, что наступит время „свобод", когда содержание в помещениях под № 2 на Гороховой улице или в казематах Петропавловской крепости, или же дикая расправа под флагом "революция в опасности" в помещениях Мариинской больницы с Шингаревым и Кокошкиным, не только воскресят дикия оргии слуг минувшего самовластия, но, пожалуй,

[1]) По этому поводу граф Витте писал барону Нольде 7 марта: „Не следует ли, барон, оговаривая право Его Величество о назначении содержания, оговорить и об (sic) пенсиях, конечно, с некоторыми ограничениями. Вообще не оговоривши вопроса о пенсиях, многие могут очень значительно (это слово я не мог разобрать) пострадать.

Вам искренне предавный Витте".

и превзойдут таковыя [1]). Граф Витте поставил вопросительный знак и над возможностью повторения правил судебных уставов *1864* г., в перечне личных вольностей в проекте *1906* г., а что должны были чувствовать идейные борцы за гражданскую свободу, как Плеханов или князь Крапоткин, при подвигах и речах самоновейших представителей „путешественников из Германии", про которых едва ли не будет кощунством сказать: их же имена *Ты, Господи*, веси!—История не только повторяется, но иногда и ухудшается.

Особыя сомнения вызвала у графа Витте статья 25-ая, гласящая, что всякое задержанное (администрациею) лицо в течение 24 часов (а там, где нет судебной власти в течение трех суток) должно быть или освобождено или представлено судебной власти для надлежащего постановления,—статья, о которой в докладной записке барона Нольде было сказано, что она *соответствует* ст. 398 и 431 у. у. с., а граф сам отметил: „из статьи 431" (очевидно, не справившись с текстомъ уставов), а затем прибавил: „едва ли это у нас исполнимо"; а против конца статьи, где было сказано: для отдаленных сельских местностей, где соблюдение вышеуказанного срока представляется невозможным, *срок может быть продлен особым законом*, граф подчеркнул последнее выражение, отметив сбоку: „а покуда выйдет закон?" Ну, где уж тут было думать в серьез о правах подданных: „не до жиру, быть бы живу!" [2])

Злополучная статья 29 о неприкосновенности частной переписки, кроме случаев, законом определенных, которую

---

[1]) Не говорю уже о пытках, которым будто бы, подвергались некоторые заключенные, и притом, ни монархисты, бывшие деятели эпохи царизма или буржуи, но социалисты. Правда, социал-революционеры правого крыла сообщали, повторяю, счастью только по слухам, что в Москве на публичном собрании власть имеющих говорили с ораторской трибуны, что пытали Спиридонову (женщину!) не хочется верить! Что перед этим самые дикия зверства охранки, ведь и она до этого не доходила! Ведь указ Императора Александра I, 1801 года, отменяя пытку, говорил: „как стыд и зазор человечеству наносящую, а я вспоминаю о 1918 год". А расстрелы в Кронштадте, весною 1918 года до ста *заложников, ни в чем неповинных*, кроме того, что их *взяли* заложниками! Чем же отличаются эти расправы от карательных подвигов генерала Ренненкампфа или разных баронов, бесчинствовавших при усмирении балтийских латышей.

[2]) Делая эти замечания, я спешу оговориться, что даже не пережитое, но близкое к личной жизни невольно придает изложению особенности, которыя имеют свои выгоды и невыгоды,—с одной стороны передавая не только то, что случилось, но и то, что говорилось (видишь за этим живых людей, как они вырисовываются в памяти с их жизненными физиономиями, приятными или неприятными; а с другой стороны, невольно вносишь в изложение, а в особенности в оценку того о чем пишешь, т. е. о том, что они делали, или говорили, свои личные симпатии и антипатии. Каюсь! Mea culpa!

уже Тхоржевский предполагал исключить „по политическим соображениям“, но которую в предварительном докладе графу барон Нольде, однако, сохранил, указав, что она соответствует ст. 26 Японской конституции и ст. 368 и 368[1] у. у. с., вызвала на докладе лаконическую отметку графа „выкинуть“, и которая всетаки попала в *печатанную редакцию* экземпляра графа, но уже в этот раз, кроме вопросительного знака, вызвала сугубое уничтожение сначала черным, а потом красным (воспоминание о цензорском) карандашами.

Точно также постановление о том, что никакие кары или ограничения в пользовании правами не могут быть налагаемы иною, кроме судебной, властью, не спасло и скромное добавление „за исключением случаев, законом определенных“, и она была исключена.

Статьи о правах свободного передвижения, свободного выбора занятий и приобретения имущества, предположенные бароном в докладной записке к перенесению в указ о введении в действие, отмечены у графа Витте замечанием: „не решено“; вольность же всякого, в пределах закона, высказывать свои мысли, вызвала только полувопросительную отметку Витте: „есть ли у нас такой закон“? А в статье о праве устраивать собрания, соответственно закону, устранено только неподходящее, будто бы, по замечаниям Канцелярии Совета Министров, к нашему климату право устройства таковых собраний под открытым небом; хотя климатическая невозможность блистательно опровергалась и прежними „вече“ и новейшими „митингами“ да кроме того и тем соображением, что ведь есть же и на севере, хотя и короткое, но всетаки лето, а закон при том имел в виду и южные области!

Глава о законах пополнилась прежде всего указанием на законодательное значение мер, принимаемых в порядке верховного управления в междудумское время, внесением постановления о так называемом порядке законодательства по 87 ст., сделавшемся потом ареною конституционных боев между правительством, старавшимся расширить это право, хотя бы временного, но административного законодательствования, и между последовательно сменявшимися Думами, отстаивавшими незыблемость участия представителей народа в законодательном устроении государства.

Затем Канцелярия Совета Министров пополнила этот отдел указанием на то, что закон не только обнародывается Правительствующим Сенатом, но что Сенат является и хранителем законов, которые вносятся в него или в подлиннике или в заверенных списках, и добавила, что закон может восприять силу до обнародования, если об этом в законе прямо будет указано, и по телеграфу или посылкою эстафеты.

Следующая глава (пятая, по проекту № 1) о Государственной Думе и Государственном Совете подверглась, как я уже заметил, прежде всего изменению заглавия, или, правильнее, перестановке названия учреждений. Государственная Канцелярия, видимо, руководилась их жизненным значением, тою ролью, которая отводилась им тогда в глазах народа, а Канцелярия Совета Министров стала на точку зрения табели о рангах. Конечно, эта перестановка отразилась и на изложении отдельных статей.

Руководящим принципом, как и в главе первой, при перечислении прав носителя власти верховной, было стремление расширить по возможности и укрепить казавшуюся несокрушимою цитадель забронированных постановлений „законов основных“.

Самый материал для пополнения проекта Государственной Канцелярии был дан, конечно, только что состоявшимся законом о реформе законодательных учреждений; но в каком об‘еме надо было воспользоваться им для установления неприкосновенности законов? Это была существенная и нелегкая задача! В этом отношении и у графа Сергея Юлиевича явилось некоторое сомнение: конечно, не в том, *правильно* ли придавать этим постановлениям характер основных, а только в том, *нужно* ли это? Под главою четвертою проекта его экземпляра имеется заметка: „В манифесте говорится, что Дума и Гос. Совет не могут возбуждать (вопроса о пересмотре?) основных законов и *законов о Госуд. Совете и Думе*: нужно ли (?) при этом настоящий отдел в основных законах“? Но затем это замечание вычеркнуто, а весь раздел этот в проекте, внесенном Канцелярией в Совет Министров, был не только оставлен, но и весьма расширен, сравнительно с предположениями Государственной Канцелярии.

Самое правило о замуровании *всех* основных законов также потерпело изменения. В первоначальном проекте под № I это было выражено так (ст. 51): „Основные законы (ст. 5-17), (значит без первых четырех статей), равно как постановления, упомянутые в ст. 18, могут быть предметом законодательного пересмотра *не иначе*, как *с соизволения* Его Императорского Величества“. В проекте, представленном Витте, была особая (40 статья: основные законы подлежат пересмотру не иначе, как *по почину* Государя Императора“, а в ст. 52 было указано, что законодательные учреждения могут возбуждать предположения об изменении законов, за исключением основных законов. Затем, в последующих корректурах проекта статья 80 была исключена, а конец ст. 54 (бывшая 51) был изложен так: „за исключением основных государственных законов, почин пересмотра которых принадлежит *единственно Императорскому Величеству*“

Затем было поставлено графом Витте под вопросом, а потом в редакции Совета Министров и вовсе исключено указание на *одновременность* созыва и закрытия Думы и Совета; также исключено им правило, что при досрочном роспуске Думы она созывается в новом составе не позднее, как через шесть месяцев после ее распущения. [1])

Далее, по окончательной редакции проекта, внесенного Канцелярией в Совет Министров, был внесен ряд постановлений: об образовании для некоторых случаев департаментов Совета из членов по особому назначению, о равном числе членов по назначению и по выборам; о рассмотрении законодательными учреждениями росписи государственных доходов и расходов и ассигнований, росписью не предусмотренных. [1]), о кредитах, не подлежащих рассмотрению палат или какому либо сокращению, о случаях не утверждения росписи и не назначение к 1 мая контингента лиц подлежащих призыву, технические правила о последовательности рассмотрения проектов законов и утверждения их Государем, и наконец, правила о пред'явлении запросов министрам и главноуправляющим, подчиненным, по закону, Правительствующему Сенату, и т. д.

Наконец, в последней главе, получившей более краткое, хотя и не вполне исчерпывающее наименование: „о Совете Министров", были сделаны изменения, частью на основании замечаний графа Витте, частью же на основании еще ранее сделанных указаний Тхоржевского и борона Нольде. Так, почему-то была исключена статья, говорившая, что „должности министров совместимы со званием членов Государственного Совета и Государственной Думы, хотя в следующей статье осталось дополнение, вытекающее из опущенной статьи, что „имеют право голоса в сих учреждениях министры только в том случае, если они состоят *членами сих учреждений*".

---

[1]) Весьма загадочная заметка сделана графом Витте против ст. 52 рассматриваемого им проекта: Государственная Дума и „Государственный Совет есть ли основной закон?" Означало ли это сомнение его в том, не следует ли дать возможность Государственной Думе возбудить законодательный вопрос о переходе к однопалатной системе? Но двупалатность закреплена манифестом 20 февраля.

[2]) Должен заметить, что между редакциею Канцелярии, означенною в сравнительном изложении как рассматривавшаяся в Совете, и между второй редакцией, о которой, вероятно, говорит И. Н. Шипов в его письме, и которая названа в бумагах барона Нольде, как обсуждавшаеся в Совете, есть *только* разница в изложении ст. 55. В первой перечислено, что подлежат обсуждению: ежегодная роспись доходов и расходов вместе с финансовыми сметами, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные", а во второй, глухо: „подлежат указанные в сих учреждениях дела". Да, кроме того, в первой, начало статьи 56 не заключало вступительного абзаца: при обсуждении ежегодной росписи государственных доходов и расходов".

Затем, как я упоминал, в личное одолжение графу Витте была включена статья о декретах, выходящих от высших представителей управления подчиненного и даже от других законом на то уполномоченных установлений.

Наконец, в статье об ответственности за общий ход государственного управления, включено, во-первых, имеющее огромное политическое значение и сделавшееся потом боевым лозунгом добавление, что они отвечают „перед Его Императорским Величеством", и во 2-х, по личному указанию графа Витте было сделано мало понятное прибавление: „в пределах данных им полномочий". И, наконец, грозная статья 66 о возможности привлечения к ответственности Государственною Думою или Государственным Советом министров, которая признана была, как я указывал, не только опасною и мало понятною и Тхоржевским, и бароном Нольде, также получившая дополнительное, но решительное замечание графа Витте, „что такая ответственность возможна в особом суде, но не по суду Думы и Государственного Совета", была вовсе исключена.

4. Мемория Совета Министров.

Результаты совещания Совета Министров вылились в его мемории, которая послужила канвою для занятий совещания.

В виду подробного изложения всех главных вопросов, затронутых во время прохождения проекта в Концелярии Совета и в виду отсутствия протоколов заседаний Совета, и даже кратких записей в бумагах Э. Ю. Нольде, на самом ходе работ в заседаниях останавливаться не могу, а приведу только краткий обзор выводов мемории.

Как отмечено в мемории, заседаний Совета Министров было пять (10, 12, 14, 18 и 19), но несмотря на такую продолжительность обсуждения, несмотря на огромную важность обсуждаемых вопросов, мемория представляется весьма поверхностною, и не идет в сравнение с обработкою материалов, предшествовавшею прежним совещаниям. Она, если можно так выразиться, скользит по затронутым вопросам, не углубляясь в их сущность. Она очень невелика: в мемории всего $8^1/_4$ страниц.

Первый вопрос, по указанию мемории, обсуждавшейся в Совете Министров, был о своевременности издания пересмотренных основных законов. Упоминая о важности указаний Монарха на новые пути русской государственной жизни, мемория отмечает, что перед приступом к действительному осуществлению преобразования необходимо выяснить условия совместной работы правительства и представителей населения

„начертать пределы дарованного населению участия в государственном строительстве и сопоставить их с точным указанием сферы Верховной власти Государя“ так как надолго оставлять несогласованными прежние законы и вновь преподанные начала было бы невозможно без дальнейших колебаний общественного сознания, а оставить этот труд до созыва Думы значило бы вовлечь впервые собранных представителей населения в опасные и бесплодные прения о пределах их собственных прав и природе отношений их к верховной власти, тогда как они в монарших предначертаниях должны найти определение ближайших условий своей производительной для общей пользы деятельности“.

Потом мемория отмечала, что в виду провозглашенного манифестом 20 февраля начало сохранения единственно за монархом почина в пересмотре основных законов, особенно важное значение получает полнота их изложения. В этих видах, заявляет мемория, в виду доказанной невозможности точно разграничить по содержанию закон от повелений в порядке управления, Совет признал необходимым возможно подробно определить ту область, в коей власть Верховная *осуществляется единолично.* Поэтому надлежит придать указам, издаваемым в порядке верховного управления, как выражено в законе, „указам о приведении законов в исполнение“ более распространительное определение, а равно упомянуть *о праве Государя* издавать указы, направленные к ограждению *государственной и общественной безопасности и порядка и обеспечению народного благосостояния,* т. е. из'ять из компетенции народного представительства не только всю область законодательного устроения повседневной жизни страны, но, при известном нажиме, и всю область содействия под'ему и развитию материальной и культурной жизни и деятельности государства!

Переходя далее к указанию предполагаемого основными законами права власти Верховной руководить органами управления подчиненного, в виде их назначения и увольнения, мемория указывает на возникшее по сему предмету среди членов Совета разногласие. Большинство полагало установить это право без всяких ограничений, т. е. распространить его и на ту сферу, представители коей пользовались по уставам 1864 г. так называемым правом несменяемости. Большинство находило, что зловредность такого права до сих пор корректировалась тем, что и эти чины знали, что *монарх неограниченный волен сменить их* в случае признанной им необходимости, а с другой стороны, что он волен отменить и самый закон о несменяемости; а теперь эта сдержка отпадает, так как отмена несменяемости в будущем зависела бы от согласия

членов Думы, а потому надо с этим покончить теперь. Но меньшинство, по указанию мемории, не могло согласиться на отмену права, принадлежавшего к основным началам судебных уставов и дающего возможность судьям решать дело по совести, вне стороннего влияния, и прибавляли, что отменить это право теперь, после обещаний манифеста 17 октября, было бы неудобно и с точки зрения общей политики, к тому же меньшинство предполагало существование этого права безопасным, в виду законной возможности увольнения неблагонадежных судей в порядке дисциплинарного производства. [1])

Затем в мемории следовал, в довольно общих выражениях изложенный, перечень прерогатив власти Верховной в отдельных сферах управление государством, т. е. как во внешних международных отношениях, так и внутренних; в частности, мемория говорила более подробно о порядке управления вооруженными силами государства.

Мемория отмечала предполагаемое сохранение за единичною властью монарха, без какого либо вмешательства представителей страны, определение пространства и свойства прав по отношению имуществ императорских, удельных и кабинетских, а также управление Императорского Двора. При этом мемория указывала, что Совет счел необходимым внести в проект основных законов наиболее важные постановления сметных правил из закона 8 Марта, ибо отнесение их к основным законам „даст им необходимую устойчивость, так как они будут подлежать пересмотру лишь по непосредственному почину Верховной власти.

Затем указывалось на внесение в основные законы особых правил на случай неутверждения или несвоевременного утверждения бюджета и ежегодного контингента новобранцев.

После обзора прерогатив мемория останавливалась на установлении Советом министров в несколько пополненном составе, именно участием Н. Н. Герарда и Н. С. Таганцева

---

[1]) Специально по этому предмету из сопоставления различных редакций проекта, переделавшихся в канцелярии Комитета Министров видно: в проекте Госуд. Канцелярии, № 1, в ст. 12, говорившей о праве увольнения Государем в порядке верховного управления всех должностных лиц, было добавлено: если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения. Этот добавок сохранен и в редакции ст. 12 проектированной Тхоржевским, и не вызвал замечаний барона Нольде. Перешел он и в редакцию проекта, бывшего на рассмотрении графа Витте и также остался без замечаний; удержался он и в редакции варианта, внесенного по Высочайшему повелению в Совет Министров, но *исчез* в проекте измененном по замечаниям Совета Министров (редакция, помеченная 17 марта), где эта статья изменила нумерацию (ст. 15), т. е. при образовании разногласия. Причем *исчезнувший* добавок отнесен в мнении большинства только к *назначению*, а в мнении меньшинства — к назначению и увольнению.

государственного положения Финляндии и соответствующего этому определению постановления основных законах. И, наконец, в самом конце мемории, посвященной таким образом почти что целиком *только* изложению соображении о главе первой проекта о самодержавной власти,—указывались также и некоторые статьи главы четвертой о правах граждан и три последния главы. Но всемим посвящены в самом конце мемории *буквально следующие строки*: „Совет министров полагает желательным: 1) в видах ближайшего согласования правил об основных правах и обязанностях российских подданных с современными условиями жизни нашего государства исключить из подлежащей главы некоторые *не отвечающие этой цели* статьи и восполнить новою особою статьею, подтверждающею свободу совести на основании указа от 17 апреля 1906 года об укреплении веротерпимости, и 2) согласовать постановления последней главы о Совете Министров с *единственно правильным* при нашем строе началом ответственности министров *пред Вашим Величеством*, за направление их деятельности и пред судом за нарушение долга службы“.

Мемория была подписана всеми министрами, но оберпрокурором Синода князем Оболенским было подано особое мнение, с которого списка или изложения его существа в бумагах барона Нольде не оказалось. [1])

5. *Совещание под председательством Государя.*

Совещаний по основным законам в Царскосельском большом дворце было тоже, сравнительно, много — четыре: 7, 9, 11 и 12 апреля и происходили первые два по вечерам, чего не было в предшествующих совещаниях под председательством Государя, начинаясь в 9 час. вечера, причем вечернее совещание 9 апреля затянулось до 1 1/2 час. ночи, а последние два были днем — от 3 до 7 1/4 час.

Число участников было также сравнительно с прежним небольшое. По первоначальному списку, имеющемуся в бумагах Э. Ю. Нольде 18, а по находящемуся в печатанных протоколах — 23. Состав был таков [1]): Великие князья Михаил Александрович, *Владимир Александрович*, Николай Николаевич;

---

[1]) И. Тхоржевский по этому поводу указал, что мнение князя А. Д. Оболенского 2-го сводилось к невозможности издания накануне Думы основных законов в виде связного единого текста „русской конституции“ „Да не призван я ее писать, не хочу я ее писать,“ заявлял князь в совете.

[2]) Я привожу список, как он напечатан в протоколах совещания; фамилии членов, которых не было в первоначальном списке барона Нольде, напечатаны курсивом.

члены Государственного Совета: граф Сольский, граф Пален, Фриш, *Горемыкин* [1]), Сабуров 2-ой, А. А., Голубев, Стишинский; Министры: граф Витте, барон Фредерикс, граф Ламсдорф, Дурново, Редигер, Бирюлев, *Танеев, барон Будберг,* князь А. Д. Оболенский, Философов, Акимов; государственный секретарь барон Икскуль фон Гильденбандт и, как бы эксперт,—проф. Киевского университета Оттон Оттонович *Эйхельман* [2])

В делопроизводстве было только два лица: товарищ государственного секретаря П. А. Харитонов и командированный для занятий А. Ф. Трепов, бывший впоследствии председателем Совета министров. [3])

Заседание 7 апреля открылось кратким словом председателя. Он сказал: „Дело серьезное, жизненно важное. Лучше обсудить его несколько раз, чем решить сразу, и обречь себя и всю страну на грозные опасности. Поэтому я жду искреннего и откровенного мнения от каждого в отдельности. Так что обычного указания на необходимость спешности не было; личная заинтересованность Николая II в этом совещании высказывалась и при дальнейшем ходе совещания.

Как видно из протоколов, прения открыл граф Витте по главному вопросу совещания: нужно ли издавать основные законы, и если издавать, то в полном ли объеме, или отдельными законами? Заявив, что на рассмотрение совещания представлены *три* проекта [4]), граф высказал мнение, что если оставить основные законы без изменения, то Дума, конечно, *не будет все равнѣ* [5]) их касаться, что и понятно, иначе она *обратится в учредительное собрание.* Но оставить их в нынешнем виде нельзя, их надо *дополнить*: напр. положения, касающиеся бюджета, займов, нужно признать основными, *чтобы Дума не могла их касаться* без инициативы Государя.

---

[1]) И. Л. Горемыкин первоначально не был приглашен и принял участие только со второго заседания; выдвинут он был, очевидно, теми сочленами, которые были против нового издания основных законов.

[2]) Проф. Эйхельман, вероятно, был приглашен графом С. Ю. Витте; потому как заявил Витте в первом же заседании, что представил третий проект, нигде до того не обсуждавшийся. Его проекта в бумагах барона Э. Ю. Нольде нет.

[3]) Как и при составлении мемории, об'ем внимания, посвященного различным отделам основных законов, был не одинаков, и едва ли соразмерен их важности. В первом заседании (7 апреля), кроме рассуждений по общему вопросу были пройдены только три вводных статьи; во 2 и 3 заседаниях (9—апр.) глава I о существе самодержавной власти 18 статей, а в последнее четвертое заседание (12 апреля) были пройдены остальные пересмотренные главы основных законов, всего 49 статей.

[4]) Эти три редакции были: проект Государственной Канцелярии, проект Совета Министров и проект проф. Эйхельмана.

[5]) Курсив в словах С. Ю. Витте, как и в речах других участников, принадлежит мне.

Особенно важны государственная роспись и займы. Некоторые партии борются против заключения займа (Витте, очевидно, намекал на пропаганду, которую вели некоторые лица, примыкающие к партии народной свободы во Франции против заключаемого им большого внешнего займа). Эти партии будут играть роль в Думе, а в законах права монарха крайне неопределенны, что оставить так нельзя, иначе *Дума погубит армию и приобретет пошиб республиканский*; надо определить права монарха по внешней политике; если эти вопросы возбудит Дума, *это представит большой риск*. Надо, чтобы Дума не могла касаться расходов на Императорский Дом, иначе она захочет установить liste civile; надо сделать так, *чтобы это не было возможно*. Весь вопрос, издать ли основные законы полностью, или дополнить их отдельными статьями,—но последнего, по его мнению, нельзя, ибо придется потом их кодифицировать и, следовательно, допустить Думу *вмешаться в пересмотр основных законов*. Во всяком случае, граф Витте полагал, что если теперь только дополнять законы, то *необходимо сказать*, что полное издание основных законов остается за Государем, а если этого сказать нельзя, то *надо издать теперь же полностью* и таково его мнение. Таким образом, уже в этой первой речи сказалась основная руководящая мысль всего поведения и речей графа Витте—враждебно-опасливое отношение к Думе, сокровенная мысль, что хотя самодержавная власть, при его же посредстве делает ряд уступок, но вынужденно; что нужно относиться к Думе и ее требованиям не с доверием, а как к врагу, а потому против нее нужно выдвинуть серьезные укрепления, и прежде всего бронированную неприкосновенность основных законов, в которые, притом, нужно внести или втиснуть, по возможности, все, принципиально важное для жизненного развития страны, а иначе стрелки политических весов наклонятся в действительный вред самодержавию". Увы, тщетная предосторожность даже в мечтах!

Яснее и отчетливее, потому что искреннее, высказался граф Сольский, которого более развитой и уравновешенный ум отчетливее представлял себе истинное соотношение вещей. Он также выразил, что надо отнестись с большою осторожностью к поднятому вопросу. Основные законы были написаны при других условиях и основаны на других принципах. Переменились принципы управления. Дума призвана к законодательству, ей предоставлен решающий голос. Новый порядок не сходен с основными законами Сперанского 1832 г. Между тем на *основных законах зиждется государственное бытие*. Поэтому надо исправить все то, что несогласно с запросами действительной жизни. Этому требованию отвечают проекты Государственной Канцелярии и Совета.

Ту же определенную точку зрения на необходимость не только пересмотра, но и переиздания основных законов развил и Э. В. Фриш, но он восстал против самого предложения графа Витте, что можно постановить в указе, что право издания и, следовательно, изменения основных законов может остаться за Государем Императором. Это было бы, заявил он, несомненно нарушением начал, провозглашенных 17 октября. Государю принадлежит только почин, а самое рассмотрение и этих законопроектов должно идти через Думу и Совет. По общему вопросу он присоединился к мнению большинства, что надо сохранить в прежних законах все то, что не противоречит позднейшим узаконениям. В 1832 г. была не кодификация законов, а издан новый закон, так как император Николай I на представленном ему „своде“ написал: „утверждаю“ и, следовательно, изменение какой-нибудь части этих законов может последовать только в порядке для законов установленном. Далее он прибавил, что надо ввести более точные определения и отграничить от законодательной власти область Верховного управления. Поэтому, прибавил он, надо в законе оговорить, что никакая часть законодательства, касающаяся государственного строя, не будет подлежать изменению *без согласия* Думы и Совета, иначе это было бы нарушением принципов манифеста. 20 февраля, а за таковое их нарушение, закончил он, *я не мог бы подать свой голос.*

Но по другому вопросу, о том, что *не может входить в* пересматриваемый отдел основных законов, затронутому Фришем, высказался сам Государь, указав, что в проект не входят главы, касающиеся императорской фамилии, сказал: „пересмотр их должен зависеть единственно от меня, что предусмотрено *в статье 17* проекта“, и на замечание барона Икскуля, „а также в ст. 21“ (где перечислены и главы 1-го раздела) он опять повторил, очевидно, по его способу выражать свои мнения, *подчеркивая:* „есть целое учреждение об императорской фамилии, *второй* раздел. *Весь этот раздел я предоставил исключительно себе*“.

Но замечание Э. В. Фриша затрагивало еще более важный в этом отношении вопрос. Возражая графу Витте, Фриш подчеркивал, что по всем основным законам Государю может принадлежать только почин, а рассмотрение и этого раздела должно идти в том же порядке, как и всех *других законов,* т. е. чрез законодательные учреждения. Это предположение разделило членов совещания сразу на два лагеря—правые, Стишинский и Дурново, конечно, поддержали предположение, высказанное, как возможное, графом Витте, что от Думы должен быть изъят не только почин, но и *самое обсуждение.* Для убедительности они прибавили: невозможно допустить,

чтобы Дума обсуждала вопрос о престолонаследии и вообще о царской фамилии, но затем, как бы украдкой, перенесли это на всю группу законов, отнесенных к основным. Дурново резюмировал это направление так: „что основные законы *могут быть изменяемы без всякого участия Думы и Совета*, причем даже сослался на ст. 12 проекта проф. Эйхельмана, *будто-бы* содержащую постановление о том, что *изменение всех предметов*, исчисленных *в ст. 21 проекта* (восемь глав 1-го раздела и весь II-й раздел об импер. фамилии) принадлежит *исключительно* Государю, хотя в напечатанном в примечании *на той же* странице протокола статьи 12 проекта Эйхельмана, говорится только *о наследии престола*. Не утерпел Дурново не кинуть камешек в огород не любимого им графа Сергея Юльевича, бросив заметку: „акт 17 октября далеко не совершенен и вся смута, происходящая *после того*, является последствием этого несовершенства“. [1])

Затем при дальнейшем обсуждении этого вопроса—одни: А. А. Сабуров, И. Я. Голубев, особенно последний, твердо и точно заявивший, что даже закон о престолонаследии не может быть изъят из общего порядка обсуждения законов, если бы к тому встретилась надобность, что изъять *эти изменения из ведения Думы нельзя*, но что и потребности в том никакой нет, поэтому и ст. 21 надо сохранить так, как она изложена в проектах Гос. Канцелярии и Совета Министров, как отвечающую манифестам 17 октября и 20 февраля. Точно также и кн. А. Д. Оболенский высказался за то, что право изменения каких бы то ни было основных законов без Думы было бы нарушением народных прав, хотя он и прибавил, что в Совете он остался при особом мнении о том, что не нужно издавать не только всех, но даже и некоторых основных законов, а только кодифицировать новые законы, отметив в указе Сенату, какие из них относятся к основным. За мнение же Дурново и Стишинского высказался и великий князь Николой Николаевич. Граф Пален принял среднее мнение—исключить из рассмотрения Думы только учреждение Императорской фамилии, а по остальным частям сохранить за монархом только право инициативы. В репликах П. Н. Дурново, не отказываясь от первоначального мнения, говорил об удержании исключительно за Государем только отдела об учреждении

---

[1]) По этому поводу и Тхоржевский, в сообщении мне, вспоминает: „о том, как настойчиво Витте домогался у Государя в конце 1905 года назначения министром внутренних дел именно Дурново „знающего полицию“, и видимо встречал какое то противодействие, пока наконец, не добился революции (полученной, по его словам, в день его дежурства у Витте, *хорошо но только не надолго*“!

Императорской фамилии, а представитель другой партии, Э. В. Фриш, подчеркнул, что если после 17 октября были беспорядки, то теперь *если дарованные права будут отняты*, то беспорядки возобновятся с новою силою, а акты, исходящие от Верховной власти, должны вести к успокоению.

Но всего любопытнее была вторая речь графа Витте (протокол, стр. 12). Она свидетельствует какая иногда-неразбериха выходила из двойственных государственных стремлений графа-показного и внутреннего. Он заявил: „Действительно, *по смыслу всех* актов, изданных после 17 октября, *все основные законы* должны идти в Думу и Государственный Совет. Но *это не относится* к вопросам о престолонаследии, о представительстве (попечительстве?) и опеке, о вступлении на престол, о вере и об императорской фамилии". Никаких доказательств— почему не относится графу привести не заблагорассудилось „Все эти законы — продолжал граф — составлены гениальным Сперанским; *иначе* (?) от них не осталось бы и следа". По отношению к основным законам есть три возможности: если они полны, то принять статью 21, если же нет, то пересмотреть теперь же, или установить *право Государя их изменять единолично.* Если смотреть на последнее предположение с точки зрения изданных за последнее время законов, то прав Э. В. Фриш, „*но надо считаться с государственными потребностями, которые выше логики*". (Вот тут и обопрись на такие советы государственной мудрости!). Граф Сольский сделал в заключение одну уступку, соответственно мнению графа Палена, что нужно в основных законах отделить учреждение об императорской фамилии, как не могущее подлежать рассмотрению Думы. Но конец этому единоборству, по словам графа Витте, „государственных потребностей с логикою," был положен председателем, заявившим, что „надо будет *еще* обсудить этот вопрос в отдельном совещани. Я после укажу, из кого его составить."

Такое специальное совещание было действительно образовано из Великих Князей: Владимира Александровича (председатель), Андрея Владимировича, Константина Константиновича, Николая Николаевича и Александра Михайловича, с участием министра Двора и Уделов барона Фредерикса, и государственного секретаря барона Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт. Это совещание выработало три статьи, повторявшие мнение, высказанное в общем совещании окончательно графом Сольским и перешедшее в основные законы изд. 1906 г., а именно ст. 8 — что Государю принадлежит *исключительное* право *почина* по пересмотру основных законов вообще; ст. 39, что император *при миропомазании* (т. е. при совершении обряда коронования) *обязуется* свято соблюдать законы о престо-

лонаследии и ст. 125, что учреждение об императорской фамилии *может быть изменено* только лично Государем.

Затем перешли к постатейному рассмотрению. Но, однако, к общему вопросу о переиздании основных законов пришлось возвратиться во втором заседании, в котором его поднял, с разрешения Государя, впервые принявший участие в совещании И. Л. Горемыкин. Он прибегнул опять к силе аргумента опасности ослабления ежевых рукавиц. Новыми законами, сказал он, „изменился *только* порядок *рассмотрение и издания законов*". (Такими, повидимому, простыми и маловажными, результатами исчерпывались в его глазах октябрьские кровавые события), и, значит, подлежат пересмотру только те постановления, которые определяют этот порядок. Но затем возникает другой вопрос о том, что *не подлежит* ведению новых учреждений, и в то-же время входит в область государственного управления? *Надо ли указывать на то,* что будет из'ято из почина Государственной Думы и Совета? Я опасаюсь, чтобы Дума не подняла этих неудобных вопросов. Акт 17 октября обозначил общие начала, а порядок их применения должен быть определен особыми правилами. Если Дума поднимет вопрос об этих порядках, то это не будет опасно, можно будет изменить только эти постановления; имеющие второстепенное значение (так сказать, говоря жизненно, „можно позабавить малютку погремушками"). „Но пересмотр законов основных вообще сопряжен с затруднениями, поэтому его надо совершить только в пределах необходимого. Поднятие вопроса о первой статье законов основных (изд. 1892 г. о существе самодержавной власти) и ей подобных чревато событиями, трогать их не следует. Надо изменить только правила, определяющие основной порядок издания законав, а всех основных законов не переиздавать".

Ответные слова С. Ю. Витте были, как всегда, ни два, ни полтора. Прежде всего он заявил для чего-то, что вопрос о пересмотре основных законов возбужден не Советом Министров, но тотчас же прибавил, что их нужно издать, потому что сказано, что Дума может все пересмотреть по своему почину, кроме основных законов. Поэтому *„надо от нее отобрать все, что опасно трогать.* Не опасно говорить о свободах и законности, о правах граждан, что все можно, но есть безусловно опасные вопросы, как основание устройства Думы и Совета, основные положения бюджетных правил и правил о займах, прерогативы монарха, как верховного главы государства. Все эти правила надо внести в основные законы, иначе Дума превратится в учредительное собрание".

Э. В. Фриш прибавил, что „ввести в основные законы статьи о свободах особенно ценно. Акт 17 октября дал свободы,

но не установил их предела, а это необходимо. Иначе не будет пределов в домогательствах свобод. Если даже в основных законах будет только сказано, что пределы свобод определяются на основании особых законов, то все же нельзя будет толковать, что они даны беспредельно, а то и теперь говорят, что правительство свободы ограничивает... То обстоятельство, что у нас все считалось законом, до сих пор не было опасно, ибо фактически можно было утверждать закон любим порядком. А теперь, если не указать, *что* не должно идти в Думу, то это для управления будет тормаз, ибо в будущем по всякому вопросу, разрешенному в порядке управления, скажут, что Думу ограничивают.

Но это повторение доводов по тому же вопросу, очевидно, утомило и прискучило председателю и он прервал их без всякой мотивировки, перейдя к предложению постатейного рассмотрения.

К этому порядку перейду и я, возвратясь к первому заседанию, причем и в настоящей статье, как и в моих воспоминаниях о первых совещаниях, я буду останавливаться только на том, что представляется мне существенным.

Первая статья в кратком изложении Совета Министров замечаний не вызвала. По отношению к ст. 2-ой, о Финляндии, Государь высказался за редакцию Государственной Канцелярии, так как в этой редакции она представляется более крепкою, там помещены слова, что она находится в „державном обладании Российской Империи". Ранее я привел мою переписку по этому предмету с С. Ю. Витте и мое мнение в пользу этой же редакции: в совещании оно было поддержано морским министром Бирюлевым, бар. Будбергом и Стишинским. Но эта редакция вызвала возражение значительного числа членов совещания, начиная с С. Ю. Витте и князя А. Д. Оболенского, опасавшагося, что эта редакция вызовет осложнение с Финляндией и создаст революционный очаг рядом с Петербургом. Витте при этом не мог не высказать, по обычаю, свои отношения к созидаемой Думе; „если Дума будет крестьянская, без'идейная, и поведут ее на *поводу революционеры и так называемая интеллигенция, то это будет дом сумасшедших* [1]). Пусть Дума займется разрешением финляндского вопроса. Правительству же нет надобности возбуждать против себя финляндцев и соединять их с Думою. Опасение неудовольствия взяли верх и Государь принял редакцию Совета. Также была принята и редакция о государственном языке, хотя А. А. Сабуров и указал, что едва ли это

[1]) По поводу этих слов и Тхоржевский замечает: „слова эти напоминают мне его же слова *в заседании его*: „кажется Дума будет по своему составу, *ни наше счастье крестьянская*". Вечные противоречия!

можно считать основным законом, так как эти постановления имеют временной, часто меняющийся характер, что вызвало страстное замечание А. С. Стишинского, что „постановление о языке должно существовать пока существует Россия“ но Стишинский был всегда неудачным пророком! Настало время, когда Россия стала влачить свое яко-бы государственное существование с безграмотным жаргоном. Но необходимость бытия ст. 3-ей подкрепил граф Витте, заявив, что если не закрепить „государственный язык“, то опять таки зловредный фантом в виде Думы дойдет *до требования, чтобы в армии и флоте говорили не на русском языке*“. А ведь потом того-же графа Витте поносили правые и в особенности архи-правые, что он *создал* ненавистную конституцию для России, а он самодовольно улыбался. Так пишется история! Но доводы графа подействовали на Государя и он заявил: „я с этим согласен“; и в следующем заседании перешли к основной статье первой главы, к 4-ой, об определении самодержавной власти.

Я уже привел в воспоминании о первом царскосельском совещании содержание слов Государя по 4-ой статье *самой продолжительной его речи*. А теперь прибавлю, что очень сожалею, что в этом совещании не участвовал барон Нольде и не оставил заметок о заседании, тогда мы, может быть, знали бы о колорите речи и ее тоне, но этого не было, а протокол—безжизнен. Но для уразумения хода совещания я должен допустить повторение этих слов. Государь заявил, что он целый месяц думал о том: „имею ли я пред моими предками право изменить порядок власти, которую я от них получил?“ Что со всех концов и углов земли русской он получает благодарность за права, дарованные 17 октября и мольбу не ограничивать своей власти; он даже заявил, что если бы он знал, что Россия желает, чтобы он отрекся от самодержавия, то для блага ее он сделал бы это с радостью. „Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав и изменить определение Верховной власти, существующее в ст. 1-ой основн. зак. 109 лет. Я знаю, что если статья 1-ая останется без изменений, то это вызовет волнение и нападки со стороны так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия, но я уверен, что 80 % русского народа будут со мною и окажут мне поддержку, и будут мне благодарны за такое решение“. Статистик и пророк он оказался плохой. Не оказал этот народ ему поддержки в февральские дни, а, или возможно содействовал, или безучастно смотрел, как разносили этот самодержавный уклад, якобы „вросший в народное сознание“ и трепали без боязни „бармы мономаха“, и даже *расстрел* (*удостоверяемый* большевистскими газетами), беззащитного

и отрекшегося от власти, бывшего самодержца не вызвал, по крайней мере там, где я жил в то время, ни оха, ни вздоха. „Народ бесмолствовал!“ Но в заседании 9 апреля последние его слова были: „статья 4-ая самая серьезная во всем проекте и я решу, надо ли оставить статью, как она есть, или ее изменить“.

Начавшаеся затем прения о ст. 4-ой имели, таким образом, второстепенный осведомительный характер.

Но и при этом характере прений высказались те же основные течения. Все сводилось к вопросу о том „сохранить ли в определении Верховной власти эпитеты „неограниченный“ и „самодержавный“. И. Л. Горемыкин еще раз повторил, что все зиждется на понятии о неограниченности самодержавной власти. „Об‘ект Верховной власти предположено определить“, „но этого не может об'ять человеческий ум“; и в подкрепление сослался на совсем не подходящий пример: если Дума не даст бюджета, то неужели же Государь не может поднять цен на вино, или о такой прерогативе надо упомянуть в основных законах? Эти мысли всецело поддержал и А. С. Стишинский.

Граф Витте опять поместился по середине. Он заявил, что он также смущен ныне, как был смущен 17 октября, и что не изменять основные законы можно только сохранив за Верховною властью единоличное право издавать эти законы, когда она найдет это нужным. Через Думу провести основные законы нельзя; будут смуты и она обратится в учредительное собрание. Если суждено парламентским учреждениям привиться в России, то лучше издать основные законы теперь; если же Дума будет гнездом революции, то, может быть, издание основных законов еще более затруднит выход из трудного положения. Но если не менять 1-ой статьи, то конечно, нельзя переиздавать основных законов.

Однако, значительное большинство высказалось, что воля Государя не изменять заявление манифеста 17 октября неизбежно влечет исключение понятие неограниченности.

Прежде других граф Пален заявил, что он не сочувствует манифесту 17 октября, но после него слово „неограниченный“ остаться в законе не может. За ним и М. Г. Акимов тоже заявил, что он не сторонник свобод, но если теперь сказать в законе „неограниченный“,—это значит бросить перчатку, создать непримиримую вражду в Думе. Если сказать, что Вы издадите эти законы сами впоследствие, то это тоже не будет ли означать, что остается неограниченная власть. Надо исключить слово „неограниченный“ и издать основные законы. То же повторили с некоторыми вариантами соображений А. А. Сабуров, граф Сольский и Э. В. Фриш, заметивший, что с некоторыми слоями общества, которые всем недовольны,

я бы не считался, но более разумная часть общества будет смущена, ибо подпись Вашего Величества на манифесте 17 октября не была бы незыблема. Великие князья Николай Николаевич и Владимир Александрович заявили, что манифестом 17 октября слово „неограниченный“ уже исключено. Даже сам П. Н. Дурново отошел от своих единомышленников Горемыкина и Стишинского и заявил, что после актов 17 октября и 20 февраля 1906 г. неограниченность перестала существовать, и сохранение этого слова породит только смуту.

По отношению к эпитету „самодержавный“ князь Оболенский сказал, что если слово „неограниченный“ не нужно народу, то ему нужно „самодержавный“. А. С. Стишинский всетаки заметил, что в понятии Верховной власти нельзя отделить самодержавие от неограниченности, а П. Н. Дурново прибавил, что надо в ст. 4-ой сказать „самодержавный монарх“, а не говорить о „самодержавной власти“. В этом отношении граф Витте высказался определеннее: одно из двух: или самодержавный и неограниченный“, или „самодержавная власть“.

Государь опять повторил, что скажет потом, и молчал об этом все последующие заседание. Только в самом конце последнего заседания (протокол, стр. 94) граф Сольский напомнил, что он отложил решение по ст. 4, на что Гусударь ответил: „я решил остановиться на редакции Совета министров“, а на категорический дальнейший вопрос Сольского: „следовательно, исключить слово „неограниченный“?“ ответил: „Да, исключить“.

Далее маленькая остановка была на статье 11. Статья эта гласила, что Государь, в порядке верховного управления, издает, в *соответствии с законами*, указы и повеления, необходимые: 1) для исполнения законов; 2) для устройства частей государственного управления; 3) для ограждения государственной и общественной безопасности и порядка, а также 4) для обеспечения народного благосостояния.

Еще в Совете Министров П. Н. Дурново остался при мнении: не включать в ст. 11 слов: „в соответствии с законами“. Он полагал, что по некоторым частям управления этот добавок излишен, в виду статьи 12 (руководство внешней политикой) и 37, устанавливающей, что Россия управляется на твердом основании законов. Хотя несомненно, что ст. 37 устанавливала совершенно иного рода пределы, а к ст. 12 это правило не относилось. Но неприемлемость для него этого придатка вызывалась, конечно, чрезвычайными мерами охраны. Нужно ли и при исключительных положениях дать суду возможность иметь какой либо контроль над этими мероприятиями, как это потом и отметил Стишинский. По существу же, государственный контролер Философов в ответ Дурново

совершенно просто указал, что не могут же акты Верховного управления нарушать закон или его отменять?

Граф Витте, с своей стороны, заявил, что неудачное изложение относится не к статье о Верховном управлении, а к правилам о мерах охраны, которые, разумеется не могут быть принимаемы только в пределах закона. Витте полагал для этих случаев другое ограничение—„в пределах сметы“. Дурново поддерживал неограниченность власти в чрезвычайных обстоятельствах и в области законодательной, и даже, как бы *предвидя* действия нынешней власти, привел пример—„реквизиция хлеба“.

Государь покончил пререкания, поручив к следующему заседанию составить новую редакцию ст. 11.

Редакция была исправлена, очевидно, под руководством Дурново, который оставил требование законности в первой части статьи, но исключил во второй, где говорилось об устройстве частей государственного управления, что и вызвало новые споры о необходимости и в этих случаях для Власти Верховной определять указами устройство управления в пределах закона. Барон Икскуль предложил самое простое решение—вставить требование законности и во вторую часть, чем устранится всякое сомнение. Граф Сольский предложил отмежевать, что устанавливаетсяз аконами и что административными распоряжениями, сделав оговорку, что административным порядком разрешаются все вопросы, кроме тех, которые определены законом. Защиту новой редакции предложенной П. Н. Дурново принял на себя граф Витте, который воспользовался случаем, чтобы поднять вопрос об отсутствии у нас определения: что такое закон? При нынешнем порядке в законодательные учреждения вносятся такие дела, которые во всем мире не вносятся. Для того, чтобы разграничить эти пределы потребуется, по крайней мере, три месяца; да и наука не дает указаний; поэтому он поддерживал исключение условия „согласно с законами“ по отношению к устройству частей государственного управления, сделав только уступку по отношению к судебным установлениям, где уже действуют особые правила. [1])

---

[1]) Чтобы не наскучить повторением доказательств *враждебности* Витте к новым учреждениям, *создание* коих ставилось ему в вину консервативными кругами, — приведу еще несколько примеров из его предположений о том, что может делать по его мнению у нас будущая Гос. Дума. По вопросу о *законности* в указах относительно изменения органов управления, он говорил: „в Думе же поднимется скандал, пока члены ее не будут министрами и *не станут управлять* Росс. Империей, — тогда скажут, что все можно. (Протокол, стр. 46). Или: „исключить возможность Государственной Думе вмешиваться в дела М. И. Д. *необходимо*“, а то „*Дума перессорит нас со всеми иностранными государствами*“. Очевидно, у графа Сергея Юльевича была органическая враждебность к народному предста-

Государем окончательно была принята статья по проекту Совета Министров, но с тем, чтобы она была изложена в более ясной редакции.

Дальнейший обмен мнений по отдельным проявлениям Верховной власти был весь направлен к установлению возможно широкого об'ема прав монарха, недосягаемого для какого-нибудь контроля над действиями правительства во всех проявлениях Верховного управления по статьям 12 и 13.

Перешли к ст. 15, по которой было единственное разногласие, указанное и в мемории, а именно по вопросу о судейской несменяемости. Большинство ополчилось против столь ненавистной ему неприкосновенности судей и предположило, что к числу Верховных прав относится назначение и увольнение всех должностных лиц, а меньшинство полагало оставить незыблемым начало судебных установлений о несменяемости [1])

Борьбу начал Витте, который заявил, что монарху должно быть предоставлено право сменять всех должностных лиц. Против этого, сказал он, выставляется обыкновенно принятая нашим законодательством несменяемость судей, но не надо забывать, что до сих пор монарх мог нарушать это начало в силу неограниченности; в будущем Дума и Государственный Совет (в данном случае Витте и Совет взял в подозрение—так как много в нем было влиятельных членов, из бывших судей), могут воспротивится, и приведя примеры нарушения этого принципа во Франции, где изгоняли судей-монархистов даже в 80-х годах, граф Витте прибавил: „также и у нас в переживаемое время нельзя закрыть возможность сменять судей. Они могут и теперь выносить революционные приговоры, всегда оправдывать. Если же их признать несменяемыми и Дума их поддержит—что же тогда будет?“ Бедный пророк! не предвидел он, что европейскими мерками „России не измерить“; что наступят „обнаженные“ времена, когда будут сменять судей не за убеждения, а за то, что они законы знают; чего, конечно не требуется ни от признаваемых наиболее годными к возведению в

вительству. Нельзя также не вспомнить об его известной записке о земстве. Замечу кстати, что и в редакционном отношении граф Витте искусен не был, так статью 12 о Верховном руководительстве во внешних сношениях он предложил изложить так: „Государь Император есть *Верховный представител Российского Государства*“, что вызвало справедливое замечание Стишинского, что Государь есть Державный Вождь, а не представител.

[1]) Любопытно, что в мемории даже указания на то, где было большинство и из кого оно состояло, не имеется, а порядок изложения различных мнений принят обратный; обыкновенно употребляемому в мемориях. Сначала говорится: „некоторые члены нашли“, а потом, прочие же члены не нашли возможным согласиться“... Казалось бы, что второе мнение и есть мнение большинства, но уже из протокола (стр. 53) видно, что порядок был обратный и Витте начал с того, что „статью *надо изложить* в редакции большинства“ которое скрывалось под словом некоторые.

судьи писцев, сторожей и курьеров, вообще разных аспирантов в судьи годных разве для создания правосудия „Шемякина суда“ или для судьи аула Шамхала, о котором поэтически вспоминает поэт Полежаев, суда с его „praecepta virtutis“: „хочу сужу, хочу на законе сижу“.

Поддержал Витте назначенный при нем министром юстиции М. Г. Акимов, заявивший: „что необходимо иметь способы воздействия на суд в крайних случаях“. Но как мудрый юрист он предложил, что это постановление надо изложить так, чтобы принцип несменяемости *не был отменен* „Если принять статью 15 в редакции большинства, т. е. остаться при судебных уставах и судьи будут считать себя окончательно несменяемыми, то ручаться за последствия невозможно. Если революционное движение захватит суд, это будет конец государству“!

Но в дальнейших спорах распределение участников как бы перевернулось. Горемыкин в единоборстве с Витте, надел зеленые цвета юстиции и заявил, что нельзя „умалять престиж судей“! нельзя отменить того, что даровано населению уставами Александра II-го: начала несменяемости не следует отменять ни прямо, ни косвенно; это будет только поводом к нареканиям.

Против нового министра юстиции Акимова, выступил бывший министр юстиции граф Пален. Многократно заявлял он прежде, что не в его вкусе новые веяния, но по настоящему спору он перешел на другую сторону, а на его стороне были все преимущества: и посадка у него была иная, не то что у противника, напоминавшего своим обликом скорее приземистого оруженосца, да и приемы графа Палена показывали, что он из „посвященных“ ударом рыцарского меча. „Недовольных и без того много—сказал он. Дворянство всегда было опорою престола, но новыми законами оно будет раздражено; хотят то же самое сделать с судьями. В бытность мою министром, я имел много неприятностей от несменяемости судей. Но надо быть хладнокровным и не выходить из терпения. *Надо помнить, что без несменяемости правды не существует.* Далее он напомнил, что несменяемость была введена Александром II, а что обещано одним царем—обязательно для другого, и даже пророчески предупредил, что несоблюдение этого начала погубило короля Людовика XVI-го. Эти начала надо сохранять и отстаивать для блага России“.

Э. В. Фриш выступил на арену без соответствующего противника и указал, что несменяемость существует у нас уже с Екатерины II-ой, правда, только для судей, избранных дворянами, а после Александра II-го это начало было распространено родителем Вашим (т. е. Александром III-м) даже на

земских начальников в качестве судей; каким же образом можно теперь решиться это начало отвергнуть? Отмена была бы ошибкою.

При виде этих ошибок Государь как бы оробел и заметил (по протоколу): „Я ничего не имею против несменяемости“...

А Акимов, уже скрываясь с арены, робко прибавил: „против принципа несменяемости я ничего не имею, но желательно, чтобы хоть в случаях чрезвычайных Государь мог принимать меры относительно увольнения судей, и перешел ко второй части той же статьи, что во всех случаях, где оклады и пенсии чиновникам не установлены законами, они *очевидно* определяются Государем; хотя эта *любопытная очевидность*, о которой, как я указывал, так хлопотал Витте, при изготовлении проекта в канцелярии Комитета Министров, вызвала даже замечание Государя: „однако, в проекте Государственной Канцелярии этого правила совсем не было“. Даже Дурново усомнился в этой очевидности, заметив, что лично Государь назначал пенсии только за услуги исключительные, которые он один мог оценивать. А Сабуров даже заявил совсем противоположное мнение, что оклады, не установленные законами, должны определяться Думою и Государственным Советом.

Но необходимость внесения этого права особенно была подчеркиваема графом Витте и он, очевидно, раздражился (протокол стр. 58): „так поставить этот вопрос, сказал он, нельзя“; и представил *три* случая необходимости такого права для монарха: „*есть тайные агенты за границею*, их надо содержать; министрам надо назначать усиленные оклады, наконец есть суммы на известное Его Величеству употребление. Дума их не даст“.

И, наконец, закончились эти замечания не особенно „рыцарским“ напоминанием Петра Николаевича Дурново: „древнее право царей—право жаловать своих слуг, должно быть сохранено за монархом!“ Вероятно, он вспомнил „боярина Оршу“ Лермонтова: „пожаловал в веселый миг соболью шубу с плеч своих!“

Прерогатива пожалования усиленных окладов и пенсий была принята.

По статье 17 об имуществах кабинетских и удельных Голубевым было совершенно правильно предложено различить отдельные виды царевых имуществ (ст. 412 зак. гражд.): *личные и царствующего императора*, так-называемые „государевы“; он прибавил, что *личное* усмотрение может иметь применение только к имуществам первого рода. А граф Витте и здесь стал на свой конек, что надо оградить вопрос о распоряжении этими имуществами от вмешательства Думы, и что если Дума коснется вопроса о частной собственности,

в чем по его замечанию он убежден (стр. 61), то можно было бы заявить, что *царской собственности касаться нельзя.*

Поучительные споры вызвала и статья 18 проекта Совета Министров—о Верховном праве Государя объявлять местности на военном или исключительном положении. Не довольствуясь этою чрезвычайною мерою, граф Витте, находя ее недостаточною, предложил ввести еще новую статью,—так сказать, проектировать возможность революции сверху: *„Государь в обстоятельствах чрезвычайных издает указы в видах предотвращения грозящей государству опасности“*. Витте прибавил, что считает эту статью необходимою. Статья, с конституционной точки зрения, была, выражаясь вульгарно, сногсшибательная. Ни в одном государстве еще не мыслилась „вольность“ монарха сделать *переворот в силу закона*, когда ему вздумается. Первым вышел из оцепенения, как в „Руслане и Людмиле“ после coup d'état, устроенного Черномором, Сабуров. Он скромно заявил, что, по его мнению, эта статья лишняя, так как и без того есть статья 36, которая говорит об исключительных полномочиях при особых обстоятельствах; эти полномочия можно расширить, если их недостатотно, хотя они и без того широки. До 1903 года по полицейским дознаниям, с Высочайшего соизволения, без суда, ссылалось до 5000 в год, а это и подготовило почву для революции 1905 года. Так как если считать в круг по 20 человек затронутых на каждого сосланного, то получится ежегодный контингент недовольных до 100.000; Нельзя держать страну в безправии; нельзя основывать управление на штыках. Правительство должно иметь в исключительных случаях большие полномочия, но, всетаки, они должны быть определены. Даже Дурново был озадачен и только нашелся сначала сказать, что цифры Сабурова не точны (но других не указал), что такая статья нужна и „особенных последствий не вызовет“. Мы, дескать, ко всему привыкли, только дерзай! Князь А. Д. Оболенский в ужасе воскликнул: „Ведь это равносильно отмене Государственного Совета и Государственной Думы. Даже Государь, очевидно, был несколько ошеломлен, ибо только объявил: *этого не может быть:* и новая статья может быть применяема лишь при обстоятельствах чрезвычайных (?). Горемыкин сказал, что это бывает и в иностранных государствах! Но Фриш отпарировал это замечание тем, что там *эти меры* предусматриваются законом: „в данном же случае предполагается совсем другое, чего до настоящего времени *не было*“. Тогда Дурново освободился от ошеломления Чародея и уже с отрезвленным пониманием прямо заявил: „это (т. е. что такой меры никогда не было) совершенно справедливо, но и такого положения, в котором находится Россия, тоже никогда не было. У нас есть

охрана, но эта мера должна действовать сверх охраны, когда опасность грозит существованию государства. Тогда порядок должен быть восстановлен указами, которые никакой закон не может нормировать. Министр Внутр. Дел П. Н. Дурново прибавил: „что у нас (очевидно, по данным личного опыта) и администраторы таковы: или ничего не делают или делают очень много—середины нет, поэтому нам такие чрезвычайные меры необходимы". Граф Витте в своих репликах вытягивая, так сказать, диопозон пригодности придуманной им меры, прибавил, что во всех государствах бывали минуты, когда необходимость заставляла прибегать к переворотам, а мы сделаем это на основании закона. И, наконец, Дурново взял последний громовый аккорд: „Опасность грозит государству великая—у нас для опасностей есть положения достаточные для минутных беспорядков, а эта статья имеет в виду опасность *высшего порядка* на тот случай, если придется сказать, что Дума и Совет не существуют. Несомненно это будет государственный переворот, но его лучше основать на законе". Гроза переворота по предписанию закона привела в ужас даже самого министра юстиции Акимова: „во всем мире нет таких законов, которые предусматривали бы государственный переворот. Если есть сила, можно произвести переворот и без закона, если ее нет—и с законом переворот не сделаешь". С Акимовым согласился и столь мало обыкновенно с ним согласный Э. В. Фриш, а затем А. А. Сабуров обратился к Государю со словами: постановление возбудит недоверие народа не только к правительству, но и к Вам, Государь. *Тогда не поверят*, что Вы *сами* отказались от Ваших прав: скажут, что Вы *сами* предвидели государственный переворот!
Обращение подействовало.
Государь заявил: „я соглашаюсь этой статьи не вводить".

Последующие рассуждения по первой главе особенного значения не имели. Витте только объяснил, что была прежде в проекте статья, что акты, исходящие от Государя, скрепляются председателем Совета Министров, но потом эта статья была выкинута на том основании, что это не соответствует будто бы действительным отношениям председателя совета к Государю. Государь, как будто, будет издавать только такие указы, на которые министры согласны; одни скажут, что этим отнимается последняя власть у Государя, а другие, что министры, *благодаря скрепе, являются ответственными за указы*. Вот эта-то возможность парламентских неприятностей и запросов и решила, очевидно, исключение статьи. Так как по словам Витте, министр может уйти с поста только тогда, когда он не может вести дело, а не тогда, когда он несогласен с отдельным указом. На замечание же Сольского, что

министр должен представить Государю все доводы, обусловливающие его несогласие Витте ответил, что если министр порядочный человек, то он не будет же заявлять в Думе, что он возражал Государю по данному делу.

В последнее заседание приступили, наконец, к слушанию последних глав. По главе второй о правах граждан вопрос об исчезновении в проекте Совета Министров первой статьи проекта Государственной Канцелярии: о равенстве прав всех подданных, замененной исчислением некоторых их обязанностей, о чем я уже указывал, и не поднимался! Сделано было несколько замечаний по отдельным статьям, а потом высказались три различные точки зрения о необходимости этой главы вообще. И. Л. Горемыкин находил, „что вся эта глава не нужна, а может только вызвать недоразумение, так как правила об условиях и порядке осуществления всех этих свобод, по проекту, должны регулироваться новыми законами, а они будут подлежать обсуждению Думы. „По моему мнению, сказал он основные законы нужно редактировать так, чтобы Дума не могла вовсе касаться всех этих вопросов; в основных законах нет места этой главе, она возбудит только недоразумения". Граф Витте заявил, „что эта глава не имеет практического значения, но что иначе основные законы будут односторонни, и что если эту главу исключить, то это вызовет общее *негодование*." И, наконец, граф Сольский с своей стороны указал, „что глава эта имеет *огромное значение*, определяя права населения. Если ее не поместить, то эти права останутся неопределенными; смысл включения ее в основные законы тот, что в основе своей права подданных не могут быть изменены, а лишь порядок осуществления прав определяется частными законами, которые могут изменяться по почину Думы."

Из замечаний по поводу самого перечня отдельных свобод нельзя не упомянуть, что граф Сольский возбудил также вопрос: почему исключена статья о неприкосновенности частной переписки? На что граф Витте просто заметил, что статья эта исключена потому, что при нынешней организации полиции и сыскной части, без этого права обойтись нельзя. И только один Акимов заявил, что этой статьи исключать не следовало, так как надо, чтобы правительство не давало права на перлюстрацию.

Следующая еще более и, может быть, наиболее важная статья была о неприкосновенности права собственности вообще и, в частности, собственности на землю. Она вызвала страстные прения, причем также с полною перегруппировкою борцов. Представителем непримиримых аграрнев выступил граф Пален. „Основание государственного благосостояния состоит в охранении *священного принципа собственности*; где в землях

нужда, их можно будет добровольно купить. Дума должна это знать. Если поколебать собственность, то все нужно бросить. Допущение принудительного отчуждения собственности для наделения крестьян—это колебание основ государства". Его поддержал Вел. Кн. Николай Николаевич, а к ним примкнул и И. Л. Горемыкин. „Неприкосновенность собственности говорил Иван Логинович, должна быть установлена в ясной редакции, чтобы устранить поползновения Думы к наделению крестьян землею на счет частной собственности;русский народ поймет, что обсуждение этого вопроса может быть только по инициативе Государя. Разумные крестьяне приобрели собственность при помощи крестьянских банков и они благодарны правительству. Проекты в роде Кутлеровского производят неудовольствие даже среди крестьян. В вопросе о собственности нельзя оставлять щели. Пусть крестьяне ожидают помощи от Государя, а не от Думы. Надо сказать, что отчуждение возможно только для нужд и польз государства, или, как согласился он потом, в случаях, законом определенных."

Совершенно противоположную позицию занял граф Витте, выражавшийся с особою страстностью. „Объявить крестьянам,—сказал он,—что отчуждение не допускается для надела их землею, это будет величайшею ошибкою. Несомненно у нас будет закон, который допустит отчуждение частной собственности в пользу крестьян. Проект Н. Н. Кутлера я считаю вредным не потому, что собственность священна, а потому что для государства вредно уничтожение культурных хозяйств. Если согласиться с Горемыкиным и запретить Думе касаться вопроса о частной собственности, и если правительство не спасует, а действительно не допустит, чтобы Дума обсуждала проект об отчуждении частной собственности в пользу крестьян, и чтобы этот проэкт прошел через Думу в Государственный Совет (прохождение его в Совете и для Витте казалось невозможным); то через два месяца придется Думу разогнать штыками". Он, впрочем, полагал, что палаты и сами поймут, что *осуществить* этот проэкт невозможно, и сами от него потом откажутся.

В виде последней реплики ему аграрии представили такие же кровавые перспективы.

Граф Пален заявил, что если Дума захочет отобрать земли, то ее наверно придется распустить или даже разогнать штыками.

И. Л. Горемыкин, что если допустить обсуждение этого вопроса в Думе, то ее придется брать в штыки. Дума постановит обратить земли в национальную собственность, а это будет началом революции.

И. наконец, в заключение Э. В. Фриш предложил редактировать статью так, что принудительное отчуждение недви-

жимой собственности допускается, когда это будет признано необходимым для государственной или *общественной* пользы, за справедливое и приличное возваграждение. С этой редакцией согласился и Государь.

Но и в этом страстном споре, разумеется, не могло быть и намека на то мнение, которое довелось слышать и пережить нам за последнее время, когда владение недвижимою собственностью было объявлено не только подходящим под действие еврейского закона о юбилейных годах, что было бы понятно, ибо наши современные правители в значительном большинстве земледелием не занимаются, а по природе склонны к коммерции, а не к агрикультуре, но и недопустимым и даже *преступным*, каков бы ни был юридический титул владения, а потому и влекущим соответственное воздаяние. Хорошо еще, что „комитеты бедноты" под влиянием некоторого смягчения нравов к двадцатому веку, а, может быть, и смутного инстинктивного понимания голодного вымирания в будущем страны при разорении культурных гнезд и хозяйств, насильственное выдворение владельцев несколько смягчили принципом „по человеку глядя"; да и ширина советской власти несколько с'узилась.

Далее перешли к главе третьей о законах, вызвавшей прежде всего неудачный дебют молчавшего дотоле сочлена совещания профессора Эйхельмана, попросившего слова (стр. 80—83) у Государя и, повидимому, вовсе не представлявшего себе условий места и времени своего выступления, да едва ли и вообще особенно пригодного для выполнения принятой на себя роли по существу. В самом деле, его справка об основных законах с кратким обозрением содержания их, с которой он начал и которой невольно и закончил свое участие в обсуждении основных законов, была совершенно бесполезна. Он не понял ни предостерегающего замечания Фриша, что Сперанский, о котором он говорит, признавался до сих пор и признается лучшим кодефикатором, ни нетерпеливого восклицания Государя: „нам ведь еще много осталось рассматривать", и дождался еще более реского окрика: „Но нам надо окончить это дело сегодня! Пойдем далее!" После этого эпизода, особенных замечаний по главе о законах сделано не было.

Глава „Государственный Совет и Гос. Дума" вызвала, прежде всего, замечание о том, что излишне вносить в нее статью о Департаментах Совета, и хотя граф Витте и повторил обычное указание, что она внесена для того, чтобы Дума не возбудила вопроса об их уничтожении; но после замечания Сабурова, что в департаментах не рассматривается ни одно законодательное дело, и что связь их с Государственным Советом чисто механическая, Государь разрешил вопрос, указав,

„что департаменты доживают свой век и что можно об них не упоминать, в основных законах“.

Последнее относительно важное расхождение в мнениях явилось по вопросу о назначении количества контингента новобранцев, в случае неутверждения закона о предположенном контингенте к 1 мая текущего года Госуд. Думою [1]).

По проекту Совета министров, в этих случаях оставался в силе размер контингента предшествующего года; по мнению Мин. Вн. Дел П. Н. Дурново *потребное* число призывалось Высочайшим указом (неограниченно в размере контингента).

За мнение Дурново высказались Горемыкин, Вел. Кн. Николай Николаевич, Стишинский и военный министр Редигер.

Граф Витте находил. что хотя главный вопрос не в числе лиц, а в потребных для надлежащего числа средствах, но что нужно дать Верховной власти право призывать на службу потребное число лиц, независимо от воли Думы.

Э. В. Фриш и контролер Философов, напротив того, стали на ту точку зрения, что начиная с реформы воинской повинности при императоре Александре II, всегда число новобранцев определялось законом, а закон может быть проводим только через Думу. Изъять определение контингента из ведения законодательных учреждений значит отступать от начал, торжественно заявленных в манифесте 17 октября.

К этому же мнению склонялись граф Сольский и Э. В. Фриш.

Но решительное влияние оказало мнение Вел. Князя Владимира Александровича, который заявил: если Дума будет оказывать систематическую общую оппозицию, это будет очаг революции. Ее надо будет разогнать. Но раз Дума будет существовать, то нельзя ее лишать права рассматривать тот вопрос, который касается всего населения. Надо же надеяться, что в ней будут русские люди, а не все sans—patrie и что она не будет состоять сплошь из врагов России. Я не сочувствую Думе, но раз ее дали, было бы несправедливо не дать ей и этого права.

Вот и сопоставьте мнения якобы творца Думы—графа Витте и открытого защитника самодержавия, В. К. Владимира, которое либеральнее? Весы заколеблются!

[1]) По этому поводу и Тхоржевский пишет мне: „В первоначальном проэкте госуд. канцелярии ничего не говорилось о том, как быть с бюджетом и с армиею в случае отсутствия санкции Думы. В отношении к бюджету пробел был отмечен уже в моих замечаниях и соответствующие статьи были перемещены из бюджетных правил. Но пробел о контингенте новобранцев был отмечен уже в заседании Совета Министров М. Г. Акимовым. Витте горячо за это схватился и даже обрушился на канцелярию за этот пропуск“.

Государь, который сначала предположил, что можно отнести этот вопрос в область вопросов Верховного управления, порешил оставить статью по советскому проекту.

На вопрос, предложенный графом Сольским в самом конце совещания, какую форму угодно избрать Государю, для изъявления своей воли—он ответил: „я нахожу достаточным указа.

Тем совещание и окончилось.

Последняя глава 5-ая никаких замечаний не вызвала. Окончательную редакцию Государю было угодно возложить на графа Сольского, Фриша, графа Палена, графа Витте"... а также и министра юстиции; прибавил Государь после некоторой паузы.

Вместе с изготовлением проекта основных законов Канцелярия Совета заготовила материал для порядка обнародования их. Первоначально предполагалось придать этому более торжественную форму и издать акт завершения государственного строительства в виде торжественного манифеста. Под руководством барона Ю. Ю. Нольде было заготовлено два варианта манифеста, и на случай,—указ Правительствующему Сенату о том, какие именно из новых законодательных постановлений должны быть признаваемы основными законами и, следовательно, подлежащими изменению только по почину Государя. В манифесте заключалось торжественное подтверждение осуществлять законодательную власть в единении с избранными представителями народа, а в варианте манифеста № 1 заключалось еще и подтверждение хранить незыблемыми дарованные подданным права.

Позволяю себе в заключение привести, сохранившиеся в бумагах барона Э. Ю. Нольде, как оба варианта проекта манифеста. так и проект указа.

1

Проект Манифеста об издании Основных Законов № 1.

Божиею Милостью, Мы, Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Об'являем всем Нашим верным подданным:

Манифестом 17 Октября 1905 г. признали Мы за благо, в силу врученной Нам от Бога власти и движимые помыслами о лучшем устроении Государства, возвестить непреклонную Нашу волю об осуществлении Нами законодательной власти в единении с избранными представителями народа и о даровании населению незыблемых основ гражданской свободы.

Установив тем новые пути, по которым будет проявляться отныне Самодержавная власть Государей Российских, Мы повелели составить и утвердили закон о порядке участия выборных от народа в делах государственных и временные правила, определившие об'ем и порядок пользования правами гражданской свободы, в мере возможного при охватившей страну опасной смуте.

Законодательной деятельности во вновь установленном Нами порядке Мы предоставляем дальнейшее установление условий, которыми должна определяться свободная гражданская деятельность населения.

Подтверждаем волю Нашу хранить в неприкосновенности дарованные подданным Нашим права. Вместе с тем, помышляя единственно о благе Отечества, Мы повелели ныне, для вящшего укрепления основ установленного Нами государственного порядка, свести воедино все постановления законодательства Нашего, имеющие значение основных законов, а посему подлежащих изменению лишь по почину Нашему, и дополнить их узаконениями, точнее разграничивающими область принадлежащей Нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной.

Вследствие сего Повелеваем Правительствующему Сенату обнародовать во всеобщее сведение утвержденные Нами сего Марта основные законы Государства Российского.

2

Проект Манифеста об издании Основных Законов № 2.

Божиею милостью, Мы Николай Вторый, Император и Самодержец Всероссийский, царь польский, великий князь финляндский, и прочая, и прочая, и прочая.

Об'являем всем Нашим верным подданным:

В непрестанном попечении об усовершенствовании государственного порядка, Манифестами 6 Августа и 17 Октября 1905 г., возвестили Мы непреклонную Нашу волю осуществлять законодательную власть в единении с выборными от народа и даровать населению незыблемые основы гражданской свободы.

В соответствии с сим установили Мы, по праву, от Бога Нам данному, новый порядок издания законов и определили условия пользования правами гражданской свободы в мере возможного при охватившей страну опасной смуте, оставляя дальнейшее расширение пределов сей свободы до восстановления потрясенного внутреннего мира.

Вместе с тем, помышляя единственно о судьбах возлюбленного Нашего народа, блюсти кои Мы возложили на Себя священный обет перед Престолом Всевышнего, признали Мы ныне за благо, для вящщего укрепления основ обновленного государственного порядка, свести воедино все постановления законодательства Нашего, имеющие значение основных законов, а посему подлежащих изменению не иначе, как по Нашему почину, и дополнить их узаконениями, точнее разграничивающими область принадлежащей Нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной.

Вследствие сего Повелеваем Правительствующему Сенату обнародовать во всеобщее сведение утвержденные Нами сего числа основные законы Государства Российского.

Призываем всех Наших верных подданных вознести вместе с Нами усердные молитвы Царю-Царствующих, да благословит Он в неизреченной Своей милости установленные Нами новые пути к укреплению целости, могущества, благосостояния и спокойствия дорогого Нашего Отечества.

3

Проект Высочайшего Указа на тот случай, если особого издания Основных Законов не последует.

Указ Правительствующему Сенату.

В непристанном попечении об усовершенствовании государственного порядка, возвестили Мы неприклонную Нашу волю осуществлять законодательную власть в единении с выборными от народа и даровать населению незыблемые основы гражданской свободы.

Озабочиваясь укреплением основ обновленного Нами государственного порядка, признали Мы ныне за благо указать, какие именно из новых постановлений должны, по важности и значению своему, быть отнесены к числу основных и подлежать, в силу сего изменению лишь по почину Нашему.

В тех же видах обеспечения обновленному составу Государственного Совета и Государственной Думе возможности наиболее правильной и плодотворной работы на пользу Родины, почли Мы необходимым дополнить действующие основные законы новыми положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей Нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной,

осуществляемой Нами в единении с помянутыми учреждениями.

Вследствие сего Повелеваем:

I. Отнести к основным законам нижеследующие постановления, заключающиеся в Высочайшем Манифесте 20 Февраля сего года о изменении учреждения Государственного Совета и пересмотре учреждения Государственной Думы, а также изложенные в Именном Высочайшем Указе 20 Февраля сего года о Государственном Совете; в Высочайше утвержденном 20 Февраля сего года учреждении Государственной Думы и в Высочайше утвержденных, 4 Марта сего года, правилах о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов:

1) (39 проект осн. зак.). Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Его Императорского Величества.

2) (40 осн. зак.). Во время прекращения занятий Государственной Думы, если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере, которая требует обсуждения в порядке законодательном, Совет Министров представляет о ней Императорскому Величеству непосредственно. Мера эта не может однако вносить изменений ни в Основные Государственные Законы, ни в учреждение Государственного Совета или Государственной Думы, ни в постановления о выборах в Совет или в Думу. Действие такой меры прекращается, если подлежащим Министром или Главноуправляющим отдельною частью не будет внесен в Государственную Думу, в течении первых двух месяцев после возобновления занятий Думы, соответствующий принятой мере законопроект, или его не примут Государственная Дума или Государственный Совет.

3) (50 осн. зак.). Государственный Совет и Государственная Дума ежегодно созываются и распускаются Указами Императорского Величества.

4) (51 осн. зак.). Государственный Совет образуется из Членов по Высочайшему назначению и Членов по выборам. Государственный Совет и Государственная Дума пользуются равными в делах законодательства правами.

5) (52 осн. зак.). Для дел, особо в законе указанных, в составе Государственного Совета образуются Департаменты, состоящие из Членов, избираемых ежегодно Высочайшею Властью из числа Членов Государственного Совета по назначению. Положения Департаментов представляются непосредственно на Монаршее благоусмотрение.

6) (53 осн. зак.). Общее число Членов Государственного Совета, призываемых Высочайшею Властью к присутствованию в Совете из среды его Членов по Высочайшему назначению, не должно превышать общего числа Членов Совета по выборам. Состав Членов Совета по выборам может быть заменен новым составом до истечения срока полномочий сих Членов по Указу Императорского Величества, коим назначаются и новые выборы Членов Совета.

7) (54 осн. зак.). Государственная Дума может быть до истечения срока полномочий ее Членов распущена Указом Императорского Величества. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва.

8) (55 осн. зак.). Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно Императорскому Величеству.

9) (63 осн. зак.). Законодательные предположения рассматриваются в Государственной Думе и, по одобрении ею поступают в Государственный Совет. Законодательные предположения, предначертанныя по почину Государственному Совета, рассматриваются в Совете и, по одобрении им, поступают в Думу.

10) (64 осн. зак.). Законопроекты, не принятые Государственным Советом или Государственною Думою признаются отклоненными.

11) (65 осн. зак.). Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется обращаться к Министрам и Главноуправляющим отдельными частями, подчиненным по закону Правительствующему Сенату, с запросами по поводу таких, последовавших с их стороны, или подведомственных им лиц и установлений, действий, кои представляются незакономерными.

12) (57 осн. зак.). При обсуждении проекта государственной росписи не могут быть исключаемы или изменяемы такие доходы и расходы, которые внесены в проект росписи на основании действующих законов, положений, штатов, росписаний, а также Высочайших повелений, в порядке Верховного управления последовавших. Возникающие при этом в Государственном Совете или Государственной Думе предположения об изменении действующих законов, положений, штатов, росписаний, а также Высочайших повелений, на основании коих внесены в роспись доходы, и расходы, и об ассигновании средств на новые, не относившиеся ранее на средства казны,

потребности, — получают дальнейшее движение в порядке для рассмотрения законодательных дел установленном.

13) (58 осн. зак.). Кредиты на расходы Министерства Императорского Двора, вместе с состоящими в его ведении учреждениями, в суммах, не превышающих ассигнований по государственной росписи на 1906 г., обсуждению не подлежат. Равным образом не подлежат обсуждению такие изменения означенных кредитов, которые обусловливаются постановлениями Учреждения о Императорской Фамилии, соответственно происшедшим в ней переменам.

14) (59 осн. зак.). Назначения на платежи по государственным долгам и по другим, принятым на себя Государством обязательствам, не подлежат сокращению.

15) (60 осн. зак.). Если государственная роспись не будет утверждена к началу сметного периода, то остается в силе последняя, установленным порядком утвержденная роспись, с теми лишь изменениями, какие обусловливаются исполнением последовавших после ее утверждения узаконений. Впредь до обнародования новой росписи, по постановлениям Совета Министров, в распоряжение Министерств и Главных Управлений открываются постепенно кредиты в размерах действительной потребности, не превышающие, однако, в месяц, во всей их совокупности, одной двенадцатой части общего по росписи итога расходов.

16) (62 осн. зак.). Чрезвычайные сверхсметные кредиты на потребности военного времени и на особые приготовления, предшествующие войне, открываются по всем ведомствам порядком, установленным Высочайше утвержденными 26 Февраля 1890 г. правилами (третье полное собрание законов, т. X № 6609).

II. В дополнение законов основных постановить следующие правила:

1) (ст. 11 пр. осн. зак.). Государь Император в порядке верховного управления издает, в соответствии с законами, указы и повеления, необходимые для исполнения законов, для устройства частей государственного управления, для ограждения государственной и общественной безопасности и порядка, а также для обеспечения народного благосостояния. Указы, в порядке верховного управления изданные, обнародываются Правительствующим Сенатом.

2) (ст. 12 осн. зак.). Государь Император есть верховный руководитель внешних сношений Российского государства. Ему принадлежит высшее направление международной политики России. Он об'являет войну, заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами.

3) (ст. 13 осн. зак.). Государь Император есть Державный

Вождь российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами. Он определяет устройство армии и флота, издает повеления относительно дислокации войск, приведения их на военное положение, строевого их обучения и прохождения службы чинами армии и флота. Им же устанавливаются ограничения в отношении права жительства и приобретения недвижимого имущества в местностях, которые составляют крепостные районы и опорные пункты для армии и флота.

4) (ст. 15 осн. зак.). *По мнению большинства.* Государь Император назначает Председателя Совета Министров и Главноуправляющих отдельными частями, а также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения. Власти Его предоставляется увольнение от государственной службы всех без из'ятия должностных лиц. Равным образом власти Его Императорского Величества принадлежит определение окладов содержания и назначение размеров пенсий тем должностным лицам, коим таковые не установлены законом, а также пожалование служащим усиленных окладов и назначение усиленных пенсий и пособий служащим и их семействам.

По мнению меньшинства. Государь Император назначает и увольняет Председателя Совета Министров, Министров и Главноуправляющих отдельными частями, также прочих должностных лиц, если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения. Равным образом власти Его Императорского Величества принадлежит определение окладов содержания и назначение размеров пенсий тем должностным лицам, коим таковые не установлены законом, а также пожалование служащим усиленных окладов и назначение усиленных пенсий и пособий служащим и их семействам.

5) (ст. 17 осн. зак.). Государь Император определяет пространство и свойства прав Своих в отношении имуществ, Ему принадлежащих, равно как удельных и состоящих в ведении Кабинета Его Императорского Величества. Им же определяются устройство и порядок управления Императорским Двором, состоящими при нем учреждениями и удельным ведомством.

6) (ст. 18 осн. зак.). Государю Императору принадлежит об'явление местностей Российской Империи на военном или исключительном положении.

7) (ст. 20 осн. зак.). Государю Императору принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния с освобождением

их от суда и наказания, а также сложение, в путях Монаршего милосердия, казенных взысканий.

8) (ст. 69 осн. зак.). Председатель Совета Министров, Министры и Главноуправляющие отдельными частями ответствуют, в их совокупности, перед Его Императорским Величеством за общий ход государственного управления в пределах данных им полномочий. Каждый из них в отдельности ответствует за свои личные действия и распоряжения.

9) (ст. 61 осн. зак.). Если, по заблаговременном внесении в Государственную Думу предположений о числе людей, потребном для пополнения армии и флота, закон по сему предмету не будет в установленном порядке издан к 1 Мая каждого года, то Высочайшим Указом призывается на военную службу количество людей не свыше назначенного в предшествующем году.

10) (ст. 49 осн. зак.). Постановления по строевой, технической, хозяйственной, военно-судебной и военно-морской судебной частям, а равно положения и наказы учреждениям и должностным лицам военного и морского ведомств издаются в порядке, установленном в сводах военных и военно-морских постановлений, если только сии постановления, положения и наказы относятся собственно к одному из упомянутых ведомств, не касаются предметов общих законов и не вызывают нового расхода из казны или же вызываемый ими новый расход покрывается ожидаемыми сбережениями по финансовой смете Военного или Морского Министерства по принадлежности. В противном случае представление означенных постановлений, проектов и наказов на Высочайшее утверждение допускается лишь по испрошении в установленном порядке ассигнования соответственного кредита.

11) Совершение государственных займов для покрытия как сметных расходов, так и всех сверхсметных кредитов, кроме случаев нижеуказанных, происходит по испрошении на то разрешения в порядке, установленном для утверждения государственной росписи.

В том случае, если заем требуется для покрытия расходов в пределах росписи, получившей силу на основании статьи 15 разд. I настоящего указа, то осуществление такового может последовать без испрошения разрешения в указанном выше порядке. Государственные займы, потребные для покрытия чрезвычайных сверхсметных кредитов, упомянутых в ст. 16 разд. I настоящего указа, разрешаются порядком, установленным для открытия сих кредитов в Выс. утв., 26 Февраля 1890 г., правилах (З. П. С. Т. X. № 6609). Определение способов и условий совершения займа возлагается на Комитет Финансов.

Вместе с тем Повелеваем Государственному Секретарю озаботиться составлением в кодификационном порядке нового издания Основных Законов, согласованного с настоящим Указом и Манифестами Нашими 17 Апреля и 17 Октября 1905 года и затем представить таковое непосредственно на Наше утверждение.

Экскурсия в область мечтаний [1])

> Над вольной мыслью Богу не угодны
> насилия и гнет;
> Она в душе рожденная свободно
> В оковах не умрет!
>
> Алексей Толстой „Иоанн Дамаскин"

Но прежде изложения хода второго Царскосельского Совещания я не могу воздержаться от маленького отступления. Видимо это признак патологического старческого маразма вырожающегося в болтливости, а может быть простое проявление органического дефекта, нудящего меня, как в „Фаусте" Гете Мефистофеля, в беседе со студентом, не выдерживать сухого тона ученого хронографа.

Не все же пребывать в настроении читателя „Горе-Злосчастья" или „Бедной Лизы". Ведь *сам* Пушкин сказал: „что не все же слезы горькие лить о бедствиях существенных, на минуту позабудемся в мире вымыслов драгих."

Для успокоения расходившихся нервов и разогнания меланхолии, можно вообразить себя созерцающим старого факельщика в дырявой шляпе из приснопамятной гробовой процессии „Шумилова старшего", или представить себя сидящим, ну, хоть в Александринском театре, при исполнении трагедии „Есхила", в момент слушания хора плакальщиц Адониса. Помогает!

Мы и слышим и говорим: „история повторяется", а иногда добавляем „хотя и прогрессирует", и относим это не только к большим явлениям жизни, но и к подробностям. Ну что, например, общего между временами „кряжа монархизма" Николая I и мгновениями Ленина, если не первого, то единственного, а между тем посравните их, и может быть невольно скажите: „история повторяется"! [2]).

---

[1]) Этот несколько балагурный очерк первоначально был мною включен в изложение обозрения работ второго царскосельского совещания; но он так мало соответствовал общему тону изложения, что я при окончательной обработке решил его из этой главы исключить. Конечно можно было его и совсем не печатать, но родительское чувство нежности к раз написанному, превозмогло и я его перенес только в другое место, как нечто дополнительное. Но осталось начало и конец этой шутки, которые указывают, что она была включена в общий ряд этюдов (авт.).

[2]) В. Быстрянский в статье:—„Либо большевизм, либо великая Россия" Петроградская правда 1919 г. 6 Августа № 175, приводит слова из письма из-

Однако попасть в область уподеблений опасно, самые неподходящие так и полезут в голову, да еще и с выводами из них. Но хотя ныне и время свободной демократической коммуны, а все же от некоторых полетов мысли лучше воздержаться, даже и мне старику. Приведу лишь те, которые полегче.

Все мы помним, как недавно в наших палатах спорили и рядили о допустимости к судебной деятельности молодых юристок, прошедших трудный стаж римского и иных прав, и как делали из этого допущения правозаступниц, (что было сделано, как раз моим сыном Николаем Николаевичем, товарищем председателя в Петербургском окружном суде,)чуть ли не министерский вопрос, в особенности в верхней палате, а затем как затрепали этот вопрос газеты, с соответствующей злобною оценкой наших прений в „Русском знамени" и ему подобной прессе. А посмотрите как свободно и легко решился этот жгучий вопрос теперь! Свободная от латинских и немецких премудростей дева, *„из Дом-Реми"*, правда, причесанная под модную прическу, уступая времени и природе, не ожидая голосования в народном собрании вопроса о допустимости в судьи женщин, как султан *Аула Шамхала*, в известном стихотворении злосчастного поэта Полежаева, загнанного в гроб Николаем I за его поэму „Сашка", „сидит и судит всех наповал".

Все дело в упрощении способов решения и смелости полета мыслей!

Но возвратимся к заявленному мною уподоблению времен „незабвенного" и „несравненного".

В самом деле задумайтесь, например, над положением печати, или, как говорят желторотые юнцы, „пульса мысли", да и посравните „век нынешний и век минувший", оби эпохи. Так пожалуй и скажите: „свежо предание, а верится с трудом". Да, история повторяется!

Ну вообразите себе такую „Брэт-гартовскую" картину: сошлись, как „на ночном смотру" покойнички с петербургских, московских и иных кладбищ бренных телес и их принадлежностей духа и мысли; покойнички не с литераторских, а всегда соседних с ними *цензорских* мостков, николаевской и соседних эпох. Сошлись все скелеты заслуженные с медальками при ребрах. Чин-чином выбрали призидиум, посадили

вестного Струве который требует воссоздания „единой и могущественной России" и который подтверждает мое шутливое сопоставление: „Нашей реакции, на Западе, опасаются едва ли ни в той же мере как нашего большевизма. Если последний угрожает мировому порядку и *несет с собою модернизованный империализм*, то первая представляется существенною угрозою мировой свободе и тоже озвачает торжество империалистических стремлений". А большевик Иванов-Разумник! разве он не говорит, что у Пушкина глубочайшее по мысли произведение: „к клеветникам России", а ведь оно так же ценилось и Николаем 1-м.

председателем, так сказать комиссаром, персону достойную, правда, немного более ранних времен, которому „государево дело“ читать в мыслях, было бы за обычай, да читать не только в крамольных душонках контр-революционеров, а заправских масонов из ложи „Астрея“ или из ложи „Восходящее Солнце“; одним словом, посадили самого Шешковского, а в заместители ему более нам современного „некрасовского истязателя“ Лебедева. Да и начали судить и рядить и с горечью вспоминать „минувшие дни и битвы, где вместе рубились они“. Начали горевать, как это не додумались они до тех приемов борьбы с идеологией тогдашних ненавистных буржуев, „вольных каменщиков“, не додумались до приемов, которых теперь развелось сколько угодно, и загрустили, меланхолически вздыхая. Да! Вот что значит пройти стаж мыслей, прений и резолюций о необходимости свободы слова и печати, о гнете и мерзости голубых архангелов от Цепного моста и черных воронов из Театральной улицы; о чем так много спорили „от зари до зари“ и волновались представители разных крайних групп социализма и анархизма в буржуйной старушке в Швейцарии. А мы то думали, шамкали они, что дальше нас уж никто не пойдет!

Да, разве это не картинка с натуры?

Но от мира духов перейдем в мир реальный, в область повседневной прессы, в которой, замечу мимоходом, одна восьмая хлеба духовного никак не может дотянуть до стоимости и жизненного значения одной восьмой хлеба насущного. Разве на эту прессу не налегла тяжелая мохнатая рука, того же, не к ночи будь сказано, домового, для цензуры пожалуй прибавим—„комитета!„ Ведь это только придворные поэты прежде мнили, что воспрепятствовать свободе мысли и слова напрасный зуд больного воображения невежественных насильников, и горделиво говорили: „и потекут ли вспять струи потока, что между скал гремит? и солнце, там, поднявшись на востоке, вернется ли назад?, а буржуйный поэт мести и печали Некрасов, обращаясь к рассыльному, принесшему от цензора Лебедева стихи, прошедшие чрез инквизиционную „деву пыток“ [1]), из исстрадавшейся груди извлек только вопль, глядя на красные чернила: „это кровь моя проливается“, („о погоде“), [2]) а теперь? запищишь мышенком

---

[1]) Jungfrau von Nürenberg.

[2]) Вот что писал Некрасов Льву Николаевичу Толстому по поводу той *переделки*, которую цензор Мусин Пушкин сделал в рассказе Толстого „ночь в Севастополе“, присланном для напечатания в Современнике: „Возмутительное безобразие, в которое приведена Ваша статья испортила во мне последнюю кровь. До сих пор не могу думать об этом без тоски и бешенства“.

А ведь это истязание живого слова разыгралось много позже кон-

под тяжестью десяти тысяч или двадцати тысяч рублей штрафа, хотя бы и „керенками, да не запоешь соловьем в клетке без окон и дверей с полным отсутствием кислорода! А там?! „время то есть, да писать нет возможности, мысль убивающий страх, не перейти бы границ осторожности, голову держит в тисках“ Писал тот же страдалец, почти перед смертию, а теперь прибавил бы он: ведь и расстрел недалеко! [1]).

Да, история повторяется, иногда, так сказать, усугубляясь.

А посмотрите какая теперь изящная и научная литература из прежней, буржуйной, в ходу и чести? Очень ее не много, да и то преимущественно ее читает и требует молодежь, подрастающее к сознательной общественной и государственной жизни поколение. А среди более солидных сочленов жизненной трагедии? Пожалуй, кроме „подарка молодым хозяйкам“, „скоромный и постный стол“, или С. А. Драгомировой „Помощь хозяйкам“ и иных подобных, утробных наставителей, изучаемых в интересах самообразования, найдется в ее репертуаре не много. Разве читаются и вспоминаются Пушкин или Лермонтов? Гете или Шиллер, Шекспир или Байрон? Куда им! Отошло их „неграмотных“ по новому правописанию, буржуйное время! Теперь по крайней мере мне, а ведь каждый судит по себе—всего чаще из былых авторов приходит на память кумир младости—дедушка Крылов; да разве вспомнится Гоголь с его бессмертными Ноздревыми, Собакевичами и во главе всех с Павлом Ивановичем Чичиковым“. Качаю иногда головою, да и думаю: ведь персонажами из „Мертвых Душ“ или „Городничего“ в наши времена, хоть пруд пруди!

Да что говорить о читателях, а сами то „светочи, возженные на горе“, писатели? Правда, в ближайшее время они вообще измельчали. Неумолимая коса смерти, особенно у нас на Руси, не щадно скосила большею частью преждевременно, самые высокие колосья. Но и те что остались, хотя немного и помельче, однако к голосу их мы все—таки с жадностью прислушивались; их мыслями и образами уносились мы в духовное поднебесье; бряцания их лир вносило отдых и успокоение в наше утомленное житейскими невзгодами сердце. Где они, где те, коим „вечный судия дал всеведенье пророка“, что бы в „сердцах людей читать страницы злобы и

чины Николая I-го, уже при новом императоре. Вообще вакханалия цензурного комитета над повестями Тургенева „Муму“ или гр. Толстого „Моргун“—это что то невероятное. Да повторю еще раз: прав был Некрасов, говоря: „это кровь моя проливается“!

[1]) „В руках у палачей слова“. Голос минувшего 1918 г. № 4—6—Евгеньев—Максимов“.

порока“. Где они? Чем заняты преемники и наследники великих теней?

Сходите в Петербурге на Бассейную улицу в дом № 5; там, „клуб литераторов“, устроенный обществом взаимно-помощи писателей и вы получите для одних печальный, для других успокоительный, а для третьих—духовозвышающий ответ: „жив Бог и жива душа моя“, восклицали древнееврейские пророки, повторим за ними и мы! Там и не в правлении клуба, не распорядителями, вы увидите их, жрецов искусства и знания, нет, в белых халатиках и колпачках мелькнут пред Вами оживленные лица нашей молодой, а иногда и пожилой пишущей братии, наших писательниц, переводчиц: они подметают полы, моют и разносят посуду и кушанье, там нет кроме их, других „услужающих“! А спуститесь пониже, в кухню клуба. Вы узрите, что пока „не требует наших поэтесс к священной жертве Аполлон“, они преисправно исполняют обязанности кухмистерш или поварих. Да и какие таланты они проявляют! Как вкусно они готовят! Пальчики оближешь. Когда то полковник Скалозуб из „Горе от ума“ говорил про московских дам: „командовать пошлите перед фронтом, присутствовать пошлите их в сенат“. А я бы про наших поэтесс мог с таким же основанием воскликнуть: „испечь пошлите их любые пирожки, рагу или форшмаки, смастерить; котлетки рыбьи приготовить“. Да с полным правом можете сказать, что какая то особая муза „их *тонкий вкус* с любовью воспитала“. Да не могу не вспомнить при таком подходящем случае об одном моем личном переживании; об отдолжении в минуту печали литератора-повара. Наступило 19-го февраля 1919 г. по старому стилю. Великий день, когда пало рабство и когда свободный русский крестьянин, осеняя себя крестным знамением, вздохнул свободною грудью. Сей день по воле Провидения совпал с днем рождения автора этих строк. И вот в этом году исполнялось мне 76 лет. Грустно сидел я в это утро, да и думал: не собрать мне, как делал я ежегодно (неуклонно) за трапезою близких друзей и родных; не придется мне сказать им: „друзья наливайте полнее бокалы“; да и из друзей „одних уж нет, а те далече“; не придется мне провозгласить, как всегда, мотивированный тост, и получить на него же задушевные ответы, а придется ограничится какой нибудь овсянкой, да разве, в виде роскоши, позволить себе рагу из конины, и грустно мне стало. И что же—вдруг сжалилась мать сыра земля, Muter Erde из гибели богов Вагнера, над старцем, мечтавшим, как в какой-то пьесе Дьяченки один из персонажей: „сладенького бы мне теперь“. Получаю презент, в виде рассыпчатого тающего во рту пирога с клюквенным вареньем от много известного в Петро-

граде журналиста и репортера Льва Моисеевича Львова (Клячко), оказавшегося наичудеснейшим кондитером и который, по его заявлению, всегда и дома был вкусным семейным поваром достовлявшим усладу своим детям, и изготовил он мне сей пирог как настоящий повар; в белом колпаке и переднике. О Tempora! О счастье!

А припомните, извиняюсь за перерыв, в виду предложенного мною сравнения времен минувших и настоящих, как мы бывало захлебывались над неосторожно пропущенной уловителем мыслей, тирадой Загорецкого: „кто что ни говори, хоть и животные, а все таки цари"! Как мы аплодировали этой цензорской оплошности, чуть не до мозолей рук! Ну, а теперь далеко ушли? Попробуйте-ка публично и выразительно прочесть, ну хоть бы „квартет" или „Кот и Повар" или „Осел и Соловей" или, Боже-упаси—„Волк и Ягненок, или „Пир зверей". А не хочешь ли на Гороховую № 2, а то и в Кресты.

И должен дополнительно добавить: ведь всю эту длинную и несомненно утомительную вставку [1]) я сделал только для того, чтобы сказать, что мне в моих воспоминаниях хочется воспользоваться некоторыми метафорами или уподоблениями. Нужны ли такие как бы балаганные и может быть скучные подходы?

Напомню читателям, что рассказывая о Булыгинской думе я рискнул прибегнуть к одному земледельческо-кулинарному уподоблению, приравняв Петергофское Совещание к выпечке кулича. Теперь переходя к Виттевской думе я прибегну к уподоблению его творения, более близкому ее творцу, образу, к пользовавшемуся его симпатиями ремесленно-фабричному делу, и возьму метафору из сферы портняжно-цехового мастерства.

Не знаю придется ли мне писать что нибудь по поводу Думы третьего образца, Думы Крыжановского 3-го июня и из какой сферы буду я брать тогда материал для сравнения; а пока остановлюсь на втором образце, Думе графа Витте.

Смелости моих метафор не удивляйтесь! Я учил, в былые времена, в гимназии, как пример стихотворного уподобления, сиречь метафоры: „вся наша жизнь ничто иное, как лишь *мечтание* пустое, иль, нет, как некий *тяжкий шар* на тонком волоске висящий". Если дозволительно было в былое время уподоблять „мечтания" „тяжкому шару" то кольми паче можно сравнивать думу с куличем или с каким нибудь костюмом. Ведь все эти предметы по крайней мере из общего мира реальностей.

---

[1]) Увы должен прибавить, что теперь—сентябрь 1919г., многое и из этого прибавления устарело: за бегом переживаемого не угонишься.

И так, с портняжной точки зрения, задачею Булыгинской думы было сооружение падишаху парадного халата, который был бы пригоден для пристойного появления. „Солнца земли" среди иных властителей мира„.—Скроили, приделали, к нему ярко малиновые отвороты, гарлатные опушки и широко-распашные, с соболиною оторочкою, рукава-самохваты.

Если и тогда портные и закройщики спорили и рядили: не чувствуются ли где нибудь излишние закрепы и строченные швы, которые могут причинить, если не боль, то неприятное ощущение холеному телу владыки, то много труднее предстояла задача при сооружении вновь потребовавшегося костюма! Теперь новому портняжных дел мастеру надо было соорудить нечто утреннее, модное, вроде „пижама" обще-европейского образца, в котором при известных условиях можно было бы явиться на семейный утренний завтрак сервированный даже в строго этикетной английской семье, и сидеть среди других гостей уже не в качестве „падишаха", а в роли „друга" и „брата".

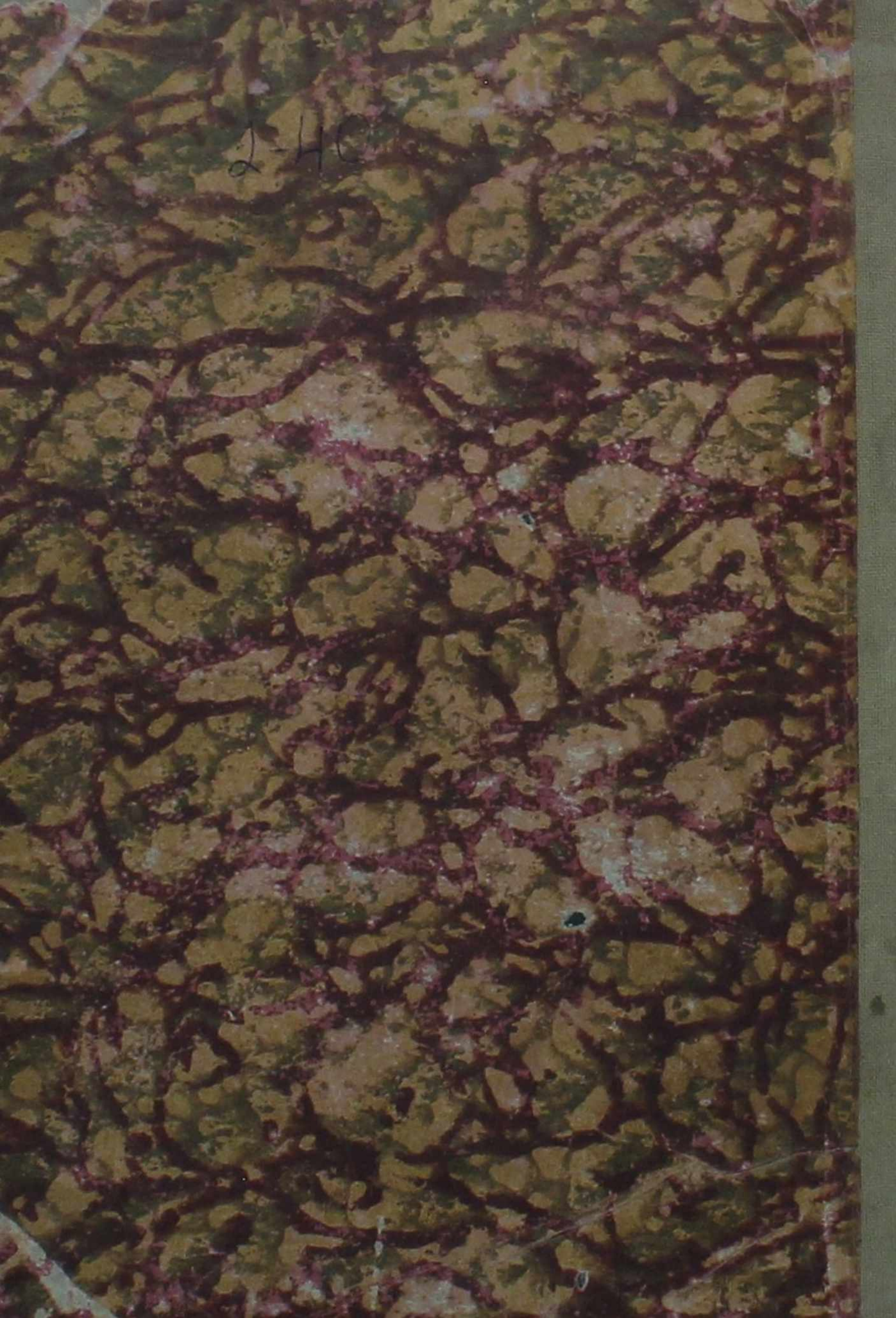
Правда оказалось что и этот фасон не прочен, но все аки в феврале он был сметан и началась примерка!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Выпуск I-й.

Выпуск II-й.

2-40

2-HC